Maikov, B. A.

Aleksandr Nikolaevich Ostrovskiĭ;

891.72
085ZM

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Б. А. МАЙКОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ

Разборъ главнѣйшихъ произведеній.

Изданіе 2-ое.

Книгоиздательство „ОРОСЪ“

1914.

Цѣна 75 коп.

Майков В. А.

Б. А. МАЙКОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ

Подробный разборъ главнѣйшихъ произведеній для учащихся.

ИЗДАНІЕ 2-ое.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ОРОСЪ“.

Тип. Л. Билинскаго и В. Маслянкевича.

891.72
O85ZM

Біографическій очеркъ.

Александръ Николаевичъ Островскій родился въ 1823 гогу въ гор. Москвѣ.

Родъ Островскихъ происходитъ изъ Костромской губерніи Дѣдъ знаменитаго писателя былъ протоіерей одной изъ церквей въ г. Костромѣ. Овдовѣвъ, онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и постригся въ Донецкомъ монастырѣ; впослѣдствіи онъ принялъ схиму и, отличаясь высокимъ иноческимъ подвигомъ, пользовался глубокимъ уваженіемъ всей монастырской братіи.

Отецъ писателя, Николай Ѳедоровичъ, учился въ Костромской духовной семинаріи, окончивъ которую, перешелъ въ Московскую духовную академію. Удостоившись здѣсь степени кандидата, онъ поступилъ на гражданскую службу и вскорѣ женился на дочери просфирни. Молодые супруги жили въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Замоскворѣчья, гдѣ 31 марта 1823 года у нихъ родился сынъ — Александръ, впослѣдствіи русскій писатель, каторого справедливо называютъ основателемъ русской бытовой комедіи. Жена Николая Ѳедоровича скоро скончалась, оставивъ мужу шесторо малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Александру Николаевичу, не было еще и десяти лѣтъ. Итакъ, будущій писатель сравнительно рано лишился материнской ласки. Проживая въ Замоскворѣчьи, воспріимчивый ребенокъ былъ съ самого ранняго дѣтства окруженъ какъ бы сказочнымъ міромъ; здѣсь бережно еще хранились во всей неприкосновенности преданія и завѣты самой глубокой старины. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ про-

изведеній Островскій называетъ свою родину „волшебной страной“, населенной сказочными героями. Въ такой обстановкѣ неокрѣпшій умъ даровитаго мальчика могъ бы насквозь пропитаться старинными предразсудками, суевѣріемъ, такъ какъ воспитаніе его было предоставлено случаю. Но, къ счастью, отецъ озаботился настолько его предготовить, чтобы онъ могъ поступить въ гимназію. Въ 1835 году отецъ подаетъ прошеніе въ Московскую губернскую гимназію о принятіи его двѣнадцатилѣтняго сына Александра „въ такой классъ гимназіи, въ который по экзамену онъ окажется достойнымъ“, упоминая въ прошеніи, что сынъ его „по-россійски писать и читать умѣетъ и первыя четыре правила ариѳметики знаетъ“. Въ 1838 году Николай Ѳедоровичъ, уже получивши дворянское достоинство, хлопочетъ о внесеніи себя и дѣтей своихъ въ дворянскую родословную книгу, а черезъ два года оставляетъ государственную службу и начинаетъ заниматься ходатайствомъ по гражданскимъ дѣламъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ бѣдныхъ подъячихъ, занимающихся веденіемъ дѣлъ замоскворѣцкаго купечества, типы которыхъ такъ часто встрѣчаются въ комедіяхъ Островскаго. Вполнѣ понятно, что талантливому мальчику уже въ дѣтствѣ пришлось на только наблюдать, но и на своихъ близкихъ испытать всю тяготу нравовъ Замоскворѣчья. Между тѣмъ Александръ Николаевичъ прошелъ курсъ гимназіи, не проявляя блестящихъ способностей. Да оно и не удивительно, такъ какъ тогдашняя педагогія заставляла желать многаго; сухая и суровая школьная наука едва-ли могла привлечь и заинтересовать живого и богато одареннаго мальчика. Еще въ гимназіи Островскій успѣлъ пристраститься къ театру. И это дѣлается намъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, какое высокое мѣсто занималъ въ то время московскій театръ. Не сценѣ этого театра играли лучшія въ Россіи труппы во главѣ съ такими крупными талантами, какъ Мочаловъ и Щепкинъ. Московская молодежь бредила театромъ, дѣлилась на партіи, спорила и шумѣла изъ-за тѣхъ или другихъ актеровъ-любимцевъ. По примѣру сверстниковъ Островскій въ старшихъ классахъ гимназіи любилъ театръ, часто его посѣщалъ и съ захватывающимъ интересомъ говорилъ объ игрѣ того или другого актера.

Въ 1840 году Островскій выдерживаетъ выпускные экза-

мены, оканчиваетъ гимназію съ правомъ поступленія въ университетъ безъ предварительнаго испытанія и поступаетъ на юридическій факультетъ Московского университета, что было весьма естественно въ виду того, что отецъ его къ этому времени уже сдѣлался извѣстнымъ ходатаемъ по дѣламъ и имѣлъ хорошую практику. Въ университетѣ Островскій пробылъ недолго и курса не кончилъ, будучи принужденъ выйти, вслѣдствіе столкновенія съ однимъ изъ профессоровъ. Такимъ образомъ, малодому человѣку не удалось поучиться подъ руководствомъ талантливыхъ профессоровъ того времени. Не удалось ему взойти и въ одинъ изъ тѣхъ кружковъ учащейся молодежи, развивающее значеніе которыхъ такъ мастерски отмѣтилъ Тургеневъ въ романѣ „Рудинъ". Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что сознаніе большихъ пробѣловъ въ образованіи, впослѣдствіи доставило много тяжелыхъ и горькихъ минутъ Островскому и онъ старался ихъ пополнить.

Въ 1843 году „не имѣющій чина изъ дворянъ" Александръ Николаевичъ зачисляется канцелярскимъ служителемъ въ Московскій совѣстный судъ, гдѣ разбирались „по совѣсти" тяжебныя дѣла между близкими родственниками. Спустя два года онъ переходитъ въ Московскій коммерческій судъ, учрежденіе сравнительно молодое и по своему характеру отличавшееся менѣе устарѣлыми формами. Здѣсь ему было назначено жалованіе всего 4 рубля на мѣсяцъ. Знакомство Александра Николаевича съ дѣлами этого суда, еще болѣе знакомило его съ практикой отца, имѣвшаго кліентуру преимущественно среди московскаго купечества.

Если къ этому прибавить молодые годы жизни, проведенные въ Замоскворѣчьѣ, то станетъ яснымъ, почему все это дѣлало Островскаго знатокомъ купеческой жизни Москвы со всѣми ея темными сторонами семейнаго и общественнаго быта. „Нужно замѣтить, говоритъ Скабичевскій, что несмотря на то, что Островскій былъ исключительно городской писатель, всю жизнь съ небольшими лишь перерывами прожившій въ Москвѣ, онъ былъ именно какъ москвичъ поставленъ въ весьма выгодныя условія для наблюденій русской жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея слояхъ и историческихъ пластахъ". Москва тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ была поистинѣ фокусомъ

Россіи, вмѣщавшимъ въ своихъ стѣнахъ всѣ ея историческія и современныя особенности. Здѣсь сосредоточивалось въ эту эпоху высшее умственное движеніе интеллигентнаго общества, издавались лучшіе журналы: „Московскій телеграфъ“, „Телескомъ“, позже „Московскій наблюдатель“, „Молва“. Здѣсь развивались кружки шеллингистовъ:—Станкевича, Герцена, или велись оживленные споры о судьбахъ Европы и Россіи на основаніи послѣднихъ словъ европейской философіи и науки. Тутъ же съ этими интеллигентными верхами жили въ своихъ дворцахъ баре во всей деревенской и степной простотѣ, окруженные многочисленными дворнями крѣпостныхъ и сворами собакъ, и беззастѣнчиво производили жестокія расправы на конюшняхъ почти всенародно. Далѣе рядомъ съ чиновниками — бюрократами петербургскаго склада щеголями и карьеристами, здѣсь гнѣздились чиновничьи типы и нравы московскихъ подъячихъ до-петровской старины. Еще ниже, въ купеческихъ семьяхъ, тронутыхъ цивилизаціей, можно было наблюдать тотъ самый первоначальный процессъ внѣшняго объевропеизованія, какой въ дворянскихъ слояхъ совершался при Петрѣ. Наконецъ, на самомъ низу сохранился въ полной неприкосновенности тотъ самый до-петровскій порядокъ, какой имѣлъ мѣсто въ самые отдаленные вѣка до-петровской Руси. Такимъ образомъ, проживая въ Москвѣ, Островскій видѣлъ Русь во всемъ ея историческомъ и современномъ разнообразіи. Молодой Островскій чутко приглядывался къ разнообразному люду Москвы, прислушивался къ разговорамъ: отсюда онъ и черпалъ содержаніе первыхъ своихъ произведеній. Онъ началъ уже набрасывать на бумагу отдѣльныя сцены, изъ которыхъ потомъ составилась большая комедія изъ жизни купечества. Вполнѣ понятно, что служба въ Коммерческомъ судѣ имѣла формальное значеніе, и въ Островскомъ окончательно созрѣвалъ будущій писатель: въ его жизни наступила та пора, которую онъ самъ считаетъ эпохою въ своей жизни. „Самый памятный для меня день въ моей жизни,—писалъ Островскій въ своей автобіографической замѣткѣ, — это 14 февраля 1847 года“. Въ этотъ знаменательный день Островскій выступилъ съ чтеніемъ своего перваго произведенія въ кружкѣ зна-

комыхъ писателей. Чтеніе происходило на квартирѣ профессора русской словесности Шевырева въ присутствіи А. С. Хомякова, С. П. Колошина, А. А. Григорьева и др „С. П. Шевыревъ, говоритъ Семевскій, — обнимая его съ глубоко искреннимъ чувствомъ восторга, вмѣстѣ съ Хомяковымъ привѣтствовалъ автора, какъ человѣка одареннаго громаднымъ талантомъ и призваннаго писать для отечественнаго театра". „Съ этого дня, замѣчаетъ Островскій, я сталъ считать себя русскимъ писателемъ и ужъ безъ сомнѣній и колебаній повѣрилъ въ свое призваніе". Еще большій успѣхъ ожидалъ молодого писателя при чтеніи второго произведенія, комедіи „Банкротъ", впослѣдствіи переименованной въ „Свои люди—сочтемся". На этотъ разъ Островскій выступилъ у профессора Погодина въ присутствіи большого и разнообразнаго общества во главѣ съ Гоголемъ. Послѣдній, говорятъ, нѣсколько запоздалъ, такъ какъ чтеніе уже началось. Чтобы не мѣшать, Гоголь остановился у притолоки, да такъ и простоялъ до самаго конца.

14 марта 1847 года появилось въ печати въ „Московскомъ Листкѣ" первое произведеніе Островскаго—„Картины семейнаго счастья", подписанное скромными буквами „А.О.". Это произведеніе изъ купеческаго быта сразу обратило на себя вниманіе всей Москвы; о немъ заговорили во всѣхъ литературныхъ кружкахъ и заинтересовались авторомъ. Въ томъ же „Московскомъ листкѣ" появилось нѣсколько сценъ изъ комедіи „Свои люди—сочтемся", которая окончательно утвердила славу начинающаго писателя. Извѣстный въ свое время писатель, всесторонне образованный человѣкъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, познакомившійся съ комедіей, писалъ своему другу: „Читалъ ли комедію, или лучше трагедію Островскаго — „Свои люди — сочтемся", и которой настоящее названіе „Банкротъ". Если это не минутная вспышка, не грибъ, вывалившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякой гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: „Недоросль", „Горе отъ ума", „Ревизоръ". На „Банкротѣ" я ставлю нумеръ четвертый". Очевидно, что Островскій сразу былъ поставленъ на высоту первокласснаго драматурга, наравнѣ съ Фонвизинымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ. Комедія „Свои люди — сочтемся" вызвала цѣлый рядъ рецензій, которыя, не смотря на все различіе своихъ взглядовъ

не только на пьесу, но и на самое драматическое искусство, сошлись, всетаки, въ томъ, что эта новая комедія—произведеніе замѣчательное. Критикъ Добролюбовъ анализировалъ темныя стороны изображеннаго писателемъ быта; Аполлонъ Григорьевъ понялъ дѣло глубже, и опредѣлилъ Островскаго какъ „народнаго поэта“, сказавшаго своими комедіями „новое слово“ въ нашей литературѣ. Однимъ словомъ, началу дѣятельности Островскаго посчастливилось. Однако, далеко не такія благопріятныя послѣдствія имѣла эта пьеса для автора въ кругахъ политическихъ дѣятелей и въ сферахъ офиціальныхъ. Дѣло въ томъ, что московскіе купцы почувствовали себя задѣтыми пьесою и пожаловались извѣстному генералу Закревскому, который призналъ ее вредной и оскорбительной для цѣлаго сословія; тогдашняя строгая и придирчивая цензура также вмѣшалась въ дѣло, и несмотря на это, что ничего предосудительнаго въ комедіи замѣчено не было, автору сдѣлано было замѣчаніе, почему онъ въ своемъ произведеніи не вывелъ ни одного положительнаго типа и почему порокъ, въ лицѣ Подхалюзина, не подвергся должному наказанію. Вполнѣ понятно, что при такихъ обстоятельствахъ о постановкѣ комедіи на сценѣ театра нечего было и думать. Только спустя двѣнадцать лѣтъ Островскому удалось увидѣть впервые свое произведеніе на сценѣ, да и то ему пришлось передѣлать конецъ: въ послѣднемъ дѣйствіи появляется квартальный и требуетъ Подхалюзина въ судъ за присвоеніе себѣ всего имущества тестя, который объявилъ себя банкротомъ. Созданіе первой пьесы повело къ тому, что авторъ комедіи былъ взятъ подъ надзоръ полиціи, вслѣдствіе чего ему было неудобно оставаться на государственной службѣ. Въ 1857 году Островскій оставилъ Коммерческій судъ и занялся исключительно литературной работой. Уже въ началѣ своей дѣятельности Островскій довольно близко сошелся съ кружкомъ писателей, ютившихся вокругъ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина“. Интимную часть кружка составляли Т. Филипповъ, А. Григорьевъ, Г. Эндельсонъ и Б. Алмазовъ, которые были самыми близкими совѣтниками Островскаго и цѣнителями его произведеній. Сюда же примыкали и такія литературныя силы, какъ романистъ Писемскій, драматургъ Потѣхинъ, поэтъ Мей, беллетристъ и этнографъ

С. Максимовъ, Мельниковъ и др. Извѣстный критикъ того времени, А. Григорьевъ, опредѣлилъ значеніе личности Островскаго для себя и для членовъ кружка такими словами: „Явился Островскій и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ нашлись всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія“. Въ Островскомъ Григорьевъ нашелъ свой идеалъ; въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ проводилъ совершенно новый взглядъ на писателя, такъ какъ былъ глубоко убѣжденъ, что „писатель есть не только продуктъ своего народа и времени, но даже той мѣстности, въ которой родился“. Кружокъ „Москвитянина“ по своимъ основнымъ взглядамъ сближался съ славянофилами и такъ же, какъ и они, отрицательно относился къ пассивному усвоенію европейской культуры; члены этого кружка искали своихъ идеаловъ въ народномъ міросозерцаніи, думая, что самый корень зла новой русской жизни заключается въ оторванности интеллигентнаго общества отъ народной „почвы“. Нельзя сомнѣваться, что эти взгляды имѣли большое вліяніе на Островскаго и отразились на его творчествѣ. Члены кружка жили полной веселой и возбуждающей жизнью, которую умѣли всюду внести гдѣ только являлась компанія, вызывая у другихъ мѣткость и остроту выраженій, создавая, однимъ словомъ, все ту же своеобразную вдохновляющую атмосферу, какою питался нашъ молодой талантъ. Пьесы Островскаго переполнены сильными краткими опредѣленіями явленій и личности, — онъ первый внесъ это богатство въ русскую литературу. И оно само плыло въ его руки: чуть не ежедневно онъ могъ собирать эти перлы своего литературнаго языка, вращаясь въ кругу „русаковъ“ и дыша московскимъ воздухомъ.

Въ кружкѣ часто мастерски исполнялись народныя пѣсни, а онѣ производили на драматурга неотразимое впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ ихъ не только художественный талантъ Островскаго усвоилъ новые мотивы творчества, но измѣнилось самое міросозерцаніе его. Нѣтъ сомнѣнія, что отраженіемъ народныхъ пѣсенъ явилась драма „Не такъ живи, какъ хочется“. Островскій очень долго и усердно работалъ надъ этой пьесой, воодушевляя ее поэтическимъ народнымъ духомъ. Какое значеніе имѣла въ этой работѣ народная поэзія указываетъ первый на-

бросокъ пьесы: онъ переполненъ выраженіями и цѣлыми стихами изъ народныхъ пѣсенъ.

Въ 1853 году Островскому впервые пришлось увидѣть свою комедію „Не въ свои сани не садись“ на сценѣ. Со дня постановки этой комедіи Островскій былъ признанъ не только писателемъ, но и драматургомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. писателемъ драматическихъ произведеній не для чтеній, а для представленія на сценѣ. Въ этотъ день онъ былъ признанъ общественнымъ дѣятелемъ, не только печати, но и сцены, не только литературы, но и театра. Вскорѣ была поставлена на сцену другая комедія „Бѣдность не порокъ“. Оба эти произведенія имѣли огромный успѣхъ, которому много содѣйствовало, помимо художественности и жизненности самихъ пьесъ, замѣчательное сценическое исполненіе ихъ труппой московскаго театра. Въ 1845 году Островскій пишетъ пьесу „Не такъ живи, какъ хочется“, которой оканчивается первый, дореформенный періодъ дѣятельности Островскаго. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ періодъ распадается на двѣ части: въ своихъ первыхъ двухъ произведеніяхъ: „Семейной картинѣ“ и „Банкротѣ“ Островскій является прямымъ, послѣдователемъ чисто натуральной гоголевской школы, и всѣ типы, имъ выводимые, носятъ исключительно отрицательный характеръ. Совершенно другое мы замѣчаемъ въ послѣдующихъ пьесахъ: „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“, „Не такъ живи, какъ хочется“. Здѣсь уже проглядываетъ вліяніе московскаго славянофильства въ томъ отношеніи, что во всѣхъ этихъ пьесахъ вѣрность исконнымъ началамъ русской жизни торжествуетъ надъ различными отклоненіями отъ нея и выставляется, какъ нѣчто положительное, желанное даже иногда и въ поэтическомъ ореолѣ. Направленіе воззрѣній молодого писателя въ этихъ пьесахъ затрогивало патріотическое направленіе того времени, составлявшаго канунъ Севастопольской войны. Въ письмѣ къ Погодину въ 1853 году Островскій пишетъ, что его направленіе начинаетъ измѣняться, что прежній свой взглядъ на жизнь онъ находитъ молодымъ и слишкомъ жестокимъ, что съ этой точки зрѣнія гораздо лучше заставить русскаго человѣка радоваться при видѣ себя на сценѣ, чѣмъ тосковать, и что для

этой цѣли онъ въ новыхъ пьесахъ соединяетъ высокое съ комическимъ.

Послѣ окончанія Крымской кампаніи и восшествія на престолъ императора Александра II-го, русское общество начало пробуждаться отъ тяжелаго сна, въ которомъ такъ долго почивало. Въ воздухѣ повѣяло весной. Началась серіозная подготовка къ кореннымъ реформамъ всего строя Россіи.

Это движеніе, понятно, не могло обойти Островскаго и вотъ въ пьесѣ, написанной въ 1856 г., „Въ чужомъ пиру похмѣлье", является совершенно другая уже постановка, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ, такъ какъ отрицательныя явленія жизни выводяться исключительно какъ сумодурство, обусловленное неограниченной властью капитала, и этому отрицательному явленію противопоставляется уже не чистота русской самобытности, а развитый, интеллигентный человѣкъ съ его неподкупной честностью и твердымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Много содѣйствовало перемѣнѣ взглядовъ Островскаго и то обстоятельство, что „Москвитянинъ" прекратилъ свое существованіе, дружескій кружокъ распался, и члены его разбрелись. Самое направленіе „Москвитянина" теперь потеряло смыслъ, такъ какъ стояло въ противорѣчіи съ новыми требованіями коренныхъ реформъ, необходимость которыхъ признавалась всѣми.

Въ томъ же году Островскій пишетъ драму „Доходное мѣсто", а затѣмъ „Воспитанница" (1859 г.), прямо навѣянныя тѣмъ подъемомъ духа и броженіемъ, которое предшествовало крестьянской реформѣ.

Однимъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ преобразовательнаго движенія былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Будучи генералъ-адмираломъ, онъ сумѣлъ развить дѣятельность, совершенно неожиданую, не входившую въ кругъ его обязанностей и заботъ. Прежде всего онъ наложилъ руку на самую жестокую язву стараго времени—на невѣжество, обманы и всевозможныя тайныя дѣлишки чиновниковъ. Онъ требовалъ безусловной правды во всѣхъ служебныхъ отчетахъ, какіе представлялись ему, и къ тому же правда не должна была оставаться тайной канцеляріи. Великій князь желалъ знать подробно внутреннее состояніе Россіи, и для изученія его бы-

ли призваны не чиновники, а лучшіе совренные писатели и знатоки народнаго быта — Писемскій, Гончаровъ, Григоровичъ, Потѣхинъ, Аѳанасьевъ, Чужбинскій, Максимовъ.

Отчеты писателей предполагалось помѣщать въ журналѣ „Морской Вѣстникъ". Командированнымъ лицамъ предстояла задача трудная, которая требовала отъ нихъ особеннаго умѣнья—говорить съ человѣкомъ и вызывать его на откровенность. Все, сколько нибудь напоминающее власть и начальство, отпугивало самыхъ смѣлыхъ и связывало имъ языкъ. Такъ и происходило особенно въ глухихъ мѣстностяхъ, представляющихъ именно наибольшій интересъ для изслѣдователей. Нужна была большая сноровка, простота и находчивость, чтобы что-нибудь узнать о повально - молчаливыхъ и загадочныхъ людяхъ. Между тѣмъ путешествіе выгодъ большихъ не представляло. Каждому изслѣдователю было назначено скромное вознагражденіе, всего сто рублей въ мѣсяцъ. Правда, впослѣдствіи оно было увеличено, но молодыхъ писателей привлекала занимательность самой работы, такъ какъ деньги расходились очень быстро, вслѣдствіе сложности работы, которая требовала зачастую неожиданныхъ затратъ. Островскій отправился для изслѣдованія верховій Волги, результатомъ чего былъ отчетъ „Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго Новгорода", который и былъ напечатанъ въ „Морскомъ Сборникѣ". Но такъ какъ вопросъ печатанія отчетовъ въ журналѣ перешелъ къ морскому ученому комитету, то личныя впечатлѣнія, художественная и просто свободная литературная форма изложенія не допускались. Островскій же былъ слишкомъ художникъ, чтобы удовлетворить бюрократическую редакцію. Отчетъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ, было вычеркнуто не мало художественныхъ подробностей, а въ нихъ то именно и заключалась высшая цѣнность статьи.

Въ то же время поѣздка была чрезвычайно благопріятна для творчества Островскаго, давъ ему новый обильный запасъ впечатлѣній. Кромѣ того, онъ собралъ громадное количество матеріала, который остался безъ обработки, благодаря ученому морскому комитету; но поучительный и въ сыромъ, необдѣланномъ видѣ онъ представлялъ богатый источникъ свѣдѣній о верховьяхъ Волги. Островскій принялся прежде всего за изу-

ченіе края, какъ художникъ, отзывчивый на все оригинальное и яркое въ природѣ и въ человѣческомъ быту. Даже въ печатномъ отчетѣ уничтожить окончательно художественные пріемы для оцѣнки людей и предметовъ — не удалось редакторамъ.

Постоянно попадаются живыя сцены, жизненные бытовые факты, мелкія и чудныя характерики, летучія, острыя слова. Вспомнимъ хотя бы свѣдѣнія о нравахъ города Торжка; они впослѣдствіи пригодились Островскому и какъ драматургу. У дѣвушекъ этого городо изстари ведется обычай — тайно увозить невѣстъ и Кудряшъ является прямымъ отголоскомъ торжковскихъ впечатлѣній.

Наравнѣ съ нравами, Островскій подмѣчалъ особенности мѣстныхъ говоровъ, записывалъ оригинальныя выраженія и даже собиралъ матеріалъ для словаря нарѣчій приволжскаго населенія. Не забываетъ путешественникъ и красотъ природы,— пользуется каждымъ шагомъ своего пути, какъ глубокій знатокъ русской народной психологіи, какъ страстный любитель родной старины.

Легко понять, какую огромную пользу принесло путешествіе художественному таланту Островскаго. Здѣсь ему пришлось увидѣть одну изъ самыхъ самобытныхъ историческихъ мѣстностей Россіи—съ древними городами, съ старинными нравами и обычаями, съ своеобразнымъ прадѣдовскимъ языкомъ. Его поразила безпросвѣтная захолустная глушь въ срединѣ Россіи. Онъ невольно вспоминалъ не только историческія были давнихъ временъ, но даже сказки. Вѣчевые города съ былой, безвозвратно исчезнувшей вольностью, широкая Волга, такъ много видавшая на своихъ тихихъ водахъ, Нижній Новгородъ съ величавой исторіей Козьмы Минина, захудалый Угличъ съ кровавымъ трагическимъ преданіемъ о цареубійцѣ... Всѣ эти событія и образы прошлаго всплывали въ памяти Островскаго съ бытомъ и нравами провинціальнаго захолустья и отлились въ драмѣ „Гроза“. Это по истинѣ chef d'oeuvre творчества Островскаго, пьеса, которая одна могла бы доставить неувядаемую славу драматургу. Путешествіе же Островскаго по Волгѣ отразилось въ рядѣ историческихъ хроникъ: „Козьма Мининъ“, „Димитрій Самозванецъ“, „Тушино“; къ нимъ

примыкаютъ такія произведенія, какъ „Воевода или сонъ на Волгѣ“, „Снѣгурочка“, хотя не имѣющія исторической основы, но всецѣло проникнутыя духомъ народной старины или народной поэзіи. Всѣ эти пьесы относятся къ 60-мъ и началу 70-хъ годовъ и представляютъ собой второй періодъ въ исторіи творчества Островскаго. Раньше, чѣмъ творчество Островскаго развилось на этомъ пути, къ его волжскимъ воспоминаніямъ прибавились другія, не столь сильныя и глубокія, но имѣвшія свое значеніе въ дальнѣйшемъ художественномъ развитіи драматурга. Можетъ быть, и мысль драматизировать самую живую эпоху русской жизни была подсказана Островскому отчасти ближайшимъ знакомствомъ его съ западно-европейской литературой. Знакомство это находится въ связи съ заграничнымъ путешествіемъ нашего писателя.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ Островскій рѣшаетъ не писать болѣе современныхъ пьесъ, а отдать свои силы исключительно исторической хроникѣ и работать только для журналовъ.

Такъ, въ 1866 году онъ писалъ Будрину: „Объявляю тебѣ по секрету, что я совсѣмъ оставилъ театральное поприще. Причины вотъ какія: выгодъ отъ театра я почти не имѣю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ уже пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству; при моемъ положеніи въ литературѣ играть роль вѣчно кланяющагося просителя тяжело и унизительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить по высокимъ лѣстницамъ мнѣ уже нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ.

Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ я не добился, чтобы меня хоть мало отличали отъ какого нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ я пріобрѣту себѣ спокойствіе и независимость, вмѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ писать больше не стану; уже давно занимаюсь русской исторіей, и хочу посвятить себя исключительно ей: буду пи-

сать исключительно хроники, но не для театра. На вопросъ: отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду отвѣчать, что онѣ неудобны. Я беру форму „Бориса Годунова“—такимъ образомъ постепенно и незамѣтно я отстану отъ театра“. Принявъ такое рѣшеніе, Островскій очутился въ бѣдственномъ положеніи. Но не одна нужда подтачивала умственныя силы и здоровье писателя. Въ семидесятые годы XIX столѣтія ко всѣмъ невзгодамъ присоединился ропотъ критиковъ на то, что онъ исписался, повторяется, что новыя комедіи его далеко не имѣютъ прежней силы. Но если въ этомъ и была доля правды, и Островскому не суждено уже было написать ни одной столь сильной пьесы, какъ „Свои люди — сочтемся“ и „Гроза“, то всетаки сѣтованія рецензентовъ объ исписаніи были преувеличены. Напротивъ того, до конца своихъ дней Островскій чутко присматривался ко всему, что его окружало, и представилъ рядъ ужасающихъ картинъ того растлѣнія нравовъ, которое обусловливалось помѣщичьимъ разореніемъ и жаждою легкой наживы. Картины эти несомнѣнно имѣютъ свое значеніе. Они составляютъ преобладающую струю въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности Островскаго.

Третій періодъ, обнимающій собою семидесятые и восьмидесятые годы, характеризуется возвращеніемъ къ изображенію современной жизни и быта, но только героевъ своихъ Островскій беретъ не изъ міра старозавѣтныхъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ, какъ въ первый періодъ своей дѣятельности, а преимущественно изъ интеллигентной среды: „Бѣшенныя деньги“, „Поздняя любовь“, „Трудовой хлѣбъ“, „Волки и овцы“, „Безприданница”, „Сердце—не камень“. (Въ нѣкоторыхъ пьесахъ выводятся типы, взятые изъ театральнаго міра „Лѣсъ“, „Таланты и поклонники“, „Безъ вины виноватые“). Всѣ эти пьесы представляютъ значительный интересъ, а выведенные типы отличаются жизненностью, въ нихъ отмѣчены черты, часто встрѣчающіяся въ дѣйствительной жизни; однако слѣдуетъ замѣтить, что чисто въ художественномъ отношеніи эти позднѣйшія комедіи и драмы Островскаго уже не достигаютъ того совершенства, какимъ отличаются его бытовыя пьесы перваго періода, дающія живыя картины изъ жизни купечества и чиновниковъ.

Подъ конецъ жизни матеріальное положеніе Островскаго значительно улучшилось съ того времени, какъ было утверждено общество русскихъ драматическихъ писателей, и Островскій былъ избранъ предсѣдателемъ его. Не было театра въ Россіи, гдѣ не давались бы его пьесы и, получая за нихъ хотя и небольшую плату, онъ все-таки съ частныхъ театровъ имѣлъ больше, чѣмъ съ казенныхъ. Нужно было сильно и глубоко любить свое искусство, свой родной народъ, родную рѣчь, чтобы въ теченіе сорока лѣтъ работать не покладая рукъ при стѣсненныхъ матеріальныхъ средствахъ. Занявши первое мѣсто среди современныхъ ему русскихъ драматурговъ, онъ отлично понялъ, что необходимо заботиться о поднятіи драматическаго искусства, о приготовленіи хорошихъ актеровъ, развитіи художественнаго вкуса и правильнаго пониманія въ публикѣ. Поэтому-то по его мысли и былъ основанъ артистическій кружокъ въ Москвѣ (1870 г.) съ театромъ при немъ, который могъ бы служить хорошей школой для молодыхъ неопытныхъ актеровъ-любителей. Самъ натерпѣвшись нужды, Островскій задумалъ основать такое учрежденіе, при помощи котораго можно было бы обезпечить трудъ драматическаго писателя, — и въ 1874 году было учреждено Общество русскихъ драматическихъ писателей. Когда въ 1881 году возникла Комиссія для пересмотра законоположеній, касающихся театра, Островскій получилъ приглашеніе принять въ ней участіе. Какъ членъ этой комиссіи, онъ подалъ императору Александру III „Записку объ устройствѣ національнаго театра въ Москвѣ“. Изъ этой записки ясно видно, какое важное значеніе придавалъ Островскій театру, какъ серіозно и глубоко смотрѣлъ онъ на воспитательную роль театра для широкихъ слоевъ общества. „Театръ, пишетъ онъ, — съ частнымъ, художественнымъ, здоровымъ народнымъ репертуаромъ, развиваетъ народное самопознаніе и воспитываетъ сознательную любовь къ отечеству... Драматическая поэзія ближе къ народу, чѣмъ всѣ другія отрасли литературы. Всякія другія произведенія пишутся для образованныхъ людей, а драмы и комедіи для всего народа; эта близость къ народу нисколько не унижаетъ драматической поэзіи, а напротивъ, удваиваетъ ея силы и не даетъ ей опошлиться и измельчать; только тѣ произведенія пережили вѣка,

которыя были истинно народными у себя дома; такія произведенія со временемъ дѣлаются понятными и цѣнными и для другихъ народовъ, и, наконецъ, для всего свѣта". Одобреніе записки Островскаго о народномъ театрѣ естественно завершилось практическимъ назначеніемъ. Въ концѣ 1885 года Островскій былъ назначенъ завѣдывающимъ репертуаромъ Императорскихъ Московскихъ театровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ театральнаго училища. Островскій, еще состоя въ комиссіи, неутомимо составлялъ записки, проекты и особенно хлопоталъ объ учрежденіи театральной школы. „Если я доживу до тѣхъ поръ, говорилъ онъ, то исполнится мечта всей моей жизни, и я спокойно скажу: нынѣ отпущаюши раба Твоего съ миромъ...." Получивъ долго желанное назначеніе, Островскій почувствовалъ новый приливъ силъ, восторженный подъемъ духа и съ непогасшей еще страстностью принялся за работу. Драматургъ полагалъ на новый трудъ всѣ свои духовныя и физическія силы. Правда, подчасъ имъ овладѣвалъ страхъ предъ огромностью и сложностью предстоящаго еще дѣла, и онъ писалъ тогда: „нѣтъ, я чувствую, что у меня не хватаетъ силъ и твердости провести въ дѣло, на пользу родного искусства тѣ завѣтныя убѣжденія, которыми я жилъ, и которыя составляютъ мою душу. Это положеніе глубоко трагическое". Говорятъ, что утомленіе драматурга доходило до крайнихъ предѣловъ и почти каждый день онъ являлся домой измученный, съ потухшимъ взоромъ опускался въ кресло и въ теченіе нѣкотораго времени не могъ вымолвить слова. „Едва отдохнувъ, говоритъ Бурдинъ, онъ отправлялся въ театры, большею частью посѣщая тотъ и другой; волновался тамъ, видя какія-нибудь неисправности, и дома засыпалъ безпокойнымъ сномъ". Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ усерднаго и изнурительнаго труда Островскій поѣхалъ въ имѣніе—сельцо Щелыково, Костромской губерніи, доставшееся ему послѣ смерти отца. Передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню Островскій простудился, ревматическія боли усилились до крайней степени; по цѣлымъ часамъ онъ не могъ шевельнуться. Роковая развязка подвигалась быстро. Чрезмѣрная работа послѣднихъ лѣтъ оказалась гибельной тѣмъ болѣе, что цѣлый годъ производилась порывами и тревожно. Эти волненія и ежедневныя безпокой-

ства въ Москвѣ оказались болѣе убійственными, чѣмъ прежняя умѣренная дѣятельность и правильныя литературныя занятія, когда пришлось написать для русской драматической сцены 44 оригинальныхъ прозведенія, не считая нѣкоторыхъ переводныхъ пьесъ. Усиленныя литературныя занятія, чрезвычайно возбуждая душевныя силы, истощали и убивали тѣло, въ которомъ уже успѣли угнѣздиться тяжелые недуги.

Это-то чрезмѣрное возбужденіе въ трудѣ, а главное—постоянное раздраженіе непріятностями по управленію труппой на податливой почвѣ потрясеннаго организма и сдѣлались роковыми. Деревенскій воздухъ и прогулки не могли болѣе поправить надломленнаго организма.

Утромъ 2-го іюня 1886 года, Александру Николаевичу Островскому внезапно сдѣлалось дурно и онъ скончался.

Грустная, потрясающая вѣсть съ быстротой молніи разнеслась по Россіи: Островскаго не стало.

Тѣло Островскаго предано землѣ въ селѣ Бережкахъ, въ двухъ верстахъ отъ Щелыкова.

Опредѣленіе „темнаго царства".

Въ комедіяхъ Островскаго изъ купеческаго быта мы наталкиваемся на изображеніе замѣчательно правдивой картины „темнаго царства", какъ мѣтко окрестилъ эту среду нашъ знаменитый критикъ Добролюбовъ. Темное царство—это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой ноющей боли, міръ тюремнаго, гробового безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ него. Въ немъ вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда на минуту вспыхиваетъ она и обливаетъ свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ безсловесныхъ грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго,—и наше сердце стѣстняется болью и ужасомъ. Они молчатъ,—эти несчастные узники —и только дикіе, безобразные крики самодуровъ нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ; господствующее надъ нимъ самодурство, дикое, безобразное, неправое прогоняло изъ него вся-

кое сознаніе чести и права. И не можетъ ихъ быть тамъ, гдѣ повержено въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье и святыня честнаго труда.

Дѣйствительно, самою наглядною и характерной чертой быта, изображаемаго Островскимъ въ большинствѣ своихъ пьесъ, является полное приниженіе человѣческой личности, съ одной стороны, и необузданный произволъ, который не думаетъ считаться ни съ какими доводами, кромѣ: „я такъ хочу", съ другой. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Въ чужомѣ пиру похмѣлье" мѣтко характеризуетъ создавшееся у насъ на почвѣ односторонне понятой домостроевской морали безконтрольное владычество въ семьѣ одного лица, которыму все и всегда должно безпрекословно подчиняться: „Самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги, а то бѣда!" Подчиненные самодуровъ не знаютъ ни одной минуты отдыха, какъ въ присутствіи своихъ строгихъ повелителей, такъ и въ отсутствіи ихъ. Эти несчастныя, слабыя существа напуганы съ самаго ранняго дѣтства и страхъ не покидаетъ ихъ на всю жизнь, такъ сильно придавлены они безформенной каменной плитой произвола и самодурства. Эти униженные и оскорбленные, какъ бы загипнотизированы и имъ нельзя произнести ни одного звука въ свое оправданіе; они не смѣютъ даже вступать въ какія-нибудь объясненія, а не то, чтобы выразить хотя бы малѣйшее неудовольствіе или проявить протестъ. Въ дѣйствіяхъ, поступкахъ и сношеніяхъ самодуровъ темнаго царства нечего искать намека на логику: на все отвѣчаетъ ихъ сильный кулакъ, не знающій удержу. Этотъ мощный кулакъ забиваетъ до смерти души почти всѣхъ, кого только можетъ достать. Результатъ получается слѣдующій: образъ человѣческій исчезаетъ безслѣдно и мертвая, мрачная тишина не откликается на дикіе, безобразные крики самодуровъ.

Вглядываясь пристальнѣе въ общую картину темнаго, печальнаго міра мы начинаемъ замѣчать, что далеко не всѣ личности мертвы. Натуры сильныя, стойкія не могутъ мириться со своимъ придавленнымъ положеніемъ—онѣ осторожно ведутъ

подкопы подъ своихъ властелиновъ и ухитряются выбиться изъ подъ давящаго ихъ гнета. Такимъ людямъ не приходится считаться со средствами и они поневолѣ должны прибѣгать къ хитрости, обману, подлости, наружной покорности и т. п. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и безконечной усидчивостью эти люди копаютъ яму подъ своимъ властелиномъ, но лишь для того, чтобы, сваливъ его, занять его мѣсто и самимъ приняться за угнетеніе слабыхъ, которые попадаютъ подъ ихъ начало. Вся эта работа совершается воровски, урывками, съ оглядкой, чтобы кто-нибудь не подмѣтилъ ея. Разумѣется, что трудно и даже почти невозможно обвинять ихъ за такой образъ дѣйствія, такъ какъ въ гнетѣ выросъ и воспитанъ человѣкъ. Въ людяхъ-же, воспитанныхъ подъ гнетомъ самодуровъ, не можетъ развиться сознаніе нравственнаго долга и истинныхъ началъ честности и права; законовъ они не принимаютъ и не признаютъ, такъ какъ на собственной шкурѣ испытали, что законъ— ничто, а безъ закона куда лучше и свободнѣе. Въ ихъ натурѣ часто вовсе нѣтъ злости, но къ страданіямъ и мученіямъ чужихъ они относятся хладнокровно и мало ими интересуются, такъ какъ сами изстрадались. Когда же имъ удается выбиться изъ подъ гнета, всю накопившуюся горечь, всѣ обиды они начинаютъ безпощадно вымещать, хотя бы и не на обидчикахъ. Умъ людей темнаго царства не развитъ, такъ какъ никто пальцемъ не шевельнулъ, чтобы его развить; напротивъ, здѣсь малѣйшіе проблески ума и сообразительности безпощадно преслѣдуются властью самодуровъ, которымъ, понятно, невыгодно имѣть дѣло съ разсуждающими людьми. Мышленіе ихъ также какъ бы извратилось вплоть до отсутствія сознанія своихъ выгодъ, вплоть до тупоумія, идіотизма. Мужчины не въ состояніи подготовить самую простую, незатѣйливую комбинацію, чтобы ловко обдѣлывать свои дѣлишки, а женщины-же развлекаются разсказами о людяхъ съ песьими головами и о султанѣ персидскомъ Махмутѣ, который самъ судъ творитъ надъ всѣми людьми и что ни судитъ—все неправильно. Личности эти не получили даже самаго элементарнаго образованія, такъ какъ иногда отцы боятся, чтобы дѣти не сдѣлались умнѣе ихъ, подчасъ просто вслѣдствіе того, что отецъ не желаетъ учить своихъ дѣтей, а ему вѣдь „никто не указъ“. Разъ родители про-

жили свой вѣкъ безъ образованія, то и дѣтямъ нечего ходить въ школу. Общій фонъ темнаго царства — невѣжество и на немъ всплываетъ постепенно одинъ за другимъ порокъ за порокомъ, недостатокъ за недостаткомъ.

Дѣти не рѣшаются противиться власти своихъ родителей, хотя бы она только ломала, коверкала ихъ; жены покорно живутъ съ мужьями, которые только и дѣлаютъ, что кутятъ, пьянствуютъ, безобразничаютъ и бьютъ ихъ. Невѣжество порождаетъ преданность традиціямъ, какъ бы онѣ ни были глупы. Вѣдь такъ жили наши дѣды и отцы, а потому и мы непремѣнно должны слѣпо слѣдовать ихъ примѣру. Родители не видятъ въ своихъ дѣтяхъ самостоятельныхъ личностей, не признаютъ ихъ правъ, и они выростаютъ полными невѣждами, безличными, безъ умѣнья смотрѣть на жизнь и людей своими собственными глазами; сами родители развиваютъ въ нихъ какое-то подобіе людей, но не людей дѣла и мысли. Глядя на ихъ неопытность въ жизни, невольно станешь удивляться этой печальной картинѣ. Выросши же и сдѣлавшись вполнѣ самостоятельными людьми, когда образъ жизни и дѣйствій зависитъ исключительно отъ нихъ однихъ, они остаются попрежнему дѣтьми въ вопросахъ нравственности. Высшіе запросы ума и сердца имъ совершенно незнакомы и непонятны. Ненормальность общественныхъ отношеній въ темномъ царствѣ доходитъ до крайности. Рѣшительно во всѣхъ вопросахъ, безразлично, будетъ ли это преступленіе или самое обыкновенное жизненное положеніе, смыслъ котораго понятенъ и ясенъ для всѣхъ — они подмѣчаютъ одну только внѣшнюю сторону, а внутренняя сторона остается для нихъ въ туманѣ. Всѣ жизненныя отправленія вокругъ нихъ такъ точно предусмотрѣны не ими составленнымъ кодексомъ, что имъ остается только поступать и дѣйствовать согласно съ его приказаніями, и они вполнѣ увѣрены, что все окончится прекрасно и достигнетъ вожделѣннаго результата. До тѣхъ поръ пока они сами не сядутъ на тронъ самодурства, надъ ними царитъ самый необузданный, дикій, безсовѣстный произволъ, надъ ними стоитъ цѣлая іерархія самодурства, которая „дѣйствуетъ заразительно, и сѣмена его западаютъ въ тѣхъ самыхъ, которые отъ него страдаютъ. Безправное, оно подрываетъ довѣріе къ праву; темное и ложное въ своей осно-

вѣ, оно гонитъ прочь всякій лучъ истины; безсмысленное и капризное, оно убиваетъ всякій здравый смыслъ и всякую способность къ разумной, цѣлесообразной дѣятельности, грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣрія, уничтожаетъ довѣріе къ самому себѣ и отучаетъ отъ честной, открытой дѣятельности".

Благодаря этому обстоятельству, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ угнетенныхъ развивается масса всякихъ пороковъ. Пріятель каждую минуту готовъ обмануть васъ, тесть способенъ надуть зятя приданымъ, женихъ — обочтетъ и надуетъ сваху: невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Иногда угнетенные готовы соединиться въ одну партію, чтобы оказать хоть нѣкоторое сопротивленіе вспышкамъ самодура; но такая партія объединяется только чисто внѣшнимъ образомъ, такъ какъ въ глубинѣ души каждый радъ бы добиться въ свою очередь престола самодура. Въ этой средѣ можно встрѣтить самодуровъ во всѣхъ стадіяхъ развитія: мать притѣсняетъ дѣтей, а послѣдніе въ свою очередь при первой возможности даютъ чувствовать свою силу, разъ только этому представляется случай. Все это люди, сознающіе весь ужасъ своего положенія; подчасъ они, быть можетъ, пытались порвать сковывающія ихъ цѣпи, но не хватило силъ сдѣлать это, такъ какъ у нихъ по разнымъ причинамъ отшиблены крылья. Что же выходитъ? Они влачатъ жалкое существованіе, ничего не дѣлая и ни къ чему не стремясь. Другіе же, которые борются, начинаютъ пить шампанское вмѣсто водки, надѣваютъ нѣмецкое платье, бреютъ бороду. Понятно, что ихъ жизнь очень тяжела. Чтобы добиться и получить право на самодурство, угнетеннымъ людямъ приходится нѣкоторое время кривить душой и подличать, постоянно опасаясь, какъ-бы ихъ замыслы и подвохи не открылись. Но зато добившись всѣми правдами и неправдами лучшей жизни, независимаго положенія, они начинаютъ всячески давить и обижать менѣе счастливыхъ и удачливыхъ.

Почти всѣ они люди обыкновенные, или какъ говорится, рядовые, которые могли сдѣлаться и хорошими и дурными, смотря по окружающей ихъ обстановкѣ. Жизнь одолѣла ихъ, развратила и довела до такого состоянія, что оказалось иска-

женнымъ ихъ нравственное „я“. У самыхъ выдающихся, лучшихъ изъ нихъ едва можно подмѣтить проблески высшаго нравственнаго развитія, но эти проблески приходится разыскивать, чтобы выдѣлить ихъ изъ цѣлой кучи грязи, которая заполонила сердце и умъ тирановъ темнаго царства. Они обезличены, они не разумны и всегда готовы совершить какое-угодно преступленіе, разъ оно было облечено въ какую-нибудь подходящую форму,—такъ какъ въ своемъ невѣжествѣ не знаютъ, что творятъ. Они почти придышались въ затхлой атмосферѣ своего міра, сжились съ нею. Впрочемъ, и тутъ попадаются отдѣльныя личности, которыя мечтаютъ во чтобы-то ни стало вырваться изъ окружающей обстановки и избавиться отъ гнета. Но, къ несчастью, онѣ часто даже не умѣютъ выбрать изъ двухъ золъ меньшее, въ которое имъ приходится бросаться, чтобы избѣгнуть давящей руки. Однимъ словомъ, темное царство—это заколдованный кругъ, безграничное болото, въ которомъ барахтается громадное число обывателей.

„Семейная картина“.

Въ 1846 году Островскій написалъ первое свое драматическое произведеніе: „Семейная картина“.

Вращаясь съ самого ранняго дѣтства въ кругу замоскворѣцкихъ обитателей и затѣмъ служа въ Совѣстномъ и Коммерческомъ судѣ, гдѣ разбирались „по совѣсти“ преимущественно тяжебныя дѣла между близкими родственниками, Островскій невольно остановилъ свое вниманіе на ненормальности семейной жизни русскаго купечества; уже въ первой пьесѣ имъ намѣчены въ общихъ чертахъ основанія той жизни, которую въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскій раскрылъ ярче и полнѣе.

Очевидно, въ дореформенной русской семьѣ, которую Островскому приходилось наблюдать съ дѣтства, драматурга поражало прежде всего отсутствіе тѣхъ нравственныхъ началъ, безъ которыхъ немыслимъ даже маленькій союзъ близкихъ по крови и родству людей. Въ представленіи художника, вѣроятно,

сложился очень опредѣленный идеалъ семьи, всѣ члены которой, связанные взаимною любовью и уваженіемъ другъ къ другу, понимаютъ не только семейныя, но и общественныя обязанности и ведутъ разумную, трудовую жизнь, направленную къ общему благу.

Надо думать, что вотъ этотъ-то идеалъ, такъ мало соотвѣтствовавшій дѣйствительности, и вызвалъ его на отрицательное изображеніе различныхъ сторонъ семейной и попутно, хотя и вскользь, общественной русской жизни. Наука, просвѣщеніе, какъ извѣстно, очень медленно проникали даже въ высшіе классы русскаго общества, задѣвая его лишь съ внѣшней стороны, что же касается людей среднихъ и низшихъ классовъ, то они еще долгое время не испытали на себѣ его благотворнаго вліянія и здѣсь русская до-реформенная семья сохранила всѣ признаки и основанія до-петровской жизни.

Вся власть въ семьѣ, и къ тому же безграничная, принадлежала старшему ея члену, который въ своихъ поступкахъ руководствовался большею частью или только собственной фантазіей или правилами временъ домостроя. Логики въ поступкахъ главы дома не было никакой. Вполнѣ понятно, что власть такого рода, сильно угнетала младшихъ членовъ семьи, хотя вырабатывала дисциплину, безпрекословное исполненіе воли главы, но все это было основано исключительно на страхѣ, а вѣдь страхъ, какъ извѣстно, плохой помощникъ въ дѣлѣ воспитанія: умъ, чувство, воля парализуются имъ, задерживаются въ своемъ естественномъ развитіи и часто получаютъ нежелательное, дурное направленіе. „Гдѣ много страху—вполнѣ справедливо замѣчаетъ Островскій—тамъ и грѣха много“. И дѣйствительно, типичная русская семья до-реформеннаго періода, нарисованная имъ правдиво, съ полнымъ безпристрастіемъ, имѣла много недостатковъ. Прежде всего бросается въ глаза враждебное отношеніе между старшими и младшими членами семьи, что растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ какъ на угнетателей, такъ и на угнетенныхъ. Изъ первыхъ развиваются и окончательно формируются самодуры, а изъ вторыхъ — обманщики и лицемѣры, которые только и мечтаютъ, какъ бы достигнуть положенія самодура, или слабые, безвольные люди, которые даже мыслить самостоятельно не могутъ, а не то чтобы дѣй-

ствовать, или, наконецъ, совсѣмъ забитые, дошедшіе до полнаго отупѣнія, какого-то идіотизма. Вполнѣ понятно, что ненормальныя отношенія изъ тѣснаго семейнаго круга переходили и въ сферы общественныя. И вслѣдствіе этого самодурство со всѣми его послѣдствіями является характерной чертой всей русской до-реформенной жизни. „Ты живи для семьи“, говоритъ старый самодуръ своему неопытному и молодому зятю въ пьесѣ „Пучина“; „вотъ здѣсь ты будь хорошъ и честенъ, а съ другими прочими воюй, какъ на войнѣ. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй и укрывай въ свою хижину. По крайности ты душой покоенъ“. Отсюда ясно, что понятіе о нормальныхъ общественныхъ отношеніяхъ, объ обязанностяхъ гражданина къ своему отечеству совершенно отсутствовало въ тогдашней русской семьѣ. Иначе говоря, въ до-реформенной русской семьѣ совершенно отсутствовало то высшее святое начало, которое одно только и могло нравственно возвысить семью, измѣнивши ея узкій, чисто эгоистическій характеръ. Давъ общую характеристику семейной жизни въ до-реформенной русской семьѣ, обратимся теперь къ пьесѣ Островскаго „Семейная картина“.

Первое произведеніе состоитъ изъ небольшой сцены, въ которой участвуетъ всего лишь шесть лицъ. Изъ нихъ болѣе типично обрисованы трое: хозяинъ дома, купецъ Антипъ Антипычъ Пузатовъ, его мать — Степанида Трофимовна, и пріятель его, тоже купецъ Парамонъ Ферапонтычъ Ширяловъ. Собственно говоря, сама по себѣ завязка пьесы совершенно ничтожна. Въ самомъ началѣ пьесы отъ безлюдья, бездѣлья и скуки жена Пузатова и сестра его, дѣвица девятнадцати лѣтъ, стараются придумать, куда бы имъ, хотя всего на нѣсколько часовъ, вырваться изъ тяжкой домашней неволи. Въ концѣ же „картины“ имъ дѣйствительно удается отправиться ко всенощной въ Симоновъ монастырь; на самомъ же дѣлѣ онѣ уѣзжаютъ въ рощу — пить чай на чистомъ, вольномъ воздухѣ.

Между этими крайними двумя точками располагаются разговоры членовъ семьи Пузатова между собою, а потомъ — болѣе продолжительный разговоръ Пузатова съ гостемъ, Ширяловымъ. Послѣдній досадуетъ и жалуется на своего сына, котораго зоветъ Сенькой. По словамъ отца, этотъ Сенька оказывается совершенно безпорядочнымъ молодымъ человѣкомъ,

такъ какъ торговымъ дѣломъ не занимается, а все время проводитъ въ кутежахъ съ подобными себѣ купеческими сынками и безжалостно проматываетъ отцовскія деньги. Старикъ Ширяловъ, желая наказать Сеньку, чтобы и по смерти его ничего не досталось сыну, рѣшилъ самъ жениться и, послѣ долгихъ околичностей, сватается къ сестрѣ Антипа Антипыча.

По обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ видно, что молодая сторона въ пьесѣ представляетъ типы и характеры далеко непривлекательные. Въ этой молодежи нѣтъ ни образованія, ни скромности, ни порядочности. На старшей сторонѣ лица производятъ еще болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Это — уже вполнѣ сформировавшіеся типы, имъ никогда не перемѣниться къ лучшему. Какъ Пузатова, такъ и Ширялова Островскій рисуетъ преимущественно какъ купцовъ-торговцевъ: авторъ раскрылъ, какъ эти люди смотрятъ на свое дѣло и какія у купцовъ понятія объ обязанностяхъ къ прочимъ людямъ. Вся теорія ихъ дѣла сводится къ небольшой формулѣ: „не обмануть— не продать". Антипъ Антипычъ не стѣсняясь хвастается какъ онъ „нѣмца Карла Ивановича рубликовъ на триста нагрѣлъ"— просто отрекся отъ долга,—и какъ „наши-то животики надрывали со смѣху". Въ свою очередь Ширяловъ, съ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ онъ завѣдомо пустыми векселями обманулъ своихъ же товарищей, а въ другой разъ очень ловко и по хорошей цѣнѣ сбылъ барынямъ совершенно гнилую и негодную штуку какой-то матеріи, чтобы показать розинямъ-то своимъ т. е. приказчикамъ, „какъ торговать-то слѣдуетъ". Такіе взляды на торговлю не только не возмущаютъ женской половины семейства Пузатова, а, напротивъ, заслуживаютъ полнаго одобренія матери его, шестидесятилѣтней Степаниды Трофимовны. Эта почтенная старуха является сторонницей совершенно домостроевскихъ правилъ жизни, преклоняясь предъ предписаніемъ грубаго обращенія мужа съ женой. Такъ, она обращается къ сыну съ такою назидательною рѣчью: „мы съ покойникомъ жили не вамъ чета: гораздо-таки полюбовнѣе, да все таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царство ему небесное! Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ, на гвоздикѣ, плетка висѣла про всякій случай". Правила нравственности у нея немногосложны: лишь бы человѣкъ каждый праздникъ въ цер-

ковъ ходилъ и великимъ постомъ пилъ чай не съ сахаромъ, а съ медомъ, или съ изюмомъ. А если въ торговлѣ и обманетъ кого, такъ что за бѣда; не онъ первый, не онъ послѣдній: человѣкъ коммерческій. Тѣмъ и торговля-то держится". Въ такихъ именно правилахъ и воспитывался сынъ ея, Антипъ Антипычъ. По уходѣ Ширялова, котораго онъ обнадежилъ согласіемъ своей сестры, онъ заявилъ: „только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то кто кого обманетъ—дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой-то на свою руку охулки не положимъ".

„Свои люди — сочтемся".

Общія замѣчанія.

Комедія „Свои люди—сочтемся" носила первоначально названіе „Банкротъ". На чтеніи, которое происходило у профессора Погодина въ присутствіи большого общества, присутствовалъ, между прочимъ, и Гоголь. Разсказываютъ, что онъ нѣсколько запоздалъ, тихо вошелъ во время чтенія и остановился у притолоки, да въ такомъ положеніи и простоялъ до самаго конца. Извѣстный въ то время писатель, широко образованный человѣкъ и симпатичный общественный дѣятель, кн. В. О. Одоевскій, прочитавъ комедію уже въ печати, писалъ своему другу: „Читалъ ли ты комедію или лучше трагедію Островскаго „Свои люди — сочтемся", и которой настоящее названіе „Банкротъ"? Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякой гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: „Недоросль", „Горе отъ ума", „Ревизовъ". На „Банкротѣ" я ставлю нумеръ четвертый". Своей пьесой изъ купеческой жизни Островскій произвелъ такое сильное впечатлѣніе на читателей и критику, открывъ совершенно невѣдомый дотолѣ литературѣ міръ, что этимъ заслонилъ въ глазахъ нѣкоторыхъ другія стороны своей дѣятельности, и потому въ представленіи многихъ онъ является только какъ бытописатель

русскаго купечества. Ни одинъ рускій писатель не имѣлъ такого блестящаго начала, какъ Островскій, и Тургеневъ справедливо отмѣтилъ это необыкновенное начало. Съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ Островскій выдвигается на высоту первокласснаго драматурга на ряду съ Фонвизинымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ и дѣлается извѣстнымъ и въ литературныхъ кружкахъ, и въ публикѣ. „Свои люди—сочтемся" лучшая комедія Островскаго. Въ ней полная, художественная, законченная картина той жизни, которая съ разныхъ сторонъ раскрывается и въ другихъ произведеніяхъ Островскаго. Комедія состоитъ изъ четырехъ дѣйствій.

Содержаніе комедіи.

Дѣйствіе первое происходитъ въ гостиной купца Самсона Силыча Большова и начинается монологомъ его дочери Липочки. Олимпіада Самсоновна разсуждаетъ сама съ сабою о прелести танцевъ, т. е. о томъ знаніи, которое она усвоила, учась въ пансіонѣ. Ей очень хотѣлось-бы выйти замужъ за военнаго и она такъ далеко уносится въ своихъ мечтахъ, что начинаетъ вальсировать, такъ что даже не замѣчаетъ прихода своей матери, Аграфены Кондратьевны. Послѣдняя нападаетъ на дочь за неумѣстные танцы, но дочка, свободная отъ предразсудковъ, не видитъ въ этомъ никакого грѣха и продолжаетъ танцовать. Непослушаніе выводитъ изъ терпѣнія мать и она грозитъ пожаловаться отцу, грозѣ всего дома. Далѣе изъ ихъ разговора видно, что Липочку очень тяготитъ „дѣвичье положеніе"; ей досадно и даже обидно, что „всѣ подруги съ мужьями давно", а только она одна „словно сиротка какая", такъ что „страмъ встрѣтиться со знакомыми". Вѣдь это неслыханное дѣло, чтобы „въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха для нея". Дочь настойчиво требуетъ отъ матери „безпремѣнно сыскать жениха", а въ противномъ случаѣ обѣщаетъ завести обожателя, съ гусаромъ убѣжать, обвѣнчаться потихоньку, и начинаетъ плакать. Мать старается успокоить дочку, обѣщаетъ ей купить сережки, но Липочка желаетъ имѣть „браслеты съ изумрудами" и заявляетъ, что только тогда перестанетъ пла-

кать, когда замужъ выйдетъ. Въ это время приходитъ ключница дома Ѳоминична и говоритъ, что пришла сваха Устинья Наумовна. Липочка пеняетъ свахѣ, что она ходитъ, а все толку нѣтъ никакого. На это сваха резонно отвѣчаетъ, что очень трудно угодить всѣмъ: тятенька-то твой ладитъ за богатаго; маменька-то наровитъ имѣть затѣмъ непремѣнно купца, да чтобъ былъ жалованный, да чтобъ лобъ-то крестилъ по старинному, а у нея тоже свое на умѣ. Липочка рѣшительно говоритъ, что за купца она никогда не выйдетъ, а желаетъ подыскать мужа благороднаго, не курносаго, брюнета, и чтобъ одѣтъ былъ по-журнальному. Подъ конецъ является стряпчій Рисположенскій, который, очевидно, въ домѣ купца свой человѣкъ. Онъ говоритъ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, что хотѣлъ было зайти къ Самсону Силычу, но, видя, что онъ занятъ, между прочимъ зашелъ къ ней. Рисположенскій выпиваетъ рюмку водки и, по приглашенію хозяйки, присаживается за столъ. На вопросъ послѣдней о его житьѣ-бытьѣ, онъ разсказываетъ, что у него „семейство большое, дѣлишки маленькія", но тѣмъ не менѣе, онъ не ропщетъ, такъ какъ роптать грѣхъ и начинаетъ разсказывать по этому поводу какую-то исторію, но не оканчиваетъ ея, такъ какъ въ комнату входитъ Большовъ. Видя разглагольствованіе Рисположенскаго, Самсонъ Силычъ совѣтуетъ ему лучше разсказать, какъ у него изъ суда дѣло пропало, за что его оттуда и прогнали. Оказывается, стряпчій взялъ одно дѣло изъ суда домой, да дорогой-то съ товарищемъ и завернулъ въ погребокъ а выпивши, тамъ его оставилъ и забылъ. Когда въ судѣ хватились этого дѣла, его хотѣли даже суду предать, но онъ какъ-то вспомнилъ, что его въ погребѣ забылъ. Дѣйствительно дѣло тамъ и нашлось. За небрежное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ бѣднякъ чуть подъ судъ не угодилъ, но изъ жалости къ семьѣ его — только приказали подать въ отставку. Послѣ этого Агафья Кондратьевна со свахой уходятъ пить чай и смотрѣть кой-что изъ приданаго, а Большовъ начинаетъ дѣловой разговоръ со стряпчимъ. Оказывается, купецъ рѣшилъ не платить долговъ, тѣмъ болѣе, что кредиторы у него все люди богатые, которыхъ банкротство его не разоритъ. Ходатай совѣтуетъ предварительно домъ и лавки заложить, либо продать, но оговаривается, что

все имущество необходимо закрѣпить за чужимъ, но такимъ человѣкомъ, который бы совѣсть зналъ, чтобы суду придраться-то не къ чему было. Большовъ замѣчаетъ, что въ нынѣшній вѣкъ всякій норовитъ, какъ-бы другого съ воротъ ухватить, а совѣсти искать нечего. Расположенскій намекаетъ, что, по его мнѣнію, можно было-бы положиться на старшаго приказчика — Лазаря, на чье имя Большовъ и рѣшаетъ перевести все состояніе, а послѣ объявленія себя несостоятельнымъ уплатить кредиторамъ по двадцати пяти копеекъ за рубль. Кстати приходитъ Подхалюзинъ, приказчикъ Большова. Самсонъ Силычъ жалуется своему повѣренному, что нынче барыши плохи и начинаетъ мелькомъ просматривать казенныя объявленія, гдѣ находитъ опредѣленія коммерческаго суда съ цѣлымъ рядомъ рѣшеній о признаніи несостоятельными различныхъ купцовъ, изъ которыхъ многіе остались ему должны довольно значительныя деньги. Послѣ этого Расположенскій прощается и уходитъ, обѣщая зайти на другой день пораньше. Оставшись на единѣ съ своимъ приказчикомъ, Большовъ — сначала обиняками, а потомъ вполнѣ откровенно — даетъ ему понять, что онъ задумалъ. Подхалюзинъ же подаетъ своему „благодѣтелю“ такого рода совѣтъ: „а ужъ по мнѣ Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить“. Большову такой совѣтъ по душѣ, и отъ уполномочиваетъ приказчика дѣйствовать и, въ случаѣ успѣха, обѣщаетъ наградить его на всю жизнь.

Итакъ, мы видимъ, завязкою всей комедіи вляется злостное банкротство, т. е. тяжкое, уменьшенное преступленіе, караемое закономъ.

Дѣйствіе второе. Второе дѣйствіе происходитъ въ торговой конторѣ Большова и начинается монологомъ мальчишки, Тишки, который жалуется на всю тягость своего положенія въ домѣ купца. Вмѣсто того чтобы учиться дѣлу и при лавкѣ находиться, ему приходится только бѣгать на посылки: всѣ унижаютъ и оскорбляютъ Тишку на каждомъ шагу — то самъ хозяинъ, то приказчики, то ключница; однимъ словомъ имъ „всякая шваль командуетъ“. Вытирая пыль, Тишка начинаетъ гримасничать передъ зеркаломъ, за чѣмъ его застаетъ Подхалю-

зинъ. Онъ хватаетъ мальчика за шиворотъ; послѣдній желаетъ отстоять свои права, начинаетъ говорить дерзости и даже обѣщаетъ пожаловаться хозяину за грубое обращеніе. Узнавъ отъ Тишки, что въ контору заходилъ Рисположенскій и хотѣлъ еще зайти, Подхалюзинъ посылаетъ мальчишку за полштофомъ рябиновки, даетъ деньги, а сдачу даритъ на пряники, при чемъ велитъ ему проворнѣй сбѣгать, „чтобъ не хватились".

Оставшись одинъ, Подхалюзинъ въ монологѣ раскрываетъ передъ публикой свою душу. Онъ отлично понимаетъ, что, благодаря банкротству Большова, онъ потеряетъ насиженное мѣсто и послѣ двадцатилѣтней службы останется въ весьма незавидномъ положеніи. Правда, при продажѣ векселей онъ сумѣетъ попользоваться, но этого ему мало; онъ рѣшаетъ опутать хозяина сѣтью обмановъ, завладѣть всѣмъ его состояніемъ и въ довершеніе всего жениться на его дочери, Липочкѣ. Одна мысль и надежда на такое благополучіе приводятъ его въ восторгъ и онъ въ экстазѣ восклицаетъ: „Да отъ этого удовольствія съ Ивана Великаго спрыгнуть можно!" Какъ человѣкъ рѣшительный, Подхалюзинъ не откладываетъ дѣла въ долгій ящикъ и спѣшитъ скорѣе привести задуманный планъ въ исполненіе. Прежде всего ловкій приказчикъ старается подкупить стряпчаго Рисположенскаго. Узнавъ изъ разговора, что Большовъ за труды послѣдняго обѣщаетъ тысячу рублей да старую енотовую шубу, онъ „за этотъ же самый предметъ" обѣщаетъ дать двѣ тысячи. Подъ условіемъ помогать ему Подхалюзинъ въ видѣ задатка даетъ сто рублей впередъ, а остальные обѣщаетъ уплатить послѣ „по окончаніи всего этого происшествія-съ". Далѣе Подхалюзинъ подкупаетъ сваху, обѣщая ей двѣ тысячи рублей деньгами и кромѣ того соболью шубу, если она будетъ дѣйствовать въ его пользу, при чемъ впередъ за труды даетъ сто цѣлковыхъ. Чтобы лучше расположить сваху, Подхалюзинъ приглашаетъ ее къ себѣ съ намѣреніемъ угостить водкой, Тишкѣ же приказываетъ, въ случаѣ, если бы пріѣхалъ хозяинъ, немедленно его позвать.

Оставшись одинъ, Тишка вынимаетъ деньги изъ кармана, пересчитываетъ ихъ, вспоминаетъ отъ кого и сколько въ орлянку выигралъ, сколько ему удалось утащить съ прилавка. Это занятіе прерываетъ Ѳоминична, которая разыскиваетъ Ла-

заря, такъ какъ домой вернулся Самсонъ Силычъ „никакъ хмельной“. Видя, что приказчика нѣтъ, ключница посылаетъ за нимъ Тишку. Большова въ хмелю боятся всѣ въ домѣ и прячутся по разнымъ угламъ. На дѣлѣ оказывается, что хозяинъ трезвъ, но сильно не въ духѣ. Прежде всего Большовъ справляется у Ѳоминичны былъ-ли стряпчій, но та, не понявъ вопроса, начинаетъ говорить про стряпню на кухнѣ, что выводитъ изъ себя Большова, который ее прогоняетъ. Для своего плана, Подхалюзинъ льститъ своему хозяину, всячески унижается, старается увѣрить въ своей полной преданности семьѣ своего „благодѣтеля“ и, наконецъ, со слезами на глазахъ признается въ своей безграничной любви къ Липочкѣ, въ которой онъ отыскиваетъ всевозможныя совершенства. Лестью и раболѣпствомъ Подхалюзинъ добивается своей цѣли. Самсонъ Силычъ, убѣдившись въ привязанности Подхалюзиа, такъ настраивается, что рѣшаетъ перевести на него все свое состояніе и обѣщаетъ выдать за него свою единственную дочь, Липочку.

Дѣйствіе третье. Третье дѣйствіе происходитъ въ гостиной Большова. Купецъ сидитъ въ креслѣ и видимо скучаетъ. Жизнь ему кажется — „суета суетъ и всяческая суета“. Онъ удрученно стонетъ, зѣваетъ и смотритъ по угламъ.

Въ это время входитъ Аграфена Кондратьевна и разряженная Липочка, ожидающая, въ прекрасномъ настроеніи, прихода жениха изъ благородныхъ, о которомъ такъ много наговорила сваха, Устинья Наумовна. Между тѣмъ является сваха и говоритъ, что дѣла по сватовству „не очень хороши“. На замѣчаніе же Аграфены Кондратьевны, что они не желаютъ себѣ ниже жениха, сваха обѣщаетъ подыскать другого, но въ дѣло вмѣшивается Большовъ и заявляетъ, что другого жениха онъ самъ найдетъ. Когда же приходятъ Рисположенскій и Подхалюзинъ, Большовъ въ присутствіи всѣхъ торжественно объявляетъ, что онъ выбралъ въ женихи своей дочкѣ Лазаря Подхалюзина. Всѣ очень удивлены такому неожиданному обороту дѣла, но имъ приходится подчиниться окончательному рѣшенію хозяина, который тутъ же проявляетъ свой крутой нравъ слѣдующими словами: „Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое

дѣло! На, Липа! вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить да жаловать. Садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ, — а тамъ частнымъ пиркомъ да за свадебку!“

Сначала Липочка очень противится рѣшенію отца, но когда узнаетъ, что отецъ обанкротился и всѣ дома съ лавками перешли къ Подхалюзину, а послѣдній обѣщаетъ на туалеты для нея денегъ не жалѣть, завести орловскихъ лошадей и самому начать одѣваться по европейски, понемногу смягчается. Далѣе Подхалюзинъ обѣщаетъ начать жизнь въ своемъ домѣ и старикамъ командовать надъ собою не позволить, чѣмъ окончательно завоевываетъ симпатію Липочки и молодые люди цѣлуются.

Дѣйствіе оканчивается сговоромъ. Большовъ очень доволенъ, что все вышло по его волѣ и въ избыткѣ чувства всѣ дома, лавки и „наличность“ передаетъ будущему зятю. Онъ проситъ только кормить его со старухой да кредиторамъ заплатить копѣекъ по десяти, а не по двадцати пяти, какъ предполагалось раньше. Подхалюзинъ на все соглашается: „Стоитъ-ли, тятенька, объ этомъ говорить-съ. Нешто я не чувствую? Свои люди—сочтемся!“

Дѣйствіе четвертое. Послѣднее дѣйствіе происходитъ уже у Подхалюзина, въ богато меблированной гостиной. Молодые, очевидно, вполнѣ счастливы. Подхалюзинъ охорашивается въ новой одеждѣ передъ зеркаломъ и Тишка ему услуживаетъ. Всѣ помыслы Липочки заняты новыми нарядами, а Лазарь мечтаетъ, какъ въ пятницу они поѣдутъ въ Сокольники, а въ воскресенье въ паркъ, на тысячныхъ лошадяхъ, въ сбруѣ накладного серебра, въ шикарномъ экипажѣ.

Приходитъ Устинья Наумовна за обѣщанными деньгами и вещами; послѣ долгаго препирательства, Липочка ей даетъ кое-что похуже изъ своего гардероба, Подхалюзинъ-же прикидывается, будто и не помнитъ, что обѣщалъ; онъ вручаетъ ей всего сто рублей и обманываетъ ее самымъ немилосерднымъ образомъ. Но сваха не такая женщина, которая сразу же примирилась бы съ надувательствомъ—она грозитъ „распечатать“ молодыхъ по всей Москвѣ, разславитъ ихъ такъ, „что стыдно будетъ въ люди глаза показать!...“.

Между тѣмъ старикъ Большовъ посаженъ „въ яму“, т. е. подъ арестъ до выясненія конкурснымъ управленіемъ состоянія его дѣлъ и суммы долга. Большовъ приходитъ въ домъ зятя попросить его, чтобы тотъ помогъ ему расплатиться, тѣмъ болѣе, что кредиторы, которые раньше ничего и слушать не хотѣли, теперь соглашаются удовлетвориться двадцатью пятью копѣйками за рубль. Подхалюзинъ же, сознавая себя хозяиномъ положенія, такъ какъ всѣ деньги у него въ рукахъ, соглашается дать лишь по десяти, въ крайнемъ случаѣ по пятнадцати за рубль. У него, молъ, теперь и такъ большіе расходы — приходится покупать новую обстановку, заводить торговлю. Ни строгія рѣчи старика, ни слезы и проклятія жены его не трогаютъ ни Лазаря, ни Липочки. Большовъ понимаетъ, что его волѣ пришелъ конецъ и съ грустью уходитъ обратно „въ яму“.

Послѣ является Рисположенскій, Подхалюзинъ довольно откровенно обманываетъ его и даже рѣзко выпроваживаетъ изъ дома. Старикъ стряпчій никакъ не ожидалъ такого конца, онъ называетъ Подхалюзина грабителемъ, угрожаетъ ему судомъ, Сибирью. Подхалюзинъ не остается въ долгу и, со своей стороны, называетъ Рисположенскаго пустымъ человѣкомъ, съ которымъ и связываться не стоитъ. Стряпчій окончательно выходитъ изъ себя и въ изступленіи кричитъ: „Вотъ тебѣ, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, чортъ съ тобою!“ Это мало смущаетъ Подхалюзина: „Какой горячій-съ!“ и обращаясь къ публикѣ говоритъ: „Вы ему не вѣрьте, это онъ, что говорилъ-съ, это все вретъ. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во снѣ приснилось. А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! Маленькаго ребенка пришлите— въ луковицѣ не обочтемъ“.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Большовъ.

Главнымъ предметомъ комедіи „Свои люди — сочтемся“, какъ по содержанію, такъ и по самому ходу пьесы, является злостное банкротство богатаго купца Большова. Съ этимъ

предметомъ связаны тѣмъ или инымъ образомъ, интересы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Важнѣйшія изъ этихъ лицъ: купецъ Самсонъ Силычъ Большовъ, главный его приказчикъ, Лазарь Подхалюзинъ и дочка Большова—Липочка; второстепенныя—стряпчій Рисположенскій, мальчишка Тишка, жена Большова, Аграфена Кондратьевна и сваха Устинья Наумовна.

Самсонъ Силычъ Большовъ считается однимъ изъ наиболѣе типичныхъ самодуровъ. Дѣйствительно, это человѣкъ грубый и деспотичный. Изъ словъ и дѣйствій лицъ, окружающихъ богатаго купца, мы знаемъ, что онъ бываетъ страшенъ во хмелю. „Ужъ мы то отъ него страсти-то видѣли! — повѣствуетъ Ѳоминична. Вотъ на прошлой недѣлѣ ночью пьяный пріѣхалъ, развоевался такъ, что на поди. Страсти, да и только! Посуду колотитъ... „У!—говоритъ—такіе вы, да этакіе, убью сразу!“ Очевидно, это одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ можно смѣло отнести фразу: „Моему нраву не препятствуй!“ Если же примемъ во вниманіе, что Большовъ никакого образованія не получилъ, то для насъ дѣлается понятнымъ, что онъ не только не понимаетъ въ чемъ заключаются обязанности человѣка передъ обществомъ, но прямо таки считаетъ себя внѣ всякихъ нравственныхъ правилъ. Такія правила онъ признаетъ обязательными только для другихъ. Себя самого Большовъ считаетъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только досягаетъ его власть. Неудивительно поэтому, что въ домѣ всѣ предъ нимъ трепещутъ, начиная отъ мальчишки Тишки и кончая женою, Аграфеною Кондратьевною. Почудилось, напримѣръ, домашнимъ, что онъ пріѣхалъ выпивши, и всѣ забѣгали въ страхѣ, и двери отъ него запираютъ, и черезъ запертыя двери кротко его уговариваютъ: „поди, батюшка, поди усни, Христосъ съ тобой“.

Его деспотизмъ тяготѣетъ надъ всѣми домашними безъ разбору. Страхъ передъ расходившимся самодуромъ соединяетъ всѣхъ членовъ семьи, сглаживаетъ различіе чиновъ и званій: мать, дочь, кухарка, ключница, мальчишка, приказчикъ — все это сливается въ одну угнетенную партію: у всѣхъ одна только мысль—какъ бы ускользнуть отъ грозной опасности. Высказываемые имъ самимъ взляды на семейныя отношенія—болѣе, чѣмъ дикіе. Такъ, когда Подхалюзинъ выражаетъ сомнѣніе—

захочетъ ли на него и глядѣть-то Олимпіада Самсоновна, Большовъ заявляетъ: „Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй“. Когда же Липочка отказывается сѣсть рядомъ съ Подхалюзинымъ, Бо̀льшовъ строго говоритъ дочери: „А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жеманиться... Молчи лучше! Велю—такъ и за дворника выйдешь”, и затѣмъ прибавляетъ обращаясь къ женѣ: „Захотѣлъ выдать дочь за приказчика и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать этого не хочу“.

Жену свою Большовъ въ глаза называетъ „старою коргой“, не ставитъ ее ни во что и даже не интересуется ея мнѣніемъ въ дѣлѣ замужества дочери: „знай сверчокъ свой шестокъ!“ „Не твое дѣло“, кричитъ онъ на жену, когда та вздумала было возражать на его приказъ дочери. Особенно онъ страшенъ въ минуты разгула, въ другое же время, въ обыденной, повседневной жизни, жена и дочь далеко передъ нимъ не безмолвны; такъ, дочь довольно храбро, правда немного конфузясь, проситъ его найти жениха изъ военныхъ: жена-же прямо бросаетъ ему въ лицо обвиненіе въ недостаткѣ любви къ единственной дочкѣ, и даже говоритъ это словами довольно рѣзкими. Въ этой сценѣ упрековъ какъ нельзя лучше обрисовывается самъ Большовъ съ его презрѣніемъ къ женской половинѣ человѣческаго рода и въ то же время съ любовью къ дочери.

Аграфена Кондратьевна: Да приголубь ребенка-то, что, какъ медьвѣдь бурчишь!

Большовъ: А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки что-ль лизать, въ ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

Аграфена Кондратьевна: Да ты что видалъ-то? Такъ что-нибудь, а вѣдь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ!

Большовъ: Что-жъ, что дочь? Слава Богу—обута, одѣта, накормлена—чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна: Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ что-ли? Накормлена! Мало-ли что накормлена!

По христіанскому закону всякого накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ,—а вѣдь это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

Большовъ: Знаемъ, что родная—да чего-жъ ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

Аграфена Кондратьевна: Да коли ужъ ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ бы на пользу посовѣтовать что-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычаю родительскаго!

Большовъ: А нѣтъ, такъ что-жъ за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

Аграфена Кондратьевна: Богъ создалъ! Да самъ то ты что? Вѣдь и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая-нибудь, прости Господи! Да спроси у нея что-нибудь.

Большовъ: А что я за спросъ? Гусь свиньѣ—не товарищъ: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Аграфена Кондратьевна: Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ,—ты покедова-то вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой-посторонній, все таки, какъ хочешь примѣривай, а мужчина не женщина—въ первый-то разъ наѣдетъ, не видамши-то его.

Большовъ: Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна: Отецъ ты эдакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитятко моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ.

Самъ Большовъ—человѣкъ состоятельный и, какъ купецъ-самодуръ, всю силу полагаетъ въ деньгахъ, которыя старается пополнять различными способами. Слѣдуетъ замѣтить, что нравственныхъ убѣжденій у Большова нѣтъ никакихъ, да, правду сказать, неоткуда имъ и взяться. Купецъ твердо увѣренъ, что нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоять его деньгамъ, а потому относится съ презрѣніемъ къ свободному труду и бѣдности. Большовъ крѣпко держится правила Пузатова изъ „Семейной картины“. Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ? Ничего, можно, т. е. надо пользоваться случаемъ

устроиться на счетъ ближняго, а ужъ ближній пеняй на самого себя за оплошность. Торговля Большова всецѣло основана на обманѣ, и онъ даже считаетъ это вполнѣ въ порядкѣ вещей, потому что „всѣ такъ поступаютъ"; онъ даже упрекаетъ Подхалюзина въ томъ, что тотъ мало учитъ приказчиковъ, какъ нужно обмѣривать покупателей. Однако и такой способъ наживы кажется ему недостаточнымъ, и потому онъ рѣшается объявить себя несостоятельнымъ съ тѣмъ, чтобы сразу освободиться отъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ. Большовъ не платитъ денегъ не потому, что его дѣла пошли плохо и состояніе пошатнулось, а потому, что ему, безъ объясненія причины, просто „не хочется" платить и такимъ образомъ увеличить и безъ того биткомъ набитый карманъ. Въ то же время Большовъ отлично знаетъ, что многіе купцы также поступаютъ и это легко имъ сходитъ съ рукъ. Такіе купцы не только не презираются, а въ купеческомъ мірѣ признаются опытными и ловкими дѣльцами.

Итакъ, отчасти по самодурству, отчасти изъ лѣни, отчасти изъ невѣжества, а главнымъ образомъ изъ жадности наживы, Большовъ задумалъ объявиться несостоятельнымъ должникомъ. Впрочемъ, въ этомъ замыслѣ играетъ большую роль стряпчій Рисположенскій, поощряющій Самсона Силыча, чтобы самому покормиться около этого дѣла. „То-то вотъ вы подлый народъ такой, кровопійцы какіе-то, заявляетъ Большовъ — только-бъ вамъ пронюхать что нибудь этакое, такъ ужъ вы вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ". Дѣйствительно, ловкій ходатай начинаетъ успокаивать Большова, что въ банкротствѣ нѣтъ ничего особенно преступнаго: „Что же, Самсонъ Силычъ, не вы первый, не вы послѣдній; нѣшто другіе-то не дѣлаютъ". Если до объявленія себя банкротомъ Большовъ еще не рѣшается на совершеніе этого поступка, то слова стряпчаго дѣйствуютъ на него, какъ электрическій токъ, и онъ вполнѣ спокойно и увѣренно рѣшаетъ этотъ вопросъ. А вѣдь были моменты, когда Большовъ колебался. Казалось, что совѣсть у него не совсѣмъ еще угасла. Такъ, на послѣднее замѣчаніе Рисположенскаго онъ возразилъ: „Какъ не дѣлать, братъ, и другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ-то—безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ рессорахъ ѣздятъ, въ трехъ-этажныхъ до-

махъ живутъ.., Да еще и обманетъ-то кого: такъ бѣдняковъ какихъ-нибудь, пуститъ въ одной рубашкѣ по міру. А у меня кредиторы все люди богатые, что имъ сдѣлается". Далѣе онъ подыскиваетъ еще рядъ различныхъ оправданій для себя и въ концѣ концовъ налаживаетъ себя на спокойную рѣшимость не платить кредиторамъ, да и все тутъ. Въ задуманномъ дѣлѣ имъ овладѣваетъ даже какой-то азартъ особаго рода и безпечная удаль; такъ, когда Лазарь совѣтуетъ вмѣсто 25 процентовъ совсѣмъ ничего не платить, онъ восклицаетъ: — „Этакъ-то лучше. Черта ли тамъ по грошамъ наживать. Махнулъ сразу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости. Спасибо тебѣ, Лазарь, удружилъ". Онъ какъ бы окончательно теряетъ голову и болѣе не задумывается надъ тѣмъ, что совершаетъ гнусное преступленіе, что обманываетъ и разоряетъ честныхъ людей. Теперь онъ теряетъ послѣдніе проблески совѣсти и за отсутствіемъ ея — его взгляды на общество, на законъ, на религію, на честь и на долгъ — совершенно исключительны. Общество, людская молва не имѣютъ для него никакого значенія. Замѣчательна также наглая иронія цинизма Большова въ обращеніи къ Богу: „Тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи". И въ то же самое время развитія въ душѣ подобныхъ мыслей и чувствъ, Большовъ по какой-то тупоумной наивности, выражаетъ негодованіе по отношенію къ другимъ несостоятельнымъ должникамъ, о которыхъ только что прочиталъ въ газетѣ: „И Богу-то угодить на чужой счетъ наровятъ. Ты, братъ, степенству-то этому не вѣрь. Этотъ народъ одной рукой крестится, а другой въ чужую пазуху лѣзетъ". Окончательно рѣшившись на обманъ и успокоивъ свою совѣсть, Большовъ увѣренъ въ своей правотѣ, скрытыя деньги признаетъ своею неотъемлемою собственностью, даже по наивному невѣжеству начинаетъ называть ихъ честно-нажитымъ, своимъ добромъ. Просватавъ дочь за Лазаря, онъ впадаетъ въ великодушіе и глупо разстроганный, заявляетъ: „Да что тутъ разговаривать. На милость суда нѣтъ. Бери все, только насъ со старухой корми, да кредиторамъ заплати копѣекъ по десяти". Однако устраивая мошенническую аферу, Большовъ самъ попадаетъ въ просакъ. Отдавая все свое состояніе вмѣстѣ съ рукою своей дочери Подхалюзину, Большовъ надѣется на его великодушіе. Но тутъ

ему пришлось горько разочароваться; Лазарь оказался похитрѣе его самого и, достигнувъ своей цѣли, предоставилъ своего тестя его участи, такъ что Большовъ попадаетъ въ „яму“. А въ несчастіи-то въ немъ проснулись и сердце и разумъ. Такъ, совершенно другимъ человѣкомъ является онъ въ послѣднемъ дѣйствіи комедіи. Ему людей стыдно и страшно передъ грознымъ Божьимъ судомъ. Съ искренней тоской онъ говоритъ своимъ роднымъ: „А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти? Что же мнѣ зажмуриться, что-ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то итти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть то на Нее, на Матушку?... Знаешъ, Лазарь, Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... А что ему за это было?... А тамъ присутственныя мѣста, уголовная палата... Вѣдь я злостный-умышленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ, Господи!.... Коли такъ не дадите денегъ, дайте—Христа ради (Плачетъ).“ Эти слова невольно зарождаютъ въ сердцѣ читателя сожалѣніе къ Большову не только какъ къ страдающему человѣку, но и какъ къ человѣку, у котораго проснулась совѣсть.

Несмотря на всѣ нравственныя безобразія, Большовъ все-таки вызываетъ въ душѣ зрителя чувство не злобы, а скорѣе сожалѣнья. Островскій замѣчательно тонко и умѣло обработалъ этотъ характеръ. Онъ выставилъ передъ зрителемъ всю душу своего героя, самыя затаенныя его мысли, самое зарожденіе его желаній. И мы видимъ, что, какъ во время обдумыванія своего безчестнаго банкротства, такъ и вообще во всѣхъ его поступкахъ, и въ обращеніи съ семьей и съ посторонними, Большовъ не имѣетъ въ душѣ ни тѣни злости или коварства; все въ немъ въ высшей степени просто, добродушно, глупо! Оказывается, что Самсонъ Силычъ вовсе не злодѣй, а грубый, неотесанный невѣжда. Смолоду въ немъ заглушены всѣ лучшія симпатичныя стороны натуры и не развито никакихъ нравственныхъ понятій. Потому-то онъ и живетъ безъ размышленія, а такъ, какъ живется; самодурствуетъ потому, что никто не противодѣйствуетъ; надуваетъ потому, что ему это выгодно.

Въ законѣ онъ видитъ не представителя высшей правды, а — камень на дорогѣ. Совѣсть у него—не внутренній голосъ, а насмѣшки прохожихъ, опасеніе ссылки. Грубость его такова, что даже несчастье не вполнѣ образумило его. Большовъ выводитъ только одно: „сама раба себя бьетъ, коли не чисто жнетъ“, т. е. осуждаетъ себя за то, что не умѣлъ ловко обдѣлать дѣло. Однимъ словомъ, безобразная дѣятельность Большова происходитъ оттого, что въ немъ вовсе не воспитанъ человѣкъ. Какъ вглядишься попристальнѣе въ Большова, то станешь негодовать, но негодовать не на него самого, а на тѣ условія жизни и на тѣ явленія, которыя или задерживаютъ, или совершенно искажаютъ правильное развитіе нравственной личности.

Подхалюзинъ.

Въ лицѣ Подхалюзина авторомъ мастерски очерченъ будущій самодуръ, но низшаго калибра, плутъ сознательный, мошенникъ со смекалкой. Онъ съ дѣтства служитъ у Большова и въ дѣтствѣ еще былъ замѣченъ что на руку не чистъ; ему пришлось пройти тяжелую школу жизни; прошелъ, какъ онъ самъ выражается, „огонь, воду и мѣдныя трубы“. Понятно, что такой человѣкъ въ совершенствѣ постигъ искусство обмѣривать и обманывать покупателей. Сдѣлавшись старшимъ приказчикомъ, онъ старается, чтобы въ лавкѣ все было въ порядкѣ, „какъ слѣдуетъ“, и учитъ другихъ приказчиковъ: „Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупать что-ли тумакъ какой подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ говорю, да и накинулъ рубль или два на аршинъ... И мѣрить-то, говорю, надо тоже поестественнѣе: тяни да потягивай, только чтобъ Боже сохрани, какъ не лопнуло: вѣдь не намъ, говорю, послѣ носитъ. Ну, а зазѣваются, такъ никто не виноватъ, можно, говорю, и просто черезъ руку лишній разъ аршинъ шмыгнуть“. Когда Самсонъ Силычъ рѣшилъ объявить себя несостоятельнымъ, онъ нашелъ въ Подхалюзинѣ не только помощника, но и сочувствующаго своему замыслу человѣка. Лазарь остановился и сталъ соображать, какъ лучше воспользоваться подобнымъ случаемъ

и поживиться на чужой счетъ. Совѣсть у него очень сговорчивая,—и онъ совѣтуетъ Большову, что гораздо лучше кредиторамъ не платить ничего, чѣмъ платить по 25 копѣекъ за рубль. Онъ прикидывается передъ хозяиномъ преданнымъ ему человѣкомъ, разыгрываетъ цѣлую комедію со слезами, выражая свое смиреніе; въ дѣйствительности же онъ мечтаетъ, заручившись довѣріемъ хозяина и помогая ему, сдѣлавшись ему необходимымъ и поставивъ его въ зависимость отъ себя, пріобрѣсти капиталъ и жениться на хозяйской дочери, которую, повидимому, любитъ. У Подхалюзина тоже есть кое-какая совѣсть. Онъ испыталъ въ душѣ даже нѣкоторую тревогу, какъ это видно изъ монолога его во второмъ дѣйствіи. „Какъ теперь это дѣло разсудить надо?"—спрашиваетъ онъ себя въ задумчивости—„говорятъ, надо совѣсть знать. Да, извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякого есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть? Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь, такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ не справедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть? Вышла линія,—ну и не плошай; онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то-ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится". Чудно владѣя собою, сдержанный, энергичный и умный, Лазарь Подхалюзинъ ловко повелъ свое дѣло. Онъ подкупаетъ въ свою пользу Рисположенскаго, обѣщая ему уплатить вдвое болѣе, чѣмъ Большовъ; подкупаетъ онъ и сваху, чтобы отдѣлаться онъ жениха изъ „благородныхъ"; искусно располагаетъ онъ въ свою пользу и Самсона Силыча, такъ какъ имѣлъ возможность хорошо изучить его характеръ. Когда Олимпіада Самсоновна не желаетъ взглянуть на него, Подхалюзинъ ловкимъ замѣчаніемъ—„видно не бывать, татенька, по вашему желанію" — подзадориваетъ упрямство и самолюбіе Большова; ласковымъ обращеніемъ „маменька", обѣщаніями: „вамъ только зятя, который бы васъ уважалъ и, значитъ, старость вашу покоилъ — окромя меня не найтитьсъ" — ублажаетъ Аграфену Кондратьевну,—и выигрываетъ дѣло. Все

же въ этомъ сознательномъ плутѣ, умѣющемъ изъ всего извлечь пользу, легко замѣтить искры живого чувства—онъ искренно любитъ Олимпіаду Самсоновну, и въ Большовѣ видитъ не только хозяина, но и отца своей будущей жены; не будь этого, онъ не такъ бы его нагрѣлъ, — ну, а тестя онъ нѣсколько щадитъ. Конечно, впрочемъ, плутовство пересиливаетъ въ немъ порывы сердечнаго чувства, и когда онъ, на комично-великодушный порывъ Большова, отдающаго ему все свое состояніе и просящаго только заплатить кредиторамъ копѣекъ по 10, отвѣчаетъ характерными словами, заключающими въ себѣ смыслъ пьесы: „да ужъ тамъ, тятенька, какъ-нибудь сочтемся; помилуйте, свои люди",—мы понимаемъ, что это слова плута, задумавшаго ловкое дѣло. Освободившись изъ-подъ власти своего хозяина, Подхалюзинъ самъ готовъ итти по его слѣдамъ и стать такимъ же самодуромъ. „Мы, Олимпіада Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужъ имъ-то командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ. Будетъ съ нихъ—почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!" Да, онъ дѣйствительно начинаетъ „чудить". Завладѣвъ всѣмъ состояніемъ хозяина, Подхалюзинъ сбрасываетъ съ себя маску притворства — и передъ нами открывается во всей наготѣ грубый эгоизмъ этого человѣка. Въ сценахъ, въ которыхъ онъ надуваетъ Рисположенскаго, сваху и самого Большова, мы видимъ и его здравый смыслъ и присущій ему, понятно, грубый юморъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ Подхалюзинѣ не совсѣмъ засохла душа. Нравственно онъ стоитъ гораздо выше своей безсердечной жены. Его начинаетъ мучить совѣсть, что Большовъ терпитъ невзгоды и тотчасъ по уходѣ тестя онъ говоритъ: „Эхъ! Олимпіада Самсоновна-съ; жаль тятеньку, ей Богу жаль-съ! Нѣшто поѣхать самому поторговаться съ кредиторами. Аль не надо-съ? Онъ то самъ лучше ихъ разжалобитъ. А? Аль ѣхать? Поѣду-съ!" Кромѣ того въ Подхалюзинѣ не умерло еще и нѣкоторое чувство чести; по крайней мѣрѣ, онъ боится и стыдится гласности. Такъ, когда обманутый Рисположенскій выходитъ изъ себя и въ отчаяніи и злобѣ обращается съ жалобой къ публикѣ, Лазарь Елизарычъ смутился. „Что ты! что ты! Очнись!" кричитъ онъ и пытается оправдаться передъ судомъ общественной совѣсти: „Все

вретъ-съ! Самый пустой человѣкъ-съ! Вы ему не вѣрьте: это онъ, что говорилъ-съ все это вретъ. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во снѣ приснилось, — а вотъ мы магазинчикъ откроемъ: милости просимъ! Малаго ребенка пришлите—въ луковицѣ не обочтемъ".

Липочка.

Олимпіада Самсоновна служитъ явнымъ доказательствомъ того, какъ пагубно отзывается самодурство даже въ области наиболѣе близкихъ родственныхъ отношеній. Липочка чуть-ли не болѣе всѣхъ уродлива въ нравственномъ отношеніи. Она училась въ какомъ-то пансіонѣ а потому тяготѣетъ къ новизнѣ и модному образованію, но изъ всей европейской цивилизаціи она вынесла лишь упоеніе къ танцамъ и нѣсколько фразъ на французскомъ языкѣ. Считая себя образованной, Липочка свободна отъ всякихъ „предразсудковъ". „Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! Вотъ маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія! Что за важность! Онъ—танцмейстеръ, а не кто-нибудь другой". Липочка свободна и отъ всѣхъ другихъ предразсудковъ и „суевѣрій", къ числу которыхъ она относитъ: стыдъ, уваженіе и любовь къ родителямъ, честолюбіе и т. п. устарѣлыя, по ея мнѣнію, чувства и понятія. Она находитъ, что стыдиться стыдно и откровенно кричитъ: „Мнѣ мужа надобно! Что это такое! Страмъ встрѣтиться со знакомыми: въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха — все другимъ, да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!.... Впередъ вамъ говорю, безпремѣнно слышите, а то для васъ же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, по секрету заведу обожателя, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку". На окрики, на наставленія, точно такъ-же, какъ и на ласки матери Липочка не обращаетъ никакого вниманія. Точно также не уважаетъ и не любитъ она отца, хотя и побаивается его. По поводу отказа жениху—вертопраху изъ благород-

ныхъ, Липочка говоритъ матери: „вамъ съ тятенькой только кляузы строить, да тиранничать“. Возмущенная на Подхалюзина, что онъ, приказчикъ и необразованный мужикъ, осмѣливается свататься, Липочка очень скоро свыкается съ мыслью сдѣлаться его подругой жизни, когда тотъ сумѣлъ понять ея вкусы и практически разъяснить ей, что она будетъ жить съ нимъ въ свое удовольствіе. Примирившись же съ нимъ, она сейчасъ-же начинаетъ жаловаться ему на родителей. Особенно откровенно ея негодующее восклицаніе, когда Подхалюзинъ сообщилъ ей, что у Самсона Силыча нѣтъ денегъ. „Что-же это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились“. Воспитанная тамъ, гдѣ господствуетъ одинъ страхъ, а потому невозможна любовь и привязанность, впослѣдствіи Липочка оказывается возмутительно безсердечной, безчувственной къ положенію своего отца, заключеннаго въ долговое отдѣленіе. Когда Большовъ, выпущенный на время изъ „ямы“, посѣтилъ зятя и дочку, Аграфена Кондратьевна, расплакалась надъ нимъ и образованная дочка оговорила ее за это: „Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ, что случилось“. Когда же Большовъ сталъ просить Подхалюзина заплатить кредиторамъ, она грубо и рѣзко обратилась къ отцу со словами: „Я у васъ, тятенька, до 20 лѣтъ жила — свѣта не видала. Что-жъ мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, да самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?... Разговоръ же о деньгахъ она заканчиваетъ рѣшительнымъ заявленіемъ: „Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше 10 копѣекъ дать не можемъ—и толковать объ этомъ нечего“. Однимъ словомъ, хотя у Липочки иногда и „рябитъ меланхолія въ глазахъ“, но натура эта отличается такой-же грубостью, нравственной неразвитостью, какъ натура ея отца. Въ лицѣ Липочки и Подхалюзина самъ Большовъ подготовилъ себѣ заслуженное наказаніе, потому что оба они, по складу своихъ понятій и характеровъ, являются вполнѣ естественнымъ результатомъ его самодурства.

Второстепенныя дѣйствующія лица.

Рисположенскій представляетъ собой типъ стряпчаго дореформенной Руси. Онъ, какъ стряпчій, постоянно бываетъ

у замоскворѣцкихъ купцовъ и долголѣтнее знакомство съ ними дало ему возможность чудно изучить всевозможныя ихъ продѣлки. Ведя дѣла своихъ довѣрителей, Рисположенскій часто посѣщалъ Коммерческій судъ, гдѣ могъ до мельчайшихъ подробностей познакомиться со всевозможными тонкостями судейскаго дѣлопроизводства, основаннаго на различныхъ неправильностяхъ и экивокахъ, благодаря чему можно было тянуть дѣло безконечно, лишь бы каждая изъ тяжущихся сторонъ могла извлечь какъ можно больше выгодъ. Рисположенскій по своему образованію стоитъ гораздо выше своихъ кліентовъ, но въ нравственномъ отношеніи не далеко отъ нихъ ушелъ; кромѣ того онъ до такой степени спился, что по утрамъ у него руки трясутся, особенно правая и ему приходится ее „все лѣвой поддерживать“. Пагубная страсть къ спиртнымъ напиткамъ была главною причиною его небрежнаго отношенія къ службѣ въ судѣ, за что онъ въ концѣ концовъ и поплатился. Самъ Рисположенскій разсказываетъ, что онъ однажды изъ суда взялъ дѣло домой, но по дорогѣ съ товарищемъ завернулъ въ погребъ, гдѣ онъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, вѣроятно, дѣло и оставилъ. Между тѣмъ въ судѣ хватились этого дѣла: искали, искали, но никакъ не могли найти. Къ счастью, Рисположенскій вспомнилъ, что забылъ дѣло въ погребѣ, гдѣ оно и нашлось. Виновникъ навѣрное попалъ бы подъ судъ, но изъ жалости къ его семьѣ, начальникъ простилъ его, приказавъ ему подать въ отставку. Служба въ до-реформенномъ судѣ, какъ извѣстно, давала возможность чиновникамъ тянуть съ судящихся послѣднія крохи, а потому послѣ выхода въ отставку матеріальное положеніе Рисположенскаго значительно ухудшилось — онъ занялся хожденіемъ по чужимъ дѣламъ, „кому просьбишку изобразишь, кого въ мѣщане припишешь. Иной день и полтины серебромъ домой не принесешь“. Необходимость заставляетъ его искать работы, не считаясь съ ея нравственной подкладкой лишь бы заработать на пропитаніе многочисленной семьи. Но страсть къ спиртнымъ напиткамъ беретъ верхъ, изъ-за рюмочки онъ готовъ на все; къ кому бы онъ ни заходилъ, онъ безъ стѣсненія проситъ рюмочку водки. Долговременная практика выработала въ Рисположенскомъ своего рода нюхъ: онъ какъ бы предчувствуетъ, гдѣ какой-нибудь ку-

пецъ замышляетъ кляузное дѣло и сейчасъ же является къ нему, чтобы самому покормиться около этого дѣла, заработать копѣйку. Не даромъ же Большовъ говоритъ о стряпчихъ: „То-то вотъ вы подлый народъ такой, кровопійцы какіе-то: только-бъ вамъ пронюхать что-нибудь этакое, такъ ужъ вы вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ“. Узнавъ, что Большовъ думаетъ не платить кредиторамъ, Рисположенскій льститъ, ему и, какъ тонкій и хитрый мошенникъ, старается доказать ему разными доводами, что незаконный поступокъ можетъ показаться какъ бы законнымъ. Стряпчій совѣтуетъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать и за свои труды желаетъ получить тысячу рублей, отлично понимая, что въ судебныхъ дѣлахъ „купецъ дуракъ, ничего не понимаетъ“. Роль Рисположенскаго въ дѣлѣ банкротства Большова не особенно красива и дѣлается еще грязнѣе, когда онъ его надуваетъ. Дѣло въ томъ, что услышавъ о рѣшеніи Подхалюзина обмануть своего хозяина, Рисположенскій дѣйствуетъ уже въ пользу новаго кліента, который ему обѣщаетъ двѣ тысячи рублей, давъ въ видѣ задатка сто рублей. Этотъ поступокъ ясно доказываетъ, что Рисположенскій—человѣкъ съ подленькой, грязной душой и низкимъ характеромъ: онъ готовъ продать своего кліента, лишь бы побольше заработать. Черствый и подленькій къ постороннимъ лицамъ, дѣла которыхъ онъ ведетъ, Рисположенскій является очень чувствительнымъ и нѣжнымъ по отношенію къ своей семьѣ—всѣ его мысли заняты, какъ бы заработать для своей жены и дѣтей лишній рубль и дать дѣтямъ надлежащее образованіе, опредѣлить ихъ въ гимназію. Послѣднее обстоятельство не можетъ, однако, обѣлить Рисположенскаго и въ общемъ онъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе.

Тишка—мальчишка въ купеческомъ домѣ. Онъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ кругу купеческаго сословія, гдѣ самодурство и произволъ играютъ такую видную роль. Душная атмосфера „темнаго царства“ больше всего давитъ слабѣйшія подневольныя существа и всею тяжестью ложится на нихъ. Помимо нравственныхъ оскорбленій ему приходится переносить подчасъ и физическія страданія: „а у насъ коли не тотъ, такъ другой, коли не самъ, такъ сама задаетъ встрепку“.

Имъ командуетъ не только Большовъ, вся его семья, старшій приказчикъ, но и „всякая шваль“. Его, какъ будущаго приказчика, должны бы сразу пріучать къ работѣ въ лавкѣ, но пока онъ занимается совершенно посторонними дѣлами, ничего общаго не имѣющими съ торговлей. Тишка прекрасно сознаетъ, что его товарищамъ, очутившимся въ другой атмосферѣ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, живется несравненно лучше, чѣмъ ему: они не занимаются уборкой хозяйскихъ комнатъ, цѣлый день „не шаркаютъ по мостовой“, такъ какъ „у добрыхъ-то людей для разгонки держатъ дворника“, а работаютъ въ лавкѣ при хозяинѣ и понемногу пріучаются къ торговлѣ. У Большова Тишка исполняетъ всевозможныя обязанности и работы и покорно переноситъ подзатыльники ни за что, ни про что. Онъ съ самаго утра до поздней ночи на ногахъ и даже мечтать не смѣетъ вырваться изъ дому: „А ужъ это, чтобы урваться когда изъ дому, съ пріятелями въ три листика, или въ пристѣнокъ сразиться — и не думай лучше!“ „Темное царство“ понемногу его захватываетъ и, окруженный низкими людьми, Тишка учится льстить, подличать, подлаживаться. Обстоятельства жизни учатъ мальчика всякимъ низостямъ, лишь бы плутовствомъ и обманомъ хоть сколько нибудь облегчить свое незавидное положеніе. Уже въ юношескомъ возрастѣ Тишка видитъ только дурные примѣры и убѣждается, что можно поступать подло, такъ какъ главные его наставники только и дѣйствуютъ въ томъ духѣ. Уже съ ранняго возраста онъ начинаетъ цѣнить деньги и за нихъ готовъ исполнить всякое порученіе. Поэтому нечего удивляться, что Тишка играетъ въ карты и крадетъ забытый хозяиномъ цѣлковый на прилавкѣ. При случаѣ онъ готовъ на дерзость, не слушается и уже теперь въ немъ замѣтны всѣ черты, которыя, при полномъ своемъ развитіи, дадутъ типъ характернаго сына „темнаго царства“

Аграфена Кондратьевна—прямая противоположность своей дочкѣ Липочкѣ. Хотя она женщина глупая и смѣшная, но во всякомъ случаѣ добрая и сердечная. Она старается настращать дочку, что пошлетъ ее на кухню горшки парить, что пожалуется отцу за то, что та пляшетъ, „озорничаетъ ногами ни свѣтъ, ни заря, не поѣмши хлѣба Божьяго“, да грубитъ матери, но эти

угрозы только желаніе соблюсти формы, поддержать хоть внѣшнимъ образомъ родительскій авторитетъ; на самомъ же дѣлѣ ей жаль дочку потому даже, что жениха у нея до сихъ поръ нѣтъ, и потому даже, что Липочка устала, кружившись по комнатѣ; когда Липочка расплакалась, Аграфена Кондратьевна тоже плачетъ и смиренно говоритъ дочкѣ: „Липочка! Липа! Ну, будетъ! Ну, перестань! (сквозь слезы). Ну, не сердись ты на меня... (плачетъ)... бабу глупую... неученную. Ну, прости ты меня... сережки куплю...“ Въ другомъ мѣстѣ Аграфена Кондратьевна рыдаетъ надъ разряженной дочкой, потому что ждутъ жениха. Сцена получается хотя и комичная, но въ то же время — трогательная: особенно замѣчателенъ ея чисто эпическій конецъ; причитанія матери сильно напоминаютъ народную пѣсню:

— „Ростили, ростили, да и выростили—да ни съ того, ни съ сего въ чужіе люди отдаемъ, словно ты надоѣла намъ да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ, выживемъ тебя изъ дому, словно ворога изъ города, а тамъ спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давиться, кулакомъ слезы утираючи! Да, помилуй Богъ, неровнюшка выйдется, не ровенъ дуракъ навяжется, аль дуракъ какой—дурацкій сынъ (плачетъ).

— А объ чемъ—бы ты это, слышно, разрюмилась? (спрашиваетъ Большовъ). Вотъ спросить тебя, такъ и сама не знаешъ.

— Не знаю, батюшка, охъ, не знаю: такой стихъ нашелъ.

— То-то вотъ сдуру. Слезы у васъ дешевы.

— Охъ, дешевы, батюшка, дешевы! И сама знаю, что дешевы, да что-жъ дѣлать-то?

Однако добрая и смиренная Аграфена Кондратьевна, способна упрекать мужа въ глаза, если замѣтить въ немъ недостатокъ любви къ дочери. Обыкновенно же она благоговѣетъ передъ нимъ и уважаетъ его авторитетъ. Когда дочка согласилась на бракъ съ Подхалюзинымъ, Аграфена Кондратьевна, начавшая было безпокоиться о судьбѣ своей Липочки, успокоилась и обрадовалась: „Ахъ, ненаглядная ты моя! Вотъ то-то

же дурочка! Ужъ отецъ тебѣ худа и не пожелаетъ". Когда Самсона Силыча посадили въ „яму", Аграфена Кондратьевна „вся измаялась" въ тоскѣ по немъ. Она любитъ его искренно и нелицемѣрно. „Голубчикъ ты мой, Самсонъ Силычъ, золотой ты мой!"--причитаетъ она, когда мужъ пришелъ къ зятю изъ „ямы",—„оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ". Живя у зятя и у черствой, безсердечной дочки, завися отъ нихъ, она не задумывается въ глаза упрекать ихъ и проклинать за мужа:—„Варваръ ты, варваръ! — обращается онъ къ Подхалюзину, отказавшемуся платить кредиторамъ 25 процентовъ.—Разбойникъ ты этакой! Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Изсохнешь вѣдь и съ деньгами-то, изсохнешь не доживя вѣку. Разбойникъ ты этакій, разбойникъ!"

Устинья Наумовна — замѣчательный типъ замоскворѣцкой свахи, который и до сихъ поръ можно наблюдать въ нѣкоторыхъ „медвѣжьихъ уголкахъ" нашего обширнаго отечества. Сваха обыкновенно является самой лучшей посредницей въ дѣлѣ устраиванія свадебъ въ кругу тѣхъ лицъ, гдѣ она вращается, и съ которыми ей приходится сталкиваться. Устинья Наумовна умѣетъ чудно обходиться съ людьми, гдѣ надо имъ льстить и съ ея языка то и дѣло срываются слѣдующія выраженія: „яхонтовая, изумрудная, жемчужная, серебряная, золотая, брилліантовая" и все въ этомъ родѣ. Ее охотно и радушно принимаютъ тамъ, гдѣ въ ней нуждаются: гдѣ безъ нея нельзя обойтись. Въ дѣлѣ сватовства ей приходится иногда много хлопотать, ходить и это вполнѣ понятно, такъ какъ свахамъ приходится считаться со вкусами отца, матери и невѣсты одновременно. По этому поводу Устинья Наумовна говоритъ Липочкѣ слѣдующее: „Да ишь ты, съ вами не скоро сообразишь брилліантовая. Тятенька-то твой ладитъ за богатаго: мнѣ, говоритъ, хоть Ѳедотъ отъ проходныхъ воротъ, лишь бы денежки водились, да приданаго поменьше ломилъ. Маменька-то вотъ, Аграфена Кондратьевна, тоже наровитъ въ свое удовольствіе: подавай ты безпремѣнно купца, да чтобы былъ жалованный, да лошадей-бы хорошихъ держалъ, да и лобъ-то крестилъ-бы по старинному. У тебя тоже свое на умѣ. Какъ на васъ угодить? Сваха отлично знаетъ свое дѣло и пока хлопочетъ, луч-

шая гостья въ домѣ, но разъ въ ней нужда кончается, то подчасъ съ нею грубо обращаются и даже съ вознагражденіемъ надуваютъ. „Кто на платье тебѣ матеріи, кто шаль съ бахрамой, кто тебѣ чепчикъ состряпаетъ, а гдѣ и золотой, гдѣ побольше перевалитъ“. Купечество, въ которомъ она больше всего вращается, Устинья Наумовна хорошо знаетъ и мѣтко характеризуетъ чванство, гордость и глупость купцовъ-богатѣевъ. Такъ она говоритъ Подхалюзину: „Отецъ-то, Самсонъ Силычъ, голицами торговалъ на Балчугѣ; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не паневница — изъ Преображенскаго взята. А нажили капиталъ, да въ купцы вылѣзли, такъ и дочка въ принцессы норовитъ. А все это денежки“. По мужу Устинья Наумовна чиновница XVI класса, что не мѣшаетъ ей быть сплетницей и подчасъ даже способной на подленькія дѣла. Сначала она хлопочетъ для Липочки, чтобы женихъ былъ „благородный“, но когда Подхалюзинъ обѣщаетъ ей двѣ тысячи рублей и соболью шубу, измѣняетъ ей и начинаетъ дѣйствовать въ пользу послѣдняго. Какъ ни хитра и корыстолюбива Устинья Наумовна, но съ Подхалюзинымъ попадаетъ въ просакъ и тутъ изъ устъ ея уже слышатся далеко не ласковыя и не льстивыя слова: „А коли такъ, я и смотрѣть на васъ не хочу! Ни за какія сокровища и возиться то съ вами не соглашусь! Кругомъ обѣгу тридцать верстъ, а мимо васъ не пойду! Скорѣй зажмурюсь, да на лошадь наткнусь, чѣмъ стану глядѣть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то въ эту улицу не заверну. Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться въ тартары, коли меня здѣсь увидите!“ Краснорѣчье расходившейся чиновницы трудно унять: „Ужъ я васъ, золотые, распечатаю, будете знать! Я васъ по Москвѣ то разславлю, что стыдно будетъ въ люди глаза показать!... Ахъ я, дура, дура, съ кѣмъ связалась! Дамѣ-то съ званіемъ, съ чиномъ... Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Уходить).“

„Свои люди — сочтемся“, какъ комедія гоголевскаго типа.

„Свои люди—сочтемся“, какъ и драматическія произведенія Гоголя, являются типомъ комедіи. Разница между ними заключается въ томъ, что „Свои люди“ есть преимущественно комедія нравовъ, тогда какъ гоголевскія произведенія не только комедіи нравовъ, но и характеровъ. Комедія Островскаго мѣстами переходитъ въ драму, чего нельзя сказать о произведеніяхъ Гоголя. Правда, знаменитый критикъ Добролюбовъ говоритъ: „въ послѣднихъ сценахъ „Своихъ людей“ есть трагическій элементъ, но онъ участвуетъ здѣсь чисто внѣшнимъ образомъ, такъ какъ есть онъ, напримѣръ, и въ появленіи жандарма въ „Ревизорѣ“. Съ этимъ мнѣніемъ однако можно не согласиться. Большовъ вѣдь въ послѣднемъ дѣйствіи появляется передъ зрителями уже наказаннымъ, страдающимъ, жена его тоже чувствуетъ себя плохо. Если они оба не пробуждаютъ къ себѣ чувства сожалѣнія, то въ этомъ не они одни виноваты и ужъ во всякомъ случаѣ трагизмъ тутъ не внѣшній. Ничего подобнаго мы не видимъ у Гоголя. Всѣ его пьесы будутъ чистыми комедіями, хотя, при болѣе подробномъ разсмотрѣніи ихъ, всякій замѣтитъ смѣхъ сквозь слезы, который нельзя отрицать и въ „Своихъ людяхъ“. Послѣдняя сцена и восклицаніе Подхалюзина: „а вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ!“ невольно вескрешаетъ въ памяти знаменитую заключительную фразу нашего юмориста: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Въ сходствѣ такого впечатлѣнія несомнѣнно

сказывается сходство произведеній обоихъ писателей, которое можно отмѣтить и въ слѣдующемъ: завязка „Своихъ людей“ и комедіи Гоголя основаны не на любви. „Авторъ пренебрегъ, говоритъ Галаховъ о „Ревизорѣ“, обычной интригой, основанной на любви, потому что видѣлъ, что все давно измѣнилось на свѣтѣ, что теперь выгодная женитьба, желаніе получить доходное мѣсто, чинъ или денежный капиталъ, гроза идущаго вдали закона, скорѣе и крѣпче нежели любовь, завязываютъ драму“. То же самое можно сказать и про комедію Островскаго.

Такое подобіе въ построеніи указываетъ на сходство процесса творчества у обоихъ писателей, которое Гоголь въ „Авторской исповѣди“ такъ опредѣляетъ: „Я никогда ничего не создавалъ въ выображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности. Я никогда не писалъ портрета въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдстіе соображенія, а не воображенія“. Вотъ таково главное сходство разбираемыхъ комедій, такова ихъ существенная сторона .

Кромѣ существенной стороны сходства, если взглянуть на пьесы съ узкой точки зрѣнія, то легко замѣтить, во-первыхъ, что оба автора даютъ очень краткія описанія мѣста дѣйствія комедій. „Гостиная въ домѣ Большова“, „Контора въ домѣ Большова. Прямо въ дверь, на лѣвой сторонѣ, лѣстница на верхъ”, „Въ домѣ Подхалюзина, богатаго меблированная гостиная“ („Свои люди“); „Комната въ домѣ городничнаго“, „Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее“, („Ревизоръ“) „Комната холостяка,“„Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны“. (Женитьба). „Комната въ городскомъ трактирѣ“ („Игроки“) и др.;— во вторыхъ, что какъ „Свои люди — сочтемся“, такъ и Ревизоръ“ кончаются обращеніемъ къ публикѣ.

Гораздо важнѣе то обстоятельство, что ни у Гоголя въ „Ревизорѣ“ и „Женитьбѣ“, ни у Островскаго въ разсматриваемой комедіи нѣтъ ни одной свѣтлой личности. У обоихъ писателей, по словамъ Добролюбова, „характеры дѣйствующихъ лицъ совершенно обыденные и не выдаются ничѣмъ особен-

нымъ, не выдаются надъ пошлой средой, въ которой они поставлены". При первомъ взглядѣ и въ „Ревизорѣ" и въ „Своихъ людяхъ" не видно ничего ужаснаго. Все такъ обыденно, просто, такъ добродушно-глупо. Даже и самый законъ является для нихъ лишь непріятнымъ камнемъ преткнованія, а отнюдь не чѣмъ-нибудь священнымъ, чему слѣдуетъ отдавать должное уваженіе не только за страхъ, но и за совѣсть. И этимъ подтверждаются приведенныя нами выше слова изъ „Авторской исповѣди" Гоголя, что онъ вмѣстѣ съ Островскимъ, писали съ натуры, причемъ оба изобразили отступленія отъ идеала. Общество, съ котораго писалъ свою комедію Островскій, недалеко ушло отъ общества гоголевскихъ пьесъ. И тамъ и тутъ одинаково царитъ невѣжество со всѣми аксессуарами. Да и въ самомъ дѣлѣ разстояніе, отдѣлающее время появленія въ свѣтъ комедій Гоголя отъ появленія „Своихъ людей", едва равно 15 — 20 годамъ. Доказательствомъ того, что русское общество не могло измѣниться за такой короткій промежутокъ времени, служитъ то обстоятельство, что еще встрѣчаются и теперь на Руси изображенные типы обоими писателями. Хлестаковы то и дѣло появляются въ различныхъ концахъ нашего обширнаго отечества. Нельзя отнюдь утверждать, что типы Островскаго и Гоголя отжили свой вѣкъ. Тѣмъ болѣе невозможно сказать, что, какъ Гоголь, такъ и Островскій не выразили въ своихъ произведеніяхъ общественныя черты. Вслѣдствіе этого-то, сходство ихъ персонажей доходитъ до удивительной близости. Вотъ двѣ характеристики купца у Гоголя. „Бывало, какъ ударитъ Тихонъ Пантелеймоновичъ всей пятерней по столу, да воскликнетъ: плевать я, говоритъ, хочу, на того, который стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же, говоритъ, дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына, говоритъ, не отдамъ на службу. Что, развѣ купецъ не служитъ государю также, какъ и всякій другой? Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною, такія страсти. Вѣдь, если сказать правду: онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы поболѣе" („Женитьба"). А вотъ и другая характеристика: „Ты что?—начинаешь плутнями; тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ" не знаешь, а уже обмѣриваешь; а какъ

разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь карманъ такъ и зеважничалъ“ („Ревизоръ“). Развѣ это не выходцы изъ темнаго царства, изображеннаго Островскимъ. Далѣе дѣйствующія лица комедій Островскаго, по словамъ Галахова, поступаютъ вопреки „требованіямъ не разума только, но и нравственности, не просто смѣшатъ, но и возмущаютъ“. Такое же впечатлѣніе производятъ герои „Своихъ людей“. Въ частности же, сходны многія дѣйствующія лица. Такъ, напримѣръ, и городичій и Большовъ до извѣстной степени не лишены добродушія; они оба полагаются на Бога и на судьбу: „Такова ужъ воля Божія, противъ нея не пойдешь... Мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе“, говоритъ Большовъ. „Такъ ужъ, видно судьба... Авось, Богъ вынесетъ и теперь“, заявляетъ городничій. Чиновники въ „Женитьбѣ“ удивляются, что въ Сициліи мужики не понимаютъ русской рѣчи, а Рисположенскій разсказываетъ: „жилъ старецъ, маститый старецъ... въ сторонѣ такой... необитаемой. Было у него двѣнадцать дочерей“. Слова свахи Устиньи Наумовны о „политикѣ“ и отвѣтъ Большова (дѣйствіе III явл. IV) очень похожи „на тонкую политическую причину“, „войну съ турками“, и „да, оба пальцемъ въ небо попали! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ“. Сваха Ѳекла Ивановна (изъ „Женитьбы”) родная сестра Устиньи Наумовны изъ комедіи „Свои люди—сочтемся“. Онѣ обѣ даже хвалятся схоже: „Такъ ухлопоталася“! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министерствамъ натаскалась, въ караульнѣ насладилась“ (Ѳекла Ивановна). „Ну, ужъ хлопотала, хлопотала я для тебя Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да ужъ и выхлопотала жениха“ (Устинья Наумовна).

Агафья Тихоновна рѣшительно отказывается отъ замужества съ купцомъ: „Да ни за что не выйду за купца, не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!“ Липочка Большова не болѣе осмысленно выражаетъ свое нежеланіе! „Не пойду за купца, ни за что не пойду! Затѣмъ я развѣ такъ воспитана: училась и по-французски, и на фортопьянахъ, и танцоватъ! Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ хочешь возьми, а достань благороднаго!“ Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что Липочка болѣе образована и воспитана,

чѣмъ Агафья Тихоновна: Агафья Тихоновна не умѣетъ ни говоритъ по-французски, ни играть на фортепьяно, тогда какъ Липочка, по отзыву Устиньи Наумовны, „пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ, по-французскому и фортопьянахъ — тоже тамъ сямъ, да и нѣтъ ничего". Но это все же прогрессъ, тѣмъ болѣе, что Устинья Наумовна говоритъ въ раздраженьи, и Липочка пожалуй пишетъ, говоритъ и играетъ лучше, чѣмъ это можно заключить изъ словъ расходившейся свахи. Вкусы у Липочки и у Агафьи Тихоновны почти одинаковы. Такъ на вопросъ: „какого тебѣ жениха: посолиднѣй али поподжаристѣй" Липочка отвѣчаетъ: „ничего и потолще, былъ бы собою не малъ. Конечно, лучше ужъ рослаго, чѣмъ какого-нибудь мухортика".

Агафья Тихоновна заявляетъ: „нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... я ничего не вижу въ нихъ". Обѣ почти сходны въ выраженіяхъ при опредѣленіи своихъ вкусовъ.

Отношенія между дочерьми, съ одной стороны, и матерями, съ другой, не отличаются особенной сердечностью. Но Липочка и Аграфена Кондратьевна грызутся другъ съ другомъ съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Сквозникъ-Дмухановскія. У Большовыхъ верхъ беретъ дочь, а у Дмухановскихъ-мать. Обѣ матери мало стѣсняются въ выраженіяхъ. Аграфена Кондратьевна „въ сердцахъ" честитъ свою дочь: безстыдница, варварка, болтушка безпутная, собачій огрызокъ, безстыжій твой носъ," и т. п. Анна Андреевна ей не уступаетъ въ выраженіяхъ: „угорѣлая кошка, дура, сумасшедшая". Обѣ онѣ недовольны непочтительнымъ отношеніемъ къ нимъ дочерей. Анна Андреевна говоритъ: „лишь бы только наперекоръ"; Аграфена Кондратьевна: „Вѣдь это ты на зло матери подъ носъ шепчешь"; Анна Адреевна: „Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Нарочно, чтобы только поспорить", Аграфена Кондратьевна: „молчи, молчи, таранта егоровна! Уступи верхъ матери!" Липочка, выйдя изъ подъ родительской опеки, очень черство относится къ отцу; Анна Андреевна, думая, что попала въ тещи къ Хлестакову — важной петербургской особѣ,—не желаетъ оказывать покровительства знакомымъ. И Липочка и Анна Андреевна „къ военнымъ людямъ такъ и льнуть".

Липочка признается: „То ли дѣло отличиться съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы и эполеты, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками". Анна Андреевна съ необыкновеннымъ жаромъ разспрашиваетъ о Хлестаковѣ: „Ревизоръ? съ усами! съ какими усами?..." Мнѣ только одно слово: „что, онъ—полковникъ? Кто онъ такой? Генералъ?"

Самые идеалы Подхалюзина,—говоритъ Добролюбовъ, — грубы, тусклы, безобразны и безчеловѣчны. Городничій мечтаетъ о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись генераломъ, будетъ заставлять городничихъ ждать себя по пяти часовъ, такъ точно Подхалюзинъ предполагаетъ: „тятенька подурили на своемъ вѣку—будетъ: теперь намъ пора". И только бы ему достичь возможности осуществить свой идеалъ: онъ въ самомъ дѣлѣ не замедлитъ заставить другихъ такъ же бояться, подличать, фальшивить и страдать онъ него, какъ боялся, подличалъ, фальшивилъ и страдалъ онъ самъ, пока не обезпечилъ себѣ право на самодурство". Вотъ портретъ гражданина темнаго царства во весь ростъ.

Въ томъ же царствѣ происходитъ большая часть дѣйствія „Женитьбы", гдѣ мы оказываемся въ купеческомъ домѣ. Гоголь замѣчательно мѣтко и вѣрно рисуетъ типы невѣсты, старухи тетки, свахи, служанки, такъ что они нисколько не уступаютъ портретамъ Островскаго. Даже имена чиновниковъ у обоихъ писателей необыкновенны: въ „Женитьбѣ" мы встрѣчаемъ Балтазара Балтазаровича и Акинѳа Степаныча, а въ „Своихъ людяхъ"—Сысой Псоича. И языкъ гоголевскихъ купцовъ по силѣ и колоритности нисколько не уступаетъ мастерскому языку комедій Островскаго.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что какъ пьесы Гоголя, такъ и „Свои люди" обладаютъ простотою содержанія и завязки. Но при всей простотѣ и строгомъ единствѣ содержанія и плана комедій, онѣ поражаютъ глубиною и широтою захвата рисуемой въ нихъ жизни и людей. Вамъ кажется, что вы сами давно знакомы съ впервые встрѣчаемымъ въ пьесѣ лицомъ; вы напередъ можете сказать, какъ оно поступитъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. И хотя Островскій рисуетъ преимущественно купечество, а Гоголь чиновниковъ, а все же оба писателя до самой святыя святыхъ затрогиваютъ рѣшительно всѣ

слои русскаго общества. Изъ-за купцовъ и чиновниковъ проглядываетъ все остальное общество, обнаруживаются сокровенныя пружины, создавшія и движущія тѣ явленія, которыя характеризуютъ изображаемую среду. Комедіи обоихъ авторовъ являются выразительницами всеобщаго невѣжества, которое натурально проявлялось самымъ различнымъ образомъ, соотвѣтственно индивидуальности каждаго человѣка. И Хлестаковъ, и городничій, и Держиморда, и высѣченная унтеръ-офицерская жена, и Большовъ, и Подхалюзинъ, и Липочка и всѣ другія дѣйствующія лица въ комедіяхъ являются выразителями невѣжества, но только въ каждомъ изъ нихъ оно проявляется сообразно ихъ характеру, а потому рядомъ съ нимъ обнаруживаются и другія отрицательныя стороны ихъ характеровъ. Такимъ образомъ, сообразно ходу и развитію пьесъ на общемъ фонѣ невѣжества всплываетъ постепенно одинъ за другимъ порокъ за порокомъ, недостатокъ за недостаткомъ, составляющіе достояніе извѣстнаго класса или только отдѣльнаго лица и въ общемъ, дѣйствительно получается впечатлѣніе, что въ комедіяхъ собрано авторами „въ кучу все дурное въ Россіи". Весьма возможно, что въ этомъ отношеніи Островскій находился подъ вліяніемъ великаго автора „Женитьбы", „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ".

Достоинство комедіи „Свои люди — сочтемся". Ея общественное значеніе.

Прежде всего въ комедіи „Свои люди—сочтемся" читателя поражаетъ обиліе чисто русскихъ пословицъ и поговорокъ, чѣмъ, какъ извѣстно, богатъ нашъ простонародный языкъ. Это обстоятельство ясно доказываетъ, насколько Островскій былъ близокъ къ русской жизни, насколько проникся русскимъ духомъ. Припомнимъ хотя-бы нѣкоторыя: „Лежачаго не бьютъ", „Гусь свиньѣ не товарищъ", „Сиди у моря да жди погодки",

„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“, „Знай сверчокъ свой шестокъ!“, „Любишь кататься, люби и саночки возить“ и т. п.

Далѣе, къ первоклассным поэтическимъ достоинствамъ комедіи Островскаго относится—внимательная, тонкая обработка характеровъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ и даже — лицъ второстепенныхъ, напримѣръ: стряпчаго Рисположенскаго, свахи Устиньи Наумовны, няни Ѳоминичны.

Не менѣе поражаетъ насъ естественность и занимательность драматическихъ положеній и столкновеній, живость и быстрота развитія драматическаго дѣйствія.

Комедія „Свои люди — сочтемся“ показываетъ: во первыхъ, что низость и преступленіе не въ природѣ человѣка, вовторыхъ, что добрыя природныя свойства часто или задерживаются въ своемъ развитіи, или даже искажаются неправильнымъ воспитаніемъ и, въ третьихъ, что русская жизнь средняго круга еще недавно была очень бѣдна средствами для нормальнаго, правильнаго развитія человѣка и часто до такой степени извращала воспитаніе человѣка, что онъ дѣлался существомъ нравственно-безобразнымъ, а слѣдовательно комическимъ и презрѣннымъ.

Какъ комедія общественныхъ нравовъ, „Свои люди—сочтемся“, стоитъ на ряду съ другими замѣчательными драматическими произведеніями нашей литературы, напримѣръ, комедіями, „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“. Островскій дѣлаетъ для зрителя понятнымъ самый духъ изображаемаго времени въ средѣ нашего купечества. Въ живыхъ и яркихъ образахъ авторъ такъ приближаетъ къ намъ эту эпоху, что мы, какъ будто, читаемъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ ихъ намѣренія и цѣли, можемъ прослѣдить ихъ дѣйствія отъ момента зарожденія въ душѣ ихъ перваго порыва до полнаго достиженія своихъ завѣтныхъ желаній. Подъ тройнымъ наслоеніемъ всякихъ предразсудковъ, необразованности и невоспитанности, герои Островскаго всетаки не теряютъ окончательно человѣческаго подобія. Авторъ умѣетъ открыть искру Божію въ этихъ непривлекательныхъ фигурахъ. И оттого именно, что онѣ живые люди, а не ходульныя, трагическія фигуры-злодѣи, они представляются жалкими жертвами своего времени, своей среды, бѣдной средствами для умственнаго и нравственнаго развитія. Сила обще-

ственнаго значенія пьесы Островскаго обнаруживается двумя важнѣйшими вліяніями на читателя: во-первыхъ, становится вполнѣ ясно, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка, а наростаютъ на него постепенно — при отсутствіи правильнаго образованія и воспитанія, во вторыхъ, что выведенные въ такихъ комедіяхъ типы вызываютъ состраданіе къ нимъ почти въ такой мѣрѣ, въ какой мѣрѣ зарождается досада и негодованіе на тѣ условія жизни, которыя извращаютъ воспитаніе человѣка и дѣлаютъ его калѣкой въ нравственномъ отношеніи.

Разборъ комедіи „Въ чужомъ пиру похмелье".

Разбираемая комедія состоитъ изъ двухъ дѣйствій и содержаніе въ ней смѣшанное.

Первое дѣйствіе представляетъ сцены изъ жизни бѣднаго старика-учителя, Иванова; второе даетъ семейную картину изъ жизни богатаго купца Тита Титыча Брускова. Учитель Ивановъ, вмѣстѣ съ взрослой дочерью Лизаветой живетъ въ крайней бѣдности, кое-какъ перебиваясь на деньги за преподаваніе древнихъ языковъ, тѣмъ не менѣе не жалуется на свою судьбу. Купецъ Брусковъ живетъ богато, но передъ его грубостью и самоуправствомъ трепещетъ вся семья, не исключая даже и жены его. Больше же всего достается отъ его грубости и невѣжества двумъ сыновьямъ: Андрею и Капитону. Капитонъ даже превратился почти въ идіота, такъ какъ его „съ дѣтства заколотили очень", какъ объясняетъ это Андрей. Другой сынъ— Андрей кое-какъ учится, безъ руководителя, безъ системы, да къ тому-же съ ученіемъ своимъ долженъ прятаться на чердакѣ или въ чуланѣ, лишь бы отецъ не замѣтилъ, а то „бѣда, какъ узнаетъ!" За книгами Андрей ходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ, которая, отъ времени до времени своей ловкостью, добрымъ

словомъ и хорошимъ совѣтомъ оказываетъ на Андрея благотворное воспитательное вліяніе. Знакомство Андрея съ семействомъ Иванова кончается тѣмъ, что молодой купеческій сынокъ незамѣтно даже для себя привязывается къ молодой дѣвушкѣ. Вотъ на этомъ мотивѣ авторъ и построилъ взаимную связь обоихъ дѣйствій комедіи. На этомъ же мотивѣ построено еще одно обстоятельство, само по себѣ комическое, но которое едва не разразилось трагической катастрофой надъ старикомъ Ивановымъ и его дочерью. Дѣло въ томъ, что квартирная хозяйка Иванова, Аграфена Платоновна, очень близко принимаетъ къ сердцу бѣдность и незлобливость старика-учителя и желаетъ, во что бы то ни стало, помочь ему. „Я васъ люблю, вамъ добра желаю,—говоритъ она учителю. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Ксенофонтычъ. Человѣкъ-то ты добрый, да больно ты простъ. Бѣденъ ты ужъ больно. Вотъ и одеженка то“... Сначала она старалась склонить старика, чтобы онъ позволилъ ей посватать богатаго жениха Лизаветѣ Ивановнѣ. Она прямо указываетъ на Андрея Брускова. Предложеніе это принято Ивановымъ очень недружелюбно, особенно, когда хозяйка добавила, что Андрей „влюбленъ до чрезвычайности въ Лизавету Ивановну“. Старикъ даже вскочилъ съ мѣста. „Что? да какъ же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ! Кто ему позволилъ? Это житья нѣтъ. Лиза моя... вѣть-это сокровище, это совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться! Мужикъ! Невѣжа!“ Но хозяйка придумываетъ способъ помочь дѣлу по своему. Чтобы вынудить согласіе старика Брускова на женитьбу его сына на дочери бѣднаго учителя, Аграфена Платоновна искусно заставляетъ Андрея, выдать ей письменное обязательство жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ. Вотъ этотъ-то документъ играетъ большую роль въ комедіи. Въ первомъ дѣйствіи Титъ Титычъ Брусковъ, послѣ очень бурнаго разговора съ Аграфеной Платоновной, выручаетъ у нея эту записку за тысячу рублей: хозяйка же радуется, думая, что жилецъ ея будетъ очень доволенъ, когда она отдастъ ему эти деньги на поправку его дѣлъ. Но въ то время, когда разсерженный Брусковъ надолго усѣлся въ квартирѣ Иванова, чтобы „хоть поругаться-то за свои деньги“, возвращается домой учитель. Онъ не можетъ понять, зачѣмъ у него въ квартирѣ этотъ господинъ; онъ слышитъ его грубыя

рѣчи и оскорбительныя намеки для дочери, а потому выгоняетъ Брускова вонъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Аграфена Платоновна, съ нѣкоторою торжественностью, заявляетъ ему въ чемъ дѣло, и прибавляетъ въ своей простотѣ душевной: „я таки, признаться, сорвала съ него малую-толику. „Жаль, что мало! Все жалѣючи васъ, Ксенофонтычъ, да вашу дочку; глядя на вашу бѣдность, рѣшилась на такое дѣло. Что-жъ, вѣдь тутъ дурного ничего нѣтъ!“ Старикъ отецъ и дочь его поражены этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ хозяйки въ ихъ жизнь. Ивановъ отправляется къ Брускову, чтобы отдать ему деньги и уничтожить обязательство, въ которомъ замѣшано имя его дочери. Такой поступокъ непонятенъ хозяйкѣ и она, въ совершенномъ недоумѣньи, — говоритъ ему вслѣдъ: „вотъ хлопочи для людей, старайся, сама же виновата останешься. Кто же васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе!“ По поводу той-же записки во второмъ дѣйствіи разражается новая буря. Титъ Титычъ Брусковъ не можетъ оставить безнаказаннымъ то обстоятельство, что его „впервой отъ роду“ не уважили и еще выгнали. Онъ прибѣгаетъ къ помощи стряпчаго и приказываетъ ему сочинить такую жалобу, чтобы учителя-латиниста, дочь его и хозяйку ихъ сослать въ Сибирь. „Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь“, говоритъ онъ стряпчему. Сыну же Андрею отецъ приказываетъ готовиться немедленно ѣхать съ нимъ къ той самой невѣстѣ, о которой Андрей съ такимъ ужасомъ разсказывалъ Лизаветѣ Ивановнѣ. Однако конецъ этого дѣйствія—противъ ожиданія Тита Титыча—выходитъ совсѣмъ иной. Къ Брусковымъ приходитъ Ивановъ, возвращаетъ тысячу рублей, требуетъ обязательство, уничтожаетъ его и съ проклятіемъ убѣгаетъ изъ дома Брускова. Такой поступокъ поражаетъ Тита Титыча. Въ душѣ его происходитъ внезапный даже, пожалуй, слишкомъ рѣзкій переворотъ. Титъ Титычъ вскакиваетъ со стула, ударяетъ кулакомъ по столу, называетъ деньги „тлѣномъ, металломъ звенящимъ“ и чуть не гонитъ Андрея—просить, кланяться, молить Иванова, чтобы онъ отдалъ за него свою дочку, заботы же о ея приданомъ беретъ на себя.

Въ комедіи „Въ чужомъ пиру похмелье“ главнымъ и самымъ интереснымъ типомъ является Титъ Титычъ Брусковъ, въ которомъ нѣсколько развивается уже извѣстный намъ типъ

купца-самодура, выведенный въ лицѣ Большова („Свои люди—сочтемся"). Въ этой же комедіи, кстати сказать, Островскій, устами квартирной хозяйки Иванова, даетъ слѣдующее опредѣленіе самодура: „самодуръ—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ; ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежатъ, а то-бѣда..." Въ купцѣ Титѣ Титовичѣ Брусковѣ слились самыя яркія черты самодурства: и грубость, и отсутствіе честности, и нравственное ничтожество, и неумѣлые порывы великодушія, и наконецъ, поверхъ всего этого непроходимая глупость—невѣжество. Эта глупость особенно рѣзко проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда самодуру приходится столкнуться съ человѣкомъ образованнымъ, честнымъ и рѣшительнымъ, какъ напримѣръ, Ивановъ. Въ убѣжденіяхъ и правилахъ такого человѣка самодуръ видитъ исключительно только строптивость и сумасшествіе. Титъ Титычъ—это самодуръ вполнѣ откровенный и безцеремонный. Рѣчь его переполнена выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „Молчать: кто смѣетъ со мной разговаривать! Мое слово—законъ. Настя, кто я? Настасья, смѣетъ кто меня обидѣть?, на что жена простосердечно отвѣчаетъ: „никто, батюшка, Титъ Титычъ, не смѣетъ обидѣть. Вы сами всякого обидите". Тѣмъ неожиданнѣе развязка комедіи, когда съ Брусковымъ дѣлается нравственное превращеніе въ родѣ того, какъ съ Гордѣемъ Торцовымъ. Не даромъ недостатокъ этотъ встрѣчается почти во всѣхъ комедіяхъ Островскаго. Авторъ даетъ почувствовать зрителю, что самодуры его комедіи — люди отъ природы не дурные, что они не злодѣи, а просто люди темные, безъ умственнаго развитія и нравственнаго воспитанія и что этотъ типъ исчезнетъ только тогда, когда правильное просвѣщеніе распространится какъ въ купеческой средѣ, такъ и во всемъ русскомъ обществѣ, когда лучи солнца понемногу разсѣютъ мракъ темнаго царства.

„Бѣдность не—порокъ“.

Общія замѣчанія. Въ началѣ своей литературной дѣятельности Островскій особенно тѣсно сошелся съ кружкомъ молодыхъ писателей, группировавшихся вокругъ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина“. Этотъ кружокъ по своимъ основнымъ взглядамъ примыкалъ къ славянофиламъ, и подобно имъ, отрицательно относился къ пассивному усвоенію западно-европейской культуры; своихъ идеаловъ члены этого кружка искали въ міросозерцаніи народной массы, считая, что главное зло новой русской жизни заключается въ оторванности образованнаго общества отъ народной „почвы“. Взгляды, господствовашія въ кругу „молодой редакціи Москвитянина“, несомнѣнно оказали сильное вліяніе на Островскаго и отразились въ его творчествѣ, какъ напримѣръ, въ комедіи „Бѣдность не порокъ“, проникнутой явной любовью къ „старинѣ“, къ русскимъ народнымъ обычаямъ, обрядамъ, пѣснямъ, ко всему складу старой русской жизни.

Содержаніе комедіи.

Дѣйствіе первое происходитъ въ небольшой приказчичьей конторѣ. Митя, приказчикъ Торцова, спрашиваетъ мальчика Егорушку, дома ли хозяева и узнаетъ, что всѣ уѣхали кататься. Дома остался одинъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ—„только такой сердитый, что бѣда“, „все ругается“ на Любима Карпыча. Дѣло въ томъ, что на второй день праздника Любимъ Карпычъ обѣдалъ у брата, захмелѣлъ и началъ „разныя колѣна выкидывать“. Видя это, Егорушка, какъ самый смѣшливый, не выдержалъ и началъ хохотать, а за нимъ и всѣ. Гордѣй Карпычъ „принялъ это себѣ за обиду да за невѣжество, осерчалъ на него да и прогналъ“. Любимъ въ отместку ему пошелъ да съ нищими сталъ у собора. Послѣднее Гордѣй счелъ за величайшій срамъ для себя и теперь сердится но всѣхъ безъ разбору кто подъ руку подвернется. Митя видитъ въ окно, какъ домой вернулось съ прогулки семейство Торцова съ го-

стями, а Егорушка убѣгаетъ на верхъ. Митѣ очевидно не по себѣ; ему, скучно, такъ какъ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ пробуетъ приняться за работу, но дѣло не клеится — мысли молодого человѣка витаютъ гдѣ-то далеко. Въ это время заходитъ Пелагея Егоровна, жена Торцова, и приглашаетъ Митю вечеркомъ поиграть съ гостями-дѣвушками, пѣсенокъ попѣть. Пелагея говоритъ Митѣ, что имъ будетъ весело, такъ какъ Гордѣй уѣдетъ къ Африкану Саввичу Коршунову, человѣку буйному, съ которымъ послѣднее время сдружился ея мужъ. Далѣе она разсказываетъ, что Гордѣй радъ знакомству съ Коршуновымъ, старается во всемъ ему подражать; Пелагеѣ же очень непріятно, что мужъ ея теперь стремится къ новшествамъ и презрительно относится ко всему родному, которое ей мило и дорого. Далѣе она передаетъ, что и дочь Любу надобно пристроить, а Торцовъ все твердитъ: нѣтъ ей ровни, а она, какъ мать, не смѣетъ дѣлать какія-либо замѣчанія по этому поводу. Между тѣмъ входитъ Гуслинъ, племянникъ Торцова, и его тоже хозяйка приглашаетъ къ себѣ на вечеръ. Гуслинъ удивляется, почему Мити не было на катаньѣ, тѣмъ болѣе, что тамъ была семья Торцовыхъ. Митя же говоритъ о своей тоскѣ и оказывается, что его мать, которой онъ матеріально помогаетъ, живетъ въ бѣдности, и онъ самъ страдаетъ нравственно отъ Гордѣя Карпыча, который упрекаетъ его въ бѣдности, а жалованья не прибавляетъ. Онъ поискалъ бы другого мѣста, да безъ знакомства трудно найти. Когда же Гуслинъ указываетъ на Расплюевыхъ, Митя сознается, что готовъ все терпѣть отъ Торцова, а не уйдетъ, такъ какъ „больно ему полюбилась Любовь Гордѣевна“. Убѣжденный, что изъ этого ничего не выйдетъ, Гуслинъ совѣтуетъ Митѣ не мечтать о Любочкѣ, а выбросить изъ головы мысль объ этой женитьбѣ. Затѣмъ приходитъ Расплюевъ, сынъ богатаго купца, наигрываетъ на гармоніи и приплясываетъ. Гуслинъ проситъ его прекратить игру, но Расплюевъ гордо отвѣчаетъ, что прекратитъ игру когда пожелаетъ, и при этомъ хвастается своимъ богатствомъ. Кстати Расплюевъ сообщаетъ, что на праздникахъ будетъ гулять, такъ какъ скоро женится.

Молодые люди начинаютъ всѣ вмѣстѣ пѣть, когда внезапно входитъ Гордѣй Карпычъ. Онъ грубо приказываетъ не

„горланить, точно мужичье“ и „чтобы этого не было впередъ“. Видя тетрадь Мити, хозяинъ спрашиваетъ приказчика, что это такое, и Митя разсказываетъ, что по праздникамъ стихотворенія „господина Кольцова переписываетъ“ для пополненія пробѣловъ своего образованія. Гордѣй же Карпычъ совѣтуетъ ему лучше сшить себѣ новый сюртукъ:

„Вѣдь къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! А ужъ коли не умѣешь надъ собою приличья наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ“.

Передъ уходомъ Торцовъ считаетъ нужнымъ раскритиковать и Расплюева: „Отецъ-то, чай, деньги лопатой загребаетъ, а тебя въ этакомъ зипунишкѣ водитъ“. Это замѣчаніе убѣждаетъ Расплюева, что отъ жизни въ домѣ Торцова „запьешь, право, запьешь!“ Тѣмъ временемъ входитъ Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна съ подругами, причемъ изъ разговора дѣлается яснымъ, что женитьба Гуслина на Аннѣ Ивановнѣ можетъ состояться только тогда, когда отъ Торцова „разрѣшеніе выйдетъ“. Молодые люди уходятъ на верхъ и шутя оставляютъ Мишу съ Любовью Гордѣевной однихъ. Митя, пользуется свободной минутой и преподноситъ дѣвушкѣ свое стихотвореніе, Любовь же Гордѣевна, со своей стороны, пишетъ ему записку при условіи, чтобы онъ не смотрѣлъ, какъ она будетъ писать и прочтетъ ее только тогда, когда она уйдетъ. Является Любимъ Торцовъ и проситъ Митю пріютить его, такъ какъ братъ его выгналъ изъ дому. Любимъ разсказываетъ Митѣ, какъ онъ разорился. Послѣ смерти отца раздѣлились они съ братомъ: братъ взялъ заведеніе, а Любимъ получилъ деньгами, билетами, да векселями. Почувствовавъ свободу, Любимъ прежде всего отправился въ Москву „по билетамъ деньги получать“, но попалъ въ плохую компанію и быстро прокутилъ ихъ. Остатки своего состоянія Любимъ повѣрилъ Африкану Коршунову на честное слово, а онъ надулъ, „вывелъ на свѣжую воду“. Быстро прожилъ Любимъ остатокъ своихъ денегъ. Бывшему богачу пришлось узнать бѣду; воровать онъ не рѣшался, а ѣсть хотѣлось и вотъ поневолѣ пришлось просить милостыню, но тутъ онъ захворалъ и попалъ въ больницу. Болѣзнь отрезвляюще подѣйствовала на Любима — онъ рѣшилъ начать новую жизнь, для чего слезно умолялъ брата Гордѣя поддер-

жать его, но послѣдній рѣшительно отказалъ. Митя охотно принимаетъ бѣднаго Любима на ночлегъ. Когда Любимъ заснулъ, Митя съ трепетомъ развернулъ записку Любы и прочелъ: „И я тебя люблю. Любовь Торцова“.

Дѣйствіе второе происходитъ въ гостиной дома Торцова. Любовь Гордѣевна съ Анной Ивановной поджидаютъ гостей. Тутъ, между прочимъ, Любовь Гордѣевна сознается подругѣ въ своей любви къ Митѣ. Слыша шаги послѣдняго, Анна Ивановна уходитъ, давая этимъ возможность молодымъ людямъ объясниться. Митя спрашиваетъ Любочку, какъ понимать ея записку. Вѣдь положеніе его въ домѣ Торцовыхъ и такъ тяжело, Гордѣй Карпычъ относится къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ, а потому, если и она будетъ надъ нимъ насмѣхаться, то ему и жить не стоитъ. Любовь Гордѣевна старается его успокоить, говоря, что она „въ правду писала, а не въ шутку“. Любовь Гордѣевна совѣтуется съ Митей, какъ ей поступить, если ее просватаютъ за кого-нибудь другого. Молодой человѣкъ предлагаетъ на слѣдующій день итти къ отцу „да въ ноги ему...“ „на все ваша воля, а намъ другъ безъ друга не жить“. Между тѣмъ, няня Арина разыскиваетъ Любу и, замѣтивъ Егорушку, просить позвать дѣвушекъ пѣсни пѣть. Пелагея Егоровна отдаетъ приказанія приготовить „гостямъ молодымъ пряничковъ, конфектъ, а которые постарше — мадерки“. Дѣйствительно, скоро комната наполняется гостями, которые пляшутъ, поютъ пѣсни, веселятся и ряженые тѣшатъ гостей. Въ самый разгаръ веселья раздается стукъ, начинается суматоха, всѣ чувствуютъ, что пріѣхалъ „самъ“. Гордѣй Карпычъ появляется съ Коршуновымъ. Хозяину непріятно, что гость засталъ семью, когда она веселится по русскому обычаю, и онъ приказываетъ гнать гостей. Африканъ-же Саввичъ, напротивъ, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы послушать пѣсни. Торцовъ извиняется передъ Коршуновымъ, что у него такъ проводятъ вечера и все сваливаетъ на жену. Какъ радушная хозяйка, Пелагея Егоровна предлагаетъ Коршунову мадеры, но Гордѣй Карпычъ строго приказываетъ подать шампанское, зажечь свѣчи въ гостиной — „такъ совсѣмъ другой эфектъ будетъ“. Присутствіе хозяина распугиваетъ гостей. Коршуновъ любезни-

чаетъ съ Любовью Гордѣевной, а выпивъ вина, проситъ Торцова объявить женѣ о причинѣ своего пріѣзда. Оказывается, что Торцовъ далъ слово Коршунову выдать за него Любочку, а самъ собирается переѣхать поближе къ зятю. Эта новость огорчаетъ Пелагею Егоровну; дочка же проситъ отца пожалѣть ее, бѣдную, не губить ея молодость, не принуждать „противъ сердца замужъ итти за немилаго“. Гордѣй категорически заявляетъ, что онъ „своего слова назадъ не беретъ“. По просьбѣ Коршунова дѣвушки поютъ „свадбишную“, но Любовь проситъ спѣть что-нибудь другое и Арина запѣваетъ „Ты родимая моя матушка“.

Дѣйствіе третье происходитъ въ небольшой комнатѣ въ домѣ Торцова, которая составляетъ родъ кабинета хозяйки. Арина при женщинахъ причитаетъ по поводу выхода замужъ своей воспитанницы „за стараго, толстаго и губастаго“ Коршунова. Въ сосѣдней комнатѣ кончается парадный обѣдъ, входитъ Пелагея Егоровна и приказываетъ убирать со стола, а большой самоваръ подать въ дѣвичью. Оставшись одна, Торцова предается грусти при сознаніи, что Люба не пара Коршунову. Ея мысли прерываетъ Анна Ивановна и Торцова даетъ ей ключи отъ буфета и проситъ разливать гостямъ чай. Между тѣмъ приходитъ Митя поблагодарить Пелагею Егоровну, которая была для него „мѣсто матери“ за ласку и попращаться, такъ какъ онъ навсегда уѣзжаетъ къ своей матери; онъ хочетъ попращаться и съ Любовью Гордѣевной. Торцова разсказываетъ о постигшемъ ихъ горѣ, но Митя отвѣчаетъ, что они сами виноваты, да кстати рисуетъ Коршунова въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. По мнѣнію Мити, за этотъ поступокъ родителямъ придется дать отвѣтъ Богу. Далѣе молодой человѣкъ открываетъ Торцовой, что онъ съ Любовью Гордѣевной любятъ другъ друга и даже хотѣли просить благословенья у Гордѣя Карпыча, но видно, имъ не суждено счастье. Когда приходитъ Любочка, Митя съ ней прощается и по приказанію матери цѣлуется съ нею. Въ порывѣ чувства Митя предлагаетъ увезти Любовь Гордѣевну, но съ этимъ предложеніемъ не соглашается ни Пелагея Егоровна, ни Любочка, такъ какъ безъ отцовскаго благословенія не бывать ихъ счастью.

Молодой человѣкъ уходитъ, оставивъ Любочку въ слезахъ. Коршуновъ, войдя, старается ее успокоить, увѣряя, что она будетъ счастлива, несмотря на его преклонный возрастъ. Этотъ разговоръ прерываетъ Гордѣй Карпычъ. Онъ, очевидно, въ веселомъ расположеніи духа и начинаетъ разсказывать, что онъ за человѣкъ и кстати поучаетъ дочь, какъ ей слѣдуетъ себя вести, чтобы избѣжать осужденія московскаго жениха. Въ это время Егорушка докладываетъ, что къ нимъ пришелъ Любимъ Карпычъ, который гостей разгоняетъ, называетъ себя хозяиномъ дома. Гордѣй Карпычъ идетъ успокоить брата, а въ это время входитъ Любимъ въ веселомъ расположеніи духа и здоровается съ Коршуновымъ. Послѣдній заявляетъ, что помнитъ, какъ Любимъ по городу ходилъ, копѣечки собиралъ. Любимъ не остается въ долгу и при всѣхъ разсказываетъ, какъ его разорилъ Коршуновъ. На шумъ приходитъ Гордѣй съ намѣреніемъ за „безобразія“ выгнать брата, но Любимъ продолжаетъ оскорблять Коршунова, критикуя его нравственную сторону. Коршуновъ обижается и задѣваетъ самолюбіе Гордѣя, говоря, что онъ не намѣренъ жениться на Любочкѣ, и еще Гордѣй Торцовъ придетъ къ нему кланяться, чтобы только дочку взялъ. Гордѣй круто отворачивается отъ недавняго пріятеля, чуть не гонитъ его прочь и внезапно изъ самодура-упрямца превращается въ чадолюбиваго отца и добраго человѣка. Онъ соглашается со словами брата Любима, что бѣдность не порокъ, и даетъ свое благословеніе на бракъ дочери съ Митей и Анны Ивановны съ Гуслинымъ. Рѣшеніе главы дома приводитъ всѣхъ въ восторгъ, каждый вкушаетъ, „что ужъ мы теперь свадьбу-то по душѣ отпируемъ, но душѣ...“

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Гордѣй Карпычъ Торцовъ.

Въ комедіи „Бѣдность—не порокъ“ Островскій далъ въ лицѣ Гордѣя Торцова типъ самодура вообще, а также одной разновидности его—самодура, котораго слегка коснулась цивi-

лизація. Уже раньше мы говорили, что само по себѣ самодурство, основанное на глубокомъ невѣжествѣ, на умственномъ и нравственномъ убожествѣ, исключаетъ всякую возможность сочетанія съ истинной образованностью. Но бываютъ случаи когда самодуръ, прельстившись внѣшними проявленіями образованности, перенимаетъ только ихъ: надѣваетъ модный костюмъ, домъ устраиваетъ на новый ладъ, заводитъ „небель“ и „фицыянтовъ въ нитяныхъ перчаткахъ“, а вмѣсто водокъ и наливокъ начинаетъ напиваться „шампанскимъ“. Въ корнѣ же самодуръ остается все тѣмъ-же грубымъ деспотомъ и неотесаннымъ мужикомъ, какимъ былъ и раньше.

Съ перваго же появленія на сценѣ Гордѣя Торцова и до самаго конца комедіи намъ особенно рельефно бросается въ глаза его беззастѣнчивая грубость въ обращеніи съ людьми, надъ которыми онъ можетъ проявить свою власть. Ни жена, ни дочь, ни родной братъ, ни праказчикъ ни разу не слышатъ отъ Гордѣя ласковаго, добраго слова, и это не потому, чтобы они не заслуживали такого обращенія или провинились въ чемъ либо передъ нимъ. Даже въ критическія минуты жизни, когда рѣшается ихъ будущее, они, за исключеніемъ развѣ Любима, изъ власти хозяина дома не выходятъ; въ обыкновенное же время каждый ихъ шагъ подчиненъ его волѣ. Тѣмъ не менѣе, Торцовъ не доволенъ окружающими и постоянно даетъ чувствовать свое недовольство окружающимъ въ самой тяжелой для нихъ формѣ. Видитъ онъ у своего приказчика Мити книгу стихотвореній Кольцова, казалось бы въ этомъ нѣтъ ничего дурного, тѣмъ болѣе, что во время святокъ работы нѣтъ никакой, но Торцову это не нравится. „А это что ще за глупости?“, грубо спрашиваетъ онъ. Когда же Митя скромно поясняетъ ему, что это онъ „отъ скуки по праздникамъ стихотворенія господина Кольцова переписываетъ“, Гордѣй насмѣшливо замѣчаетъ: „Какія нѣжности при нашей бѣдности!“ Порою даже кажется, что Гордѣю непонятны самыя элементарныя человѣческія чувства, какъ, напримѣръ, сыновняя любовь. На слова Мити, что онъ отсылаетъ жалованье матери, а потому не можетъ тратить много на себя, Гордѣй съ грубостью и какой-то особенной черствостью говоритъ: „Матери посылаешь! Ты себя-то образилъ бы прежде! Матери-то не Богъ знаетъ, что

нужно, не въ роскоши воспитана; чай сама хлѣва затворяла". Однако, не одинъ Митя страдаетъ отъ грубости главы дома. У себя дома, онъ даетъ широкій просторъ своимъ дурнымъ свойствамъ натуры, такъ какъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Подчасъ имъ забывается даже первый русскій обычай— гостепріимство: пріѣхавъ съ пріятелемъ домой, онъ, не стѣсняясь, прогоняетъ ряженныхъ и дѣвушекъ, приглашенныхъ женой. Точно также грубостью и безсердечностью вѣетъ отъ его отношеній къ родному брату, и вотъ что мы узнаемъ изъ разсказа Любима Митѣ. Прокутивъ доставшееся отъ отца наслѣдство и дойдя до нищенства, Любимъ, послѣ тяжелой болѣзни, вдругъ возродился духомъ, захотѣлъ честно трудиться. Со смиреннымъ сердцемъ пришелъ онъ къ брату, упалъ къ ногамъ, покаялся въ своей порочной жизни, прося у него поддержки въ видѣ какой-нибудь работы. „А ты знаешь, какъ меня братъ принялъ?" спрашиваетъ онъ Митю: „Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человѣкъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздять, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь".

Одновременно съ грубостью и сердечной черствостью у Гордѣя Карпыча замѣчается самое дикое самодурство, проявляющееся въ формѣ семейнаго деспотизма. Необузданный произволъ доходитъ до того, что Торцовъ, вопреки обычаю, не посовѣтовавшись даже съ женою, обѣщаетъ дочь въ супруги Коршунову, котораго онъ привозитъ къ себѣ въ домъ, какъ жениха. Свое рѣшеніе онъ передаетъ женѣ и дочери слѣдующимъ образомъ: „Я хочу переѣхать отселева въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человѣкъ, будетъ зятюшка Африканъ Саввичъ". Однимъ словомъ, онъ смотритъ на свое рѣшеніе, какъ на нѣчто окончательное, обязательное для другихъ, несмотря на то, что оно касается въ такой же мѣрѣ жены, а болѣе всего дочери, судьбой которой онъ такъ беззастѣнчиво распоряжается. Въ порывѣ материнскаго чувства Пелагея Егоровна бросается къ дочери къ крикомъ: „Моя дочь! Не отдамъ!", но Торцовъ грозно останавливаетъ ее: „Жена, ты меня знаешь!" и въ то же время успокаиваетъ Коршунова: „у меня сказано-сдѣлано". Любовь Гордѣевна пытается сначала просить

отца не губить ее, но тотъ только грубо замѣчаетъ ей: „Дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло—ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; а другое дѣло — я такъ приказываю“. Несчастная дѣвушка отлично знаетъ, какую силу имѣетъ этотъ послѣдній аргументъ, а потому подчиняется ему и, отвѣсивъ отцу поклонъ, со смиреніемъ говоритъ. „Твоя воля, батюшка!“ Каждому дѣлается яснымъ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится самодурство Гордѣя Карпыча на всю жизнь его семьи, если даже въ такую важную минуту супруга и дочь не могутъ съ нимъ бороться. Переносить этотъ гнетъ тѣмъ тяжелѣе, что весь онъ коренится не на чемъ нибудь разумномъ, а всецѣло вытекаетъ изъ умственной ограниченности и необузданности натуры Гордѣя Карпыча. Полное невѣжество, тупоуміе является вообще характерной чертой самодуровъ, и Гордѣй Карпычъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Любимъ такъ прямо говоритъ, что у него „лобная кость очень толста. Ему, дураку, наука нужна“.

Какъ вообще всѣ ограниченные люди, Гордѣй Торцовъ отличается большимъ самомнѣніемъ и своеобразной гордостью, а это снова является одной изъ типичныхъ чертъ самодурства. Себя онъ считаетъ выше окружающихъ его людей, а потому относится къ нимъ свысока и даже съ презрѣніемъ. Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ его грубость въ обращеніи съ близкими людьми. Особенно ярко выступаетъ его самомнѣніе изъ разговоровъ съ Коршуновымъ въ третьемъ дѣйствіи. Угощая Африкана Саввича, предполагаемато зятя, шампанскимъ, онъ съ какимъ-то самодовольствомъ спрашиваетъ: „Ты мнѣ скажи, что я за человѣкъ? Могутъ меня здѣсь цѣнить?“ Объ этомъ же пренебрежительномъ отношеніи Гордѣя Торцова къ окружающимъ, основанномъ на чрезвычайно высокомъ самомнѣніи, говорятъ и другія лица комедіи. Такъ, жена его Пелагея Егоровна въ разговорѣ съ Митей отмѣчаетъ недовольство мужа окружающей средой. „Мнѣ, говоритъ“, жалуется онъ на мужа, „здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все видишь ты, мужики и живутъ по мужицки“. Любимъ, вспоминая свой разговоръ съ братомъ, приво-

дитъ слѣдующія слова послѣдняго: „По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ... не въ томъ роду родиться.“

Таковы тѣ основныя черты, благодаря которымъ Гордѣй Карпычъ примыкаетъ къ длинному ряду самодуровъ, нарисованныхъ Островскимъ. Въ то-же время онъ является самодуромъ изъ той группы русскаго купечества, которая начинаетъ усваивать вліяніе цивилизаціи. Жилъ, жилъ онъ по отцовскимъ завѣтамъ, не зная никакихъ порядковъ культурной жизни, дожилъ чуть не до 60-ти лѣтъ, не думая объ образованности. Но вотъ онъ „съѣздилъ въ отъѣздъ въ Москву, да и сталъ перенимать новую моду“. Какъ и слѣдовало ожидать перенялъ онъ одну внѣшность цивилизаціи, одинъ лишь показной лоскъ культуры. „Ладитъ одно,—какъ съ сокрушеніемъ разсказываетъ Пелагея Егоровна, — хочу жить по нынѣшнему, модами заниматься“. Желая показать себя образованнымъ предъ будущимъ зятемъ, Гордѣй Карпычъ ему говоритъ: „въ другомъ мѣстѣ за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый, — изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ“. Въ гостиной Гордѣй Карпычъ заводитъ новую „небель“, своего пріятеля Коршунова угощаетъ не мадерой и наливками, а шампанскимъ, да къ тому же приказываетъ подать его полдюжины. Пелагея Егоровна на старости лѣтъ должна, по его требованію, надѣвать чепчикъ; Гордѣй Торцовъ пробираетъ даже приказчика Митю и знакомаго купеческаго сына за то, что тѣ не „подражаютъ модѣ“ и носятъ долгополые кафтаны, а не одѣваются въ сюртуки. Идеаломъ образованнаго человѣка для Гордѣя Карпыча является Африканъ Саввичъ Коршуновъ, для котораго онъ готовъ сдѣлать что-угодно. За внѣшнимъ поверхностнымъ лоскомъ Коршунова, Торцовъ не замѣчаетъ дурныхъ качествъ пріятеля. Пріятель же вліяетъ на него дурно. Особенно грозенъ дѣлается Гордѣй Карпычъ съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ подружился и сталъ перенимать „новую моду“. Она, эта „новая мода“, слышна и въ томъ, что онъ сулитъ дочери, выдавая ее за этого ненавистнаго ей вдов-

ца. По претензіи на образованіе Гордѣй Карпычъ напоминаетъ Липочку Большову (Свои люди — сочтемся). Вѣдь и по отношенію къ ней можно было бы сказать то же, что Добролюбовъ говорилъ про Торцова: „умѣетъ извлечь изъ претензіи на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи Торцовъ отчасти напоминаетъ нашихъ баръ XVIII в., которые, одѣвшись во французскій кафтанъ, сочли себя имѣющими тѣмъ болѣе правъ выжимать сокъ изъ „подлаго народа“.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что при всей своей грубости, жестокосердіи, необузданномъ самодурствѣ, Гордѣй Карпычъ можетъ растрогаться и, подъ наплывомъ добрыхъ чувствъ, сдѣлать хорошее дѣло. Такъ, уступая просьбамъ брата, жены и дочери, онъ соглашается на бракъ послѣдней съ Митей. Все таки здѣсь слѣдуетъ оговориться. Какъ всѣ самодуры, Гордѣй Карпычъ, не только ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще трусливъ, молодушенъ и характера выдержать не въ силахъ. Пока можно, онъ храбрится и запугиваетъ, но если встрѣтитъ рѣшительное сопротивленіе, то теряется и уступаетъ. Но и въ этомъ случаѣ стоитъ только задѣть его больное мѣсто, его щепетильное самодурство, и онъ опять задуритъ. Такъ, собственно говоря, и случилось съ Гордѣемъ Карпычемъ. Коршуновъ уязвилъ его словами: „Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобы я дочь-то твою взялъ“. Этого было довольно. „Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу. Я отродясь никому не кланялся. За кого вздумается, за того и отдамъ; вотъ—за Митьку отдамъ!” Послѣднія слова Гордѣя Карпыча очень напоминаютъ взглядъ Большова („Свои люди“): „мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю, т. е., крѣпко держится правила: „моему нраву не препятствуй“.

Любимъ Торцовъ.

Въ своей комедіи „Бѣдность — не порокъ“ Островскій вывелъ очень любопытный типъ, который вызвалъ различныя, подчасъ противоположныя, мнѣнія современниковъ. Это

знаменитый Любимъ Торцовъ, которымъ восхищались славянофилы и котораго высмѣивали западники. Любимъ — безпутный человѣкъ, но онъ самъ больше всѣхъ чувствовалъ свое безпутство и вотъ этимъ-то такъ рѣзко отличается отъ Африкана Саввича, который когда-то точно такъ-же кутилъ, но которому помогло то, что онъ надуть умѣлъ и на мошенничествѣ соорудилъ себѣ спасительную пристань, чтобы зажить въ роскоши и богатствѣ.

Одаренный онъ природы пылкимъ темпераментомъ, Любимъ при жизни отца, въ домѣ котораго, вѣроятно, царило самодурство, поневолѣ доженъ былъ сдерживать себя... Между тѣмъ, чѣмъ сильнѣе была придавленность, тѣмъ мугущественнѣе должна была пробуждаться въ немъ неудержимая потребность къ „вольной волюшкѣ". Оно такъ и случилось. „Остался я послѣ отца, видишь ты малъ-малъ-маленокъ, съ коломенскую версту, лѣтъ дватцати несмышленочекъ", разсказываетъ о себѣ Любимъ Митѣ. „Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ".

„Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, до билетами, да векселями. Ну, ужъ какъ онъ тамъ раздѣлилъ — не наше дѣло, Богъ ему судья". Любимъ знаетъ, что братъ его надулъ, что дѣлежъ совершенъ неправильно, однако жажда новыхъ впечатлѣній, упоеніе свободой тахъ велики, что онъ не обращаетъ на это никакого вниманія и, какъ можно скорѣе ѣдетъ въ Москву „людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тону набраться". Долго сдерживаемая русская натура развернулась, но неудачно: Любимъ началъ опускаться до самыхъ подонковъ общества, но и „на днѣ" сохранилъ нѣкоторыя возвышенныя начала своего духа. „То-есть такого дурака разыгрываю, разсказываетъ онъ объ этой порѣ,—что на рѣдкость. Первое дѣло, одѣлся франтомъ—знай, дескать, нашихъ! Сейчасъ разумѣется, по трактирамъ... Шпиленъ-зи полька, дайте еще бутылочку похолоднѣе. Пріятелей, друзей завелось хоть прудъ пруди! По театрамъ ѣздилъ... Все трагедію ходилъ смотрѣть: очень любилъ, только не видѣлъ ничего путемъ и не помню ничего, потому что больше все пьяный". „Такимъ-то побытомъ,—доходитъ до развязки Любимъ,—денежки всѣ я ухнулъ". Дѣло дошло до того, что

хоть петлю на шею—„продалъ платье, всѣ модныя штуки, взялъ бумажки, размѣнялъ на серебро, серебро на мѣдныя“, а далѣе—полная нищета и позоръ. Не сдѣлавшись воромъ, сдѣлался бѣдняга-Любимъ скоморохомъ. „Какъ пріѣдетъ, — говоритъ онъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣнце, ну дастъ, кто пятачекъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дышешь день-то, тѣмъ и существуешь“. Но тяжелая, полная лишеній жизнь, въ концѣ концовъ отрезвила Любима. Дѣло въ томъ, что, простудившись зимою, онъ попалъ въ больницу и тутъ сталъ приходить въ себя. „Страхъ на меня напалъ,—говоритъ онъ Митѣ, — ужасть на меня нашла. Какъ я жилъ? Что я за дѣла дѣлалъ? Сталъ я тосковать, что кажется, умереть лучше“. Такимъ образомъ произошло духовное возрожденіе Любима Карпыча. Честной трудовой жизнью хочетъ этотъ человѣкъ загладить грѣхи прошлаго, но не найдя поддержки въ родномъ братѣ, грубо оттолкнувшемъ его, не въ силахъ самостоятельно выбиться на желанную дорогу. Однако оставаясь босякомъ, Любимъ Карпычъ сумѣлъ сохранить въ себѣ лучшія качества души: любовь къ правдѣ, чуство благодарности, участіе къ чужому горю, уваженіе къ труду. Хотя Любимъ сильно поломанъ жизнью, но, разъ дѣло идетъ о судьбѣ дорогихъ ему лицъ, онъ настойчивъ и энергиченъ. Такъ, подъ его паясничествомъ и глумленіемъ надъ Коршуновымъ въ послѣднемъ дѣйствіи проглядываетъ тонкій расчетъ, который доказываетъ его умъ. Съ одной стороны ему хочется изобличить Коршунова, а съ другой,—задѣвъ его за живое, заставить отказаться отъ невѣсты. Дѣйствительно, то и другое удается. Въ то же время Любимъ нашелъ дорогу къ мало дуступному гуманнымъ чувствамъ сердцу своего брата, котораго своей горячей, захватывающей душу рѣчью заставилъ хоть временно стать человѣкомъ. „Человѣкъ ты или звѣрь?“, спрашиваетъ онъ, становясь передъ нимъ на колѣни. „Пожалѣй ты и Любима Торцова! Братъ, отдай Любушку за Митю—онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то, да честно пожить. Вѣдь я народъ обманывалъ, просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ: у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда-то я воз-

благодарю Бога. Братъ! И моя слеза до неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣдепъ былъ, я бы человѣкомъ былъ. Бѣдность—не порокъ". Даже черствый Гордѣй Карпычъ прослезился отъ этой горячей мольбы, даже на него подѣйствовало искреннее благородное слово брата.

Итакъ, Любимъ Торцовъ, опустившійся въ самые низкіе слои общества, отъ котораго отвернулось свое сословіе и даже родной братъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ отличается большой нравственной силой и стоитъ гораздо выше Гордѣя Торцова. Онъ—жертва того строя жизни, откуда взятъ самъ сюжетъ для разбираемой комедіи, строя, который не даетъ мѣста страстнымъ, широкимъ и даровитымъ натурамъ, неспособнымъ обезличиться или превратиться въ угнетателя. Рисуя въ лицѣ Любима Торцова одну изъ жертвъ патріархальной купеческой среды, Островскій первый въ нашей литературѣ изобразилъ въ немъ типъ русскаго босяка, пропойцы, въ той разновидности, которая наиболѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе и вызываетъ сочувствіе.

Пелагея Егоровна Торцова.

Пелагея Егоровна можетъ служить примѣромъ того, какъ дѣйствуетъ самодурство на тѣхъ, кто обреченъ на полное ему подчиненіе. Она надѣлена отъ природы здравымъ смысломъ и отлично понимаетъ всю нелѣпость желаній мужа жить по новому. „Такъ таки разсудку не имѣть!" разсказываетъ она про мужа Митѣ.—„Ну, еще кабы молоденькій, а то подъ шестьдесятъ!" Вполнѣ враждебно относится она къ погонѣ мужа за внѣшнимъ лоскомъ европейскаго просвѣщенія еще и потому, что отъ всего сердца любитъ родные русскіе обычаи и весь старинный складъ жизни. „Я, матушка", повѣствуетъ она, „люблю по старинному, по старому... да по нашему, по русскому! Да... да чтобъ потчевать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли..." „Модное-то наше да нынѣшнее,—говоритъ она мужу,—каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣе насъ были". И она съ удовольствіемъ слушаетъ святочныя пѣсни, потѣшается надъ ряженными, отъ души радуется праздничному веселью молодежи. Въ

противовѣсъ мужу Пелагея Егоровна относится къ постороннимъ лицамъ просто и деликатно. Въ обращеніи съ Митей, Егорушкой, подругами дочери она ласкова и сердечна. Дочь же свою, Любовь Гордѣевну, она любитъ съ большой нѣжностью и желаетъ ей въ мужья того, кого она полюбитъ. Узнавъ о томъ, что Любочка неравнодушна къ Митѣ, Пелагея Егоровна, готова выдать за него дочь, несмотря на то, что онъ бѣденъ и всего лишь приказчикъ. Итакъ, всѣ чувства и мысли Пелагеи Егоровны идутъ въ разрѣзъ съ образомъ дѣйствій и настроеніемъ мужа. Однако слѣдуетъ замѣтить, что, хотя его поведеніе постоянно оскорбляетъ самыя святыя ея чувства, она безпрекословно подчиняется ему, выливая свою наболѣвшую душу въ безплодныхъ жалобахъ, вздохахъ и охахъ. Гнетъ самодурства, подъ которымъ она прожила весь свой вѣкъ, до того убилъ ея волю и энергію, что она безсильна что-либо сдѣлать даже тогда, когда дѣло идетъ о томъ, что, дороже ей всего на свѣтѣ, о судьбѣ, вѣрнѣе гибели родной, горячо любимой дочери. Чуткимъ материнскимъ сердцемъ она предугадываетъ, что ея дочери грозитъ бѣда, что отецъ задумалъ что-то недоброе по отношенію къ дочери: „смотритъ звѣремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать“. Однако Пелагея Егоровна не рѣшается спросить мужа объ интересующемъ ее дѣлѣ. Въ концѣ концовъ, это томительное ожиданіе печально разрѣшается и объявленіе Гордѣя Карпыча о томъ, что онъ выдаетъ дочь за Коршунова поражаетъ, какъ ударъ грома. Въ порывѣ безпредѣльной материнской любви, понимая, что жизнь дочери съ этимъ человѣкомъ будетъ разбита, Пелагея Егоровна въ отчаяніи, бросается къ ней: „Моя дочь! не отдамъ!“ Но когда Гордѣй Карпычъ напоминаетъ ей о своей волѣ словами: „Жена! Ты меня знаешь!“, весь подъемъ пропадаетъ и несчастная женщина не находитъ въ себѣ никакой энергіи, чтобы отстоять дочь. Свое безпредѣльное горе она изливаетъ въ слезахъ и сѣтованіяхъ: „Охъ, не моя воля,—скорбитъ она,—кабы моя воля была, нешто-бъ я отдала!... Глаза-то всѣ проглядѣла, на нее глядючи! Хоть бы теперь-то наглядѣться на нее про запасъ. Точно я ее хоронить собираюсь!... Что-жъ я! Вотъ поплакать наше дѣло”. Пелагея Егоровна до того угнетена не знающимъ границъ самодурствомъ мужа, что не въ состояніи сох-

ранить за собою даже тѣ немногія права, какія, согласно исконному русскому обычаю, принадлежатъ ей по праву, какъ матери, въ рѣшеніи вопроса о замужествѣ дочери. Грустью вѣетъ отъ образа этой несчастной матери, понимающей свою полную безпомощность.

Любовь Гордѣевна и Митя надѣлены самыми симпатичными нравственными качествами. Молодые люди горячо любятъ другъ друга и находятъ поддержку своему чувству у Пелагеи Егоровны. Кромѣ того Митя представляетъ собою вполнѣ самоотверженную натуру, которая способна на жертвы ради блага другого. Свое небольшое жалованье отсылаетъ онъ матери, а самъ терпитъ нужду, рискуя попасть подъ гнѣвъ Гордѣя Карпыча, даетъ у себя пріютъ его несчастному, безпутному брату, а иногда снабжаетъ его деньгами. Между тѣмъ оба они не чувствуютъ въ себѣ никакой силы завоевать свое счастье; они, какъ дѣти, боятся самостоятельно сдѣлать шагъ. „А ну, какъ тятенька не захочетъ нашего счастья, что тогда?“, съ безпокойствомъ спрашиваетъ Любовь Гордѣевна Митю, послѣ объясненія. Молодой человѣкъ не берется разрѣшить роковой вопросъ и отдѣлывается „жалкими“ словами: „Что загадывать впередъ? Тамъ какъ Богъ дастъ!“ Дальнѣйшій ходъ событій ясно доказываетъ ихъ безпомощность въ борбѣ съ деспотическимъ самодурствомъ Гордѣя Карпыча. Такъ, послѣдній привозитъ къ себѣ въ домъ Коршунова и объявляетъ его женихомъ дочери, а у той, не смотря на то, что разбиваются всѣ ея мечты о счастьи, едва хватаетъ силъ сказать: „Тятенька! Я изъ твоей воли ни на шагъ не выйду“. Весь протестъ ея выражается въ томъ, что она бросается къ ногамъ отца и умоляетъ его: „не захоти моего несчастья на всю жизнь!... Передумай, тятенька! Что хочешь—меня заставь дѣлать, только не принуждай ты меня противъ сердца за мужа итти, за немилаго!“ На окрикъ же отца о неизмѣнности рѣшенія, она покорно говоритъ: „Твоя воля, батюшка!“ кланяется и отходитъ къ матери. На этомъ и оканчивается попытка отстоятъ свою личность, а вѣдь она горячо любитъ Митю и хорошо знаетъ, что ожидаетъ ее въ замужествѣ съ Коршуновымъ, который изъ ревности въ гробъ загналъ свою первую жену. Митя, повидимому,

нѣсколько больше ея проявляетъ энергіи въ борьбѣ за свое счастье, гдѣ онъ играетъ пассивную роль. Онъ не въ силахъ видѣть несчастье любимой дѣвушки и покидаетъ домъ хозяина. Правда, въ минуту разлуки онъ говоритъ Пелагеѣ Егоровнѣ: „Соберите-ка вы ее (Любовь Гордѣевну) да одѣньте потеплѣе... Посажу я ее въ саночки—самокаточки, да и былъ таковъ! Не видать ее тогда старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ заодно ужъ погибать! Увезу ее къ матушкѣ, да и повѣнчаемся! Эхъ! Дайте душѣ просторъ—разгуляться хочется!“ Но все это не болѣе, какъ минутный подъемъ духа, на который способны даже самые бозвольные люди. Однако у него не хватаетъ воли настоять на своемъ рѣшеніи и, слыша возраженія, онъ самъ себя успокаиваетъ: „Ну, знать не судьба!“ И если-бы не счастливое стеченіе обстоятельствъ, благодаря которымъ такъ удачно устраивается судьба молодыхъ людей, жизнь ихъ, особенно Любови Гордѣевны, была-бы разбита навѣки, такъ какъ сами они ничего не въ состояніи предпринять, не приспособлены къ борьбѣ за существованіе. Вся ихъ сила воли, энергія, самобытность совершенно подавлены властью самодуровъ „темнаго царства”.

Національныя черты въ пьесѣ Островскаго „Бѣдность — не порокъ“.

Комедія „Бѣдность—не порокъ“ является однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній Островскаго, въ которомъ особенно рельефно выразилась характернѣйшая особенность его творчества—національность. Вся обстановка, въ которой разыгрывается дѣйствіе комедіи, носитъ отпечатокъ стародавней русской жизни. Здѣсь мы наталкиваемся на ряженныхъ, на подблюдныя пѣсни и гаданія. Отношенія между членами семьи и домочадцами согласуются съ требованіями „Домостроя“. Главными героями комедіи являются Митя и Люба, и вокругъ нихъ, въ особенности Любы, вращается все дѣйствіе комедіи. Съ перваго взгляда, брошеннаго на Любовь Гордѣевну, можно сразу опредѣлить все ея внутреннее содержаніе. Типичная русская дѣвушка, безыскусственная и малообразованная — она даже пишетъ съ трудомъ, — тѣмъ не менѣе проявляющая много

духовной силы и чувства долга. Она умѣетъ сильно любить, и всѣ блага міра, которыя ей предлагаетъ Африканъ Саввичъ, отвергаетъ изъ-за любви къ бѣдному и забитому Митѣ. Но при всей своей любви къ нему она съ негодованіемъ отвертаетъ его предложеніе бѣжать изъ родительскаго дома для того, чтобы обвѣнчаться тайно, и при ея нелюбви къ Коршунову, она все-таки не прекословитъ волѣ отца и рѣшается, заглушивъ тоску, выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, исполняя волю отца. Такъ подчиняться долгу и нести тяжелое бремя его можетъ только русская женщина! Отецъ ея, Гордѣй Карпычъ, проявляетъ русскую черту, къ сожалѣнію, отрицательнаго свойства—самодурство. Увлекшись веселой жизнью на европейскій ладъ, понятно, только по внѣшности, онъ сначала рѣшается выдать свою дочь за недостойнаго человѣка Африкана Саввича, противъ ея воли, потомъ также необдуманно, подъ вліяніемъ минуты выдаетъ за Митю. Однимъ словомъ, отецъ семейства является царемъ — деспотомъ въ своемъ маленькомъ царствѣ. Всѣ домашніе находятся у него въ полномъ подчиненіи и, что замѣчательно, считаютъ такое подневольное положеніе вполнѣ естественнымъ, согласнымъ съ законами Божескими и человѣческими. Далѣе, центромъ дѣйствія является русская купеческая семья, гдѣ русская старина свила себѣ прочное гнѣздо, гдѣ всѣ русскіе обычаи еще живы и удерживаются подъ напоромъ чужихъ вѣяній. Относительно разбираемой комедіи можно сказать: „въ ней русскій духъ, въ ней Русью пахнетъ".

Національный элементъ разбираемой комедіи заключается также и во внѣшней ея сторонѣ. Въ этой пьесѣ мы встрѣчаемся съ пѣснями, носящими на себѣ чисто-русскую физіономію. Такъ, напримѣръ:

„Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, не былинка —
Вянетъ, сохнетъ добрый молодецъ-дѣтинка".

Кромѣ пѣсенъ пьеса изобилуетъ различными русскими прибаутками, пословицами и типичными выраженіями въ родѣ: „Какія нѣжности при нашей бѣдности", „Милости прошу къ нашему шалашу", „Не давай повадки, чтобы не было оглядки", и т. п.

Въ комедіи „Бѣдность—не порокъ", Островскій близко сто-

итъ къ русской жизни и изъ самой глубины ея беретъ свой сюжетъ. Героевъ онъ надѣляетъ тѣми чертами, которыми въ такой сильной степени характеризуются русскіе люди. Русскій театръ съ появленіемъ Островскаго потерпѣлъ рѣзкое измѣненіе, такъ какъ лишь со времени знаменитаго драматурга онъ получилъ обликъ національнаго театра. Островскій внесъ въ русскую литературу и въ русскій театръ тотъ необходимый элементъ національнаго творчества, безъ котораго самое наименованіе „національное“ не можетъ быть къ нимъ приложено.

Драма „Гроза“.

Общія замѣчанія.

Послѣ окончанія Крымской кампаніи и восшествіи па престолъ императора Александра II, русское общество начало понемногу пробуждаться отъ долгаго тяжелаго сна. Началась серьезная подготовка къ кореннымъ реформамъ всего строя Россіи. Великій князь Константинъ Николаевичъ, одинъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ реформъ, пожелалъ подробно узнать внутреннее состояніе Россіи и для изученія ея быта призвалъ лучшихъ современныхъ писателей, въ число которыхъ попалъ и Островскій. Драматургъ, какъ извѣстно, отправился для изслѣдованій верховій Волги. Это путешествіе принесло огромную пользу художественному таланту Островскаго. Здѣсь онъ увидѣлъ одну изъ наиболѣе самобытныхъ историческихъ мѣстностей Россіи — съ старинными нравами и обычаями, съ своеобразнымъ прадѣдовскимъ языкомъ. Его поражала безпросвѣтная, захолустная жизнь въ срединѣ Россіи. Близкое же знакомство Островскаго съ бытомъ и нравами провинціальныхъ городковъ вылилось въ драмѣ „Гроза“, написанной въ 1860 году. Это поистинѣ chef d'oeuvre творчества Островскаго, пьеса, которая одна могла бы доставить неувядаемую славу драматургу. Эта драма получила самые лучшіе отзывы славянофиловъ (критика Григорьева), западниковъ (Добролюбова) и удостоилась высшаго одобренія офиціальной критики; Академія

Наукъ присудила Островскому Уваровскую премію. Гончаровъ, по поводу „Грозы“, писалъ секретарю Академіи слѣдующее: „Не опасаясь обвиненія въ преувеличеніи, могу сказать по совѣсти, что подобнаго произведенія, какъ драма „Гроза“, въ нашей литературѣ не было. Она занимаетъ и, вѣроятно, долго будетъ занимать первое мѣсто по своимъ классическимъ красотамъ. Авторъ далъ цѣлый, разнообразный міръ живыхъ, существующихъ на каждомъ шагу личностей“.

Содержаніе драмы.

Дѣйствіе первое происходитъ въ общественномъ саду на высокомъ берегу Волги. Въ саду находятся: Кулигинъ, часовщикъ—самоучка, Кудряшъ и Шапкинъ. Кулигинъ, обозрѣвая чудную окрестность, замѣчаетъ издали купца Дикого, который, сильно жестикулируя, ругаетъ своего племянника. Грубость купца, очевидно, всѣмъ надоѣла и Кудряшъ предлагаетъ его „постращать“, т. е. гдѣ-нибудь въ переулкѣ избить; однако, видя приближеніе Дикого, молодые люди предпочитаютъ уйти, чтобы онъ къ нимъ не привязался. Дикой же не стѣсняясь, пробираетъ своего племянника Бориса и, уходя отъ него, даже плюетъ.

Кулигинъ не понимаетъ, почему Борисъ такъ терпѣливо переноситъ притѣсненія дяди; они же вытекаютъ изъ семейнаго и имущественнаго положенія Бориса. Отецъ молодого человѣка женился „на благородной“ и за это бабушка не взлюбила ихъ. Супруги жили въ Москвѣ и дали Борису и его сестрѣ хорошее воспитаніе. Между тѣмъ родители Бориса умерли, вскорѣ скончалась и бабушка. Послѣдняя оставила завѣщаніе, по которому дядя имѣетъ выплатить сиротамъ ихъ часть, но при условіи полной къ нему почтительности. Лично Борисъ давно бы бросилъ дядю, но ему жалко сестру, которая временно живетъ у „матушкиныхъ родныхъ“. Дикой же приказалъ племяннику жить у себя и только „черезъ годъ разотчетъ, какъ ему будетъ угодно“. По словамъ Кудряша, у Дикого „никто (изъ служащихъ) и пикнуть не смѣетъ о жалованьѣ, изругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ“. Борисъ же добавляетъ, что если дядю

„обидитъ такой человѣкъ, котораго онъ обругать не смѣетъ“, то весь свой гнѣвъ Дикой вымещаетъ на домашнихъ. Понятно, что къ такой жизни трудно привыкнуть, но терпѣть, тѣмъ не менѣе, приходится. По уходѣ молодыхъ людей Борисъ предается печальнымъ мыслямъ. Его пугаетъ жизнь въ захолустьи, а въ довершеніе несчастья, онъ полюбилъ молодую Кабанову, съ которой даже слова сказать невозможно. Въ это время какъ разъ приближается Кабанова (Катерина) со своимъ мужемъ, свекровью и невѣсткой. Изъ ихъ разговора видно, что молодой Кабановъ ѣдетъ на нѣкоторое время въ Москву. „Кабаниха“ все время ворчитъ на сына, рѣзко обрывая Катерину. Становится яснымъ, въ какомъ страхѣ и подчиненіи держитъ старуха сына и всю семью. Старуха уходитъ домой, а молодежи позволяетъ еще погулять, но съ тѣмъ, чтобъ ей не пришлось ихъ долго ждать. Тихону непріятно, что изъ-за жены ему приходится терпѣть непріятности отъ матери, которая его „поѣдомъ ѣстъ“. Пользуясь отсутствіемъ матери, онъ отправляется къ Дикому водку пить, Катерина же съ Варварой просятъ его поскорѣе вернуться, „а то маменька опять браниться будетъ“. Катерина, видя дружеское расположеніе Варвары, разсказываетъ ей прошлую жизнь и все, что у нея на душѣ. Варвара догадывается, что Катерина кого-то любитъ; она совѣтуетъ невѣсткѣ подождать отъѣзда брата „можетъ быть и видаться можно будетъ“ съ любимымъ человѣкомъ. Такое предположеніе ужасаетъ Катерину, ей кажется, что послѣ свиданія она, какъ согрѣшившая, не посмѣетъ вернуться домой. Ея душевное смятеніе усиливается появленіемъ сумасшедшей, которая какъ-бы пророчествуетъ, что красота ведетъ „въ омутъ“, при чемъ указываетъ на Волгу и напоминаетъ, что всѣ „въ огнѣ горѣть будутъ неугасимомъ“. Варвара старается ее успокоить. Между тѣмъ изъ-за Волги надвигается гроза, которой такъ боится Катерина; она готова бѣжать домой, Богу молиться, но безъ мужа нельзя показаться. Наконецъ Тихонъ является и всѣ бѣгутъ домой.

Второе дѣйствіе происходитъ въ домѣ Кабановыхъ. Прислуга Глаша собираетъ для Тихона платье въ узлы и разговариваетъ со странницей Ѳеклушей, которая интересуется, бу-

детъ-ли хозяйка выть при отъѣздѣ мужа. Далѣе Ѳеклуша на мекаетъ, что прислугѣ слѣдуетъ присматривать за находящей-ся въ домѣ другой странницей „убогой“, чтобы та не стащила чего-нибудь, вѣдь простого человѣка смущаетъ одинъ только врагъ, а странниковъ — многіе. Сама же она признается въ одномъ грѣхѣ: „сладко люблю поѣсть“ и Господь посылаетъ ей „по ея немощи“. Оказывается, странница далеко не ходила но „слыхать—много слыхала“ и передаетъ фантастическіе раз-сказы о земляхъ, гдѣ правятъ султаны, „а то есть еще земля гдѣ всѣ люди съ песьими головами“. Подобные разсказы по душѣ калиновцамъ, такъ какъ вполнѣ гармонируютъ съ ихъ собственнымъ невѣжествомъ. Входятъ Катерина съ Варварой и приказываютъ Глашѣ нести узлы въ кибитку. Варвара хи-тростью заставляетъ Катерину признаться въ любви къ Бори-су, совѣтуя, съ своей стороны, быть осторожнѣе, дабы не узна-ли объ этомъ дома. Въ душѣ Катерины—цѣлый адъ: ей страш-но думать о Борисѣ и она старается себя увѣрить, что душой и тѣломъ привязана къ своему мужу, ибо если очень ужъ ей домъ опостылѣетъ, такъ не удержатъ ее никакія силы. „Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь!“. Варвара смотритъ на дѣло легко и предлагаетъ Катеринѣ въ отсутствіе мужа ночевать вмѣстѣ въ саду, мечтая и себѣ устроить свиданіе съ Кудряшомъ. Ка-баниха наединѣ съ сыномъ, поучаетъ его, какъ вести себя въ дорогѣ и заставляетъ его клясться, что онъ исполнитъ всѣ при-казанія матери. Выйдя въ общую комнату, Тихонъ начинаетъ прощаться; сынъ въ присутствіи матери даетъ женѣ наставле-нія на время разлуки. Оставшись вдвоемъ съ мужемъ, Кате-рина умоляетъ его не ѣхать, такъ какъ она предчувствуетъ бѣду. Съ приходомъ Кабанихи, Варвары и Глаши начинается официальное прощаніе по старинному обычаю; Катерина не вы-держиваетъ и бросается мужу на шею, это ужасаетъ свекровь— она искренно огорчается, что молодежь какъ-то равнодушно относится къ укоренившимся русскимъ обычаямъ и упрекаетъ сноху за то, что она не знаетъ порядка: съ отъѣздомъ мужа жена должна лежать и выть на крыльцѣ. Кабаниха уходитъ молиться, а покинутая всѣми Катерина задумывается и сильно скучаетъ, дѣтей у нея нѣтъ, времени нечѣмъ заполнить и она рѣшаетъ въ отсутствіе мужа заняться рукодѣліемъ. Но благим-

начинаніямъ не суждено было исполниться: является Варвара съ позволеніемъ матери ночевать въ саду, ключъ же отъ калитки она хитростью достала и намѣрена извѣстить молодыхъ людей о возможности ночныхъ свиданій. Катерину возмущаетъ этотъ преступный шагъ, но страсть къ Борису беретъ, однако, верхъ; она не имѣетъ силъ отказаться отъ свиданія съ любимымъ человѣкомъ.

Третье дѣйствіе состоитъ изъ двухъ сценъ; первая у воротъ дома Кабановыхъ. Приворотная скамеечка—это провинціальный клубъ. Сидитъ Кабанова и слушаетъ розсказни Ѳеклуши о Москвѣ, мѣстныя сплетни и разныя сказки о змѣѣ Горынычѣ. Подходитъ выпившій Дикой—онъ набуянилъ дома и не можетъ успокоиться: у него просили денегъ. Кабаниха прибѣгаетъ къ обычному въ этой средѣ средству успокоенія—приглашаетъ его выпить и закусить. Сцена пустѣетъ. Появляется Борисъ, мечтающій, какъ бы увидѣться съ Катериной: итти въ домъ не смѣетъ — это не въ обычаѣ. Подходитъ Кулигинъ и уводитъ его на бульваръ, гдѣ уже находятся Варвара и Кудряшъ. Варвара приглашаетъ Бориса въ оврагъ за кабановскимъ садомъ — тамъ будетъ Катерина.

Вторая сцена—ночь въ оврагѣ. Кудряшъ съ гитарой поетъ про донского казака. Приходъ Бориса возбуждаетъ въ Кудряшѣ подозрѣніе, что и онъ явился на свиданіе съ Варварой. Однако признаніе Бориса, что онъ любитъ замужнюю Катерину успокаиваетъ Кудряша, и онъ рѣшается всѣми силами помогать счастью своего пріятеля. Съ появленіемъ Варвары и Катерины, парочки раздѣляются. Борисъ и Катерина въ тихой бесѣдѣ выясняютъ взаимную симпатію и любовь, Варвара же съ Кудряшемъ, между шутокъ и прибаутокъ, подъ звуки гитары и пѣсенки, уславливаются о дальнѣйшихъ свиданіяхъ.

Дѣйствіе четвертое — на берегу Волги, подъ развалинами древняго храма. Проходятъ гулящіе обоего пола, накрапываетъ дождикъ и приближается гроза. Кулигинъ убѣждаетъ Дикого дать деньги на громоотводъ, разъясняя ему это явленіе природы, но получаетъ рѣзкій отказъ. Кабаниха-же ругаетъ Кулигина за развращающее его вліяніе на молодежь. Гуляющіе спѣ-

шатъ укрыться подъ арками развалинъ, тамъ и Варвара съ Борисомъ, которому она сообщаетъ о душевныхъ мукахъ Катерины. Раздается ударъ грома, вбѣгаетъ Катерина, и при видѣ Бориса, въ страхѣ вскрикиваетъ. Опасеніе толпы, что гроза не пройдетъ даромъ: безъ пожара или убитаго молніей, повергаетъ Катерину еще въ большій ужасъ—она убѣждена, что будетъ жертвой грозы. Полусумасшедая барыня съ угрозами и напоминаніями и неугасимомъ огнѣ гіенны для грѣшниковъ переполняетъ чашу. Катерина въ изнеможеніи припадаетъ къ стѣнѣ и тутъ, при свѣтѣ молніи, видитъ изображеніе гіенны огненной. Съ безумнымъ крикомъ: „адъ, адъ, адъ", она признается мужу, какъ въ его отсутствіе по ночамъ гуляла съ Борисомъ. Кабаниха остается вѣрна себѣ: она, забывая трагическое положеніе сына, находитъ возможнымъ говорить о вредныхъ результатахъ воли, даваемой женѣ, припоминая, что она сына предупреждала объ этой опасности.

Пятое дѣйстіе снова въ общественномъ саду, на высокомъ берегу Волги. Тихонъ встрѣчается съ Кулигинымъ и начинаетъ дѣлиться съ нимъ своимъ горемъ: съ того времени, какъ онъ уѣхалъ въ Москву и тамъ кутилъ, вся семья пришла въ разстройство. Кулигинъ, отлично понимая истинное положеніе дѣла, винитъ во всемъ Кабаниху, а ему совѣтуетъ „своимъ умомъ жить" и простить жену, которая „гляди—лучше всякой". Добродушный Тихонъ радъ бы помириться съ женою: „я бы ничего, а маменька-то... развѣ съ нею сговоришь!" Далѣе, изъ словъ Тихона узнаемъ, что Дикой на три года посылаетъ Бориса въ Сибирь по дѣламъ, а Варвара съ Кудряшемъ сбѣжали изъ дома.

Вбѣгаетъ Глаша, ищущая Катерину, которая куда-то ушла и не возвращается. Всѣ бѣгутъ ее искать. Между тѣмъ, она является, тоскуя и мечтая лишь о прощаніи съ любимымъ человѣкомъ. Случайно приходитъ Борисъ и Катерина замираетъ у него на груди. Она умоляетъ увезти ее съ собою въ Сибирь, но Борисъ не рѣшается на такой шагъ и нѣжно прощается съ ней. У Катерины-же не хватаетъ силъ вернуться въ постылый домъ и она бросается въ Волгу, гдѣ находитъ смерть. Силь-

но потрясенный смертью любимой жены, Тихонъ упрекаетъ мать въ постигшемъ его горѣ.

Картина нравовъ города Калинова.

Въ пьесѣ „Гроза“ Островскій изображаетъ жизнь маленькаго русскаго городка, живописно раскинутаго на берегу Волги. Здѣсь еще крѣпко держатся полугородскіе, полусельскіе обычаи и только начинается первое столкновеніе господствующаго невѣжества съ проблесками культуры.

О томъ, что дѣлается за предѣлами Калинова, и какъ тамъ люди живутъ, калиновцы узнаютъ отъ различныхъ странницъ, въ родѣ Ѳеклушки. Свѣдѣнія эти обыкновенно самаго фантастическаго характера. Ѳеклушка, напримѣръ, разсказываетъ: „Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а султаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ султанъ Махмутъ турецкій, а въ другой—султанъ Махмутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надъ всѣми людьми, и что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить правильно — такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный, что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже всѣ неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“ А желаніе знать побольше да поосновательнѣе невольно закрадывается въ душу. Это видно изъ словъ Глаши послѣ ухода странницы: „Вотъ еще какія страны есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ, ничего не знаемъ. Еще хорошо, что люди добрые есть: нѣтъ, нѣтъ, да и услышишь, что на свѣтѣ бѣломъ подѣлывается; а то такъ бы дуракомъ и померли“.

На общемъ фонѣ грубаго невѣжества главную роль въ Калиновѣ играютъ купцы-самодуры, которые держать въ ежовыхъ рукахъ не только свои семьи, не и безправную массу мѣщанъ. Благодаря метеріальному благосостоянію самодуровъ, имъ покровительствуетъ начальство. Сознавая свою полную

безнаказанность и не встрѣчая ни въ комъ явнаго отпора, они притѣсняютъ всѣхъ подвластныхъ, распоряжаются ими, какъ вещью, а подчасъ прямо таки издѣваются надъ ними. „Ужъ такого ругателя, какъ у насъ Савелъ Прокофьичъ, поискать еще! Ни за что человѣка оборветъ“, замѣчаетъ про Дикого одинъ изъ обывателей. Но личности, подобныя Дикому, являются „ругателями“ только съ людьми безотвѣтными и зависимыми, подобно Борису и Кулигину. Когда же на этого самаго „ругателя“ на перевозѣ сталъ кричать гусаръ, онъ не посмѣлъ сказать ему и слова; зато всѣ домашніе цѣлую недѣлю прятались по чердакамъ и подваламъ отъ него. Жизнь калиновцевъ течетъ вяло, скучно, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ общественныхъ интересовъ. Обыватели сидятъ дома по большей части запершись. „И не отъ воровъ, говоритъ Кулигинъ, они запираются, а чтобы люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ поѣдомъ ѣдятъ, да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами, невидимыхъ и неслышимыхъ! И что, сударь, за этими замками разврату темнаго да пьянства!“ Эта обособленность, замкнутость дали полный просторъ для развитія нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ купеческо-мѣщанскаго быта, застывшаго въ неизмѣнныхъ формахъ домостроевскихъ традицій. По словамъ Кулигина: „Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! Въ мѣщанствѣ, сударь, вы ничего, кромѣ грубости да бѣдности нагольной, не увидите. И никакъ намъ, сударь, не выбиться изъ этой коры! Потому, что честнымъ трудомъ никогда намъ не заработать больше насущнаго хлѣба! А у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣдняка закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ нажить...”

Грубости и невѣжеству калиновцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ самомнѣніе и самодовольство. Какъ Дикой, такъ и Кабанова глубоко убѣждены, что жить иначе, чѣмъ они живутъ, нельзя. Всякая любознательность, всякая попытка выйти изъ заколдованнаго круга калиновскихъ понятій, подавляется въ самомъ началѣ, какъ нѣчто грѣховное и преступное. Живя по старинѣ, они съ недовѣріемъ и ненавистью относятся ко всякому новшеству. Кабанова, напримѣръ, скорбитъ, что молодежь (сынъ и невѣстка) не знаютъ никакого порядку — даже

проститься путемъ не умѣютъ, что только старшими и держится жизнь; съ сокрушеніемъ думаетъ о томъ, что выводится „старина“, безъ соблюденія завѣтовъ которой, по ея мнѣнію, наступитъ чуть не свѣтопреставленіе.

Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ нравственныхъ понятій, калиновцы тѣмъ упорнѣе держатся за старинные обычаи и обряды. Суть жизни для нихъ заключается во внѣшней ея сторонѣ. Проводивъ мужа, Катерина должна, по мнѣнію свекрови, часа полутора „выть“, лежа на крыльцѣ; не дѣлая этого, она подвергается ядовитымъ упрекамъ Кабановой въ отсутсвіи любви къ мужу. Также чисто съ формальной стороны относятся они къ религіи. Внутренняя сторона православія для нихъ непонятна, для нихъ достаточно ходить исправно въ церковь, соблюдать посты, принимать всякихъ странницъ. Не затрагивая лучшихъ сторонъ души, религіозное чувство калиновцевъ часто принимаетъ оттѣнокъ ханжества, а еще чаще перемѣшивается съ самымъ грубымъ суевѣріемъ. Крѣпко держась обычаевъ старины, обыватели глубоко убѣждены, что страхъ передъ родителями, передъ мужемъ долженъ всегда господствовать въ семейныхъ отношеніяхъ, иначе всѣ совратятся съ пути истины и погибнутъ. Когда Кабановъ говоритъ своей матери, что ему совершенно не нужно, чтобы жена его боялась, и вполнѣ достаточно если его любитъ, Кабанова съ ужасомъ говоритъ: „Какъ, зачѣмъ бояться! Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станетъ бояться, меня и подавно. Какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али по вашему законъ ничего не значитъ?“ Когда Катерина, прощаясь съ мужемъ, въ порывѣ нѣжности бросается ему на шею, Кабанова грозно замѣчаетъ: „Что на шею то виснешь, безстыдница! Онъ тебѣ мужъ-глава! Анъ порядка не знаешь? Въ ноги кланяйся!“

Калиновцамъ не важно проявленіе искренняго чувства, имъ подавай выраженіе страха, рабской подчиненности.

Ни одной минуты полнаго отдыха не знаютъ подчиненные самодуровъ. Даже когда „самого“ нѣтъ дома, они съ трепетомъ ожидаютъ, что вотъ-вотъ онъ вернется и начнетъ проявлять свой „нравъ“. Они напуганы чуть-ли не на всю жизнь и не имѣютъ права въ свое оправданіе даже „пикнуть“, а не

то, чтобы позволить себѣ объясняться или высказать свой протестъ по отношенію къ деспоту-самодуру. Всемогущій кулакъ самодура на смерть убиваетъ души почти всѣхъ окружающихъ. Образъ человѣческій исчезаетъ безслѣдно, и гробовая тишина не даетъ отклика на крики расходившагося „главы дома". Но натуры болѣе сильныя и стойкія не могутъ мириться съ такимъ положеніемъ. Они осторожно ведутъ подкопы подъ своихъ властелиновъ и ухитряются выбиться изъ-подъ давящаго гнета. Имъ поневолѣ приходится прибѣгать къ хитрости, обману, подлости, наружной покорности, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Варвара, дочь Кабановой. Натуры же мягкія скоро теряютъ всякую волю, всякую самостоятельность и протестъ ихъ противъ гнета чисто пассивнаго характера. Онѣ временно вырываются изъ подъ гнета и, очутившись на свободѣ, предаются безшабашному разгулу, точно стараются „за цѣлый годъ отгуляться". Когда Кабанова упрекаетъ Тихона, что въ немъ нѣтъ „своего ума", онъ даже грозитъ: „Я вотъ возьму, да послѣдній-то, какой есть, пропью: пусть маменька тогда со мной, какъ съ дуракомъ, няньчится..."

Картина нравовъ получилась довольно мрачная, но откуда же на нее надвигается гроза? Почему Островскій назвалъ свою пьесу „Грозой?" Что касается самодуровъ, то для нихъ гроза заключается въ предчувствіи какихъ-то новыхъ вѣяній, съ которыми не въ силахъ бороться ихъ своеобразная мораль и власть, основанная на тупомъ невѣжествѣ окружающихъ. Просвѣщеніе мало-по-малу начинаетъ проникать и въ далекіе Калиновы, разрушая эти оплоты невѣжества.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Катерина.

Поэтическій образъ Катерины — несомнѣнно одинъ изъ важнѣйшихъ образовъ не только творчества Островскаго, но

и всей русской литературы. Личность даровитая, впечатлительная и сильная духомъ.

Дѣтство Катерина провела въ родительскомъ домѣ. Мать въ ней „души не чаяла“. окружающіе любили и она „ни о чемъ не тужила, точно птичка на волѣ“. Еще въ дѣтствѣ воплощенная кротость, мечтательность ея натуры находятъ себѣ пищу въ религіозномъ настроеніи, чему содѣйствовала и обстановка родной семьи. Посѣщеніе богослуженія утромъ и вечеромъ, разсказы странницъ и богомолокъ, сопровождаемые пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ и горящія всю ночь передъ иконами лампадки—развиваютъ въ ней религіозную мечтательность, которая наполняетъ ея душу. Въ религіозномъ порывѣ она видитъ ангеловъ, летающихъ въ столбахъ кадильнаго дыма, слышитъ ихъ пѣніе. Тотъ свѣтлый и чистый міръ, который образовался въ Катеринѣ съ дѣтства, одухотворялъ ея жизнь и сглаживалъ всѣ отрицательныя, мертвящія ее стороны. Внутренняя жизнь даетъ ей возможность не замѣчать темныхъ, тяжелыхъ сторонъ дѣйствительности, помогаетъ подчиняться ей.

Мечтательность не покидаетъ Катерину и съ замужествомъ; иногда ей кажется, что она птица и ее тянетъ летать. Воображеніе ея работаетъ неустанно и уноситъ въ другой, лучшій міръ; жизнь въ семьѣ Кабановыхъ заставляетъ ее окунуться во всю пошлость провинціальнаго болота. Свекровь безсознательно чувствуетъ, что Катерина по своей недюжинной натурѣ, съ поэтическою, нѣжною душою не подходитъ къ окружающей дѣйствительности, а потому „грызетъ ее, какъ ржа желѣзо“. Страшный гнетъ какъ бы убиваетъ на время всякую волю Катерины, отравляетъ ея существованіе и здѣсь впервые она чувствуетъ разладъ между внутреннимъ міромъ и окружающей ее средой. Но пылкая душа героини не можетъ даромъ разстаться со своею независимостью. Съ благороднымъ упорствомъ она борется съ гнетомъ; со всею пылкостью и энергіей своей души она отстаиваетъ свою жизнь до самой смерти. Такихъ людей, какъ Катерина, не легко унизить, сдѣлать безотвѣтными и безмолвными. Она сама про себя говоритъ: „Такая ужъ я родилась горячая“, а въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „А ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостылѣетъ, такъ не

удержать меня никакой силой". А между тѣмъ въ домѣ мужа она очутилась какъ въ тюрьмѣ; въ каждомъ ея шагѣ видятъ дурные, грѣховные помыслы. Бѣдная женщина чувствуетъ себя совершенно одинокой, она задыхается въ мрачной атмосферѣ кабановскихъ понятій. А между тѣмъ, какъ всякой возмужалой, но чуткой женщинѣ, ей хочется найти въ комъ-нибудь участіе, родственную душу, да и потребность любви въ ней не забита. Такъ, она жалуется сестрѣ мужа: „Ночью, Варя, не спится, мнѣ все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мною, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ". Эта правдивая натура напрасно пытается найти опору и защиту въ мужѣ. Она идетъ еще дальше и старается увѣрить себя, что ей съ нимъ хорошо, старается всѣми силами пробудить въ себѣ любовь къ мужу, но отчаянныя усилія разбиваются о тупоуміе и пошлость этой жертвы самодурства Катерина, понимая, что съ отъѣздомъ мужа ей не подъ силу будетъ борьба съ самой собою, проситъ его не уѣзжать или взять ее съ собою. Тихонъ, однако, остается хладнокровнымъ и безучастнымъ къ мольбамъ молодой жены, такъ какъ самъ занятъ мыслью, какъ бы поскорѣе укатить отъ матери и погулять на свободѣ: „да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены-ли мнѣ".—„Какъ же мнѣ любить тебя, когда ты такія слова говоришь?", справедливо упрекаетъ его жена и все еще не теряетъ надежды остаться вѣрной закону. Она понимаетъ, что дѣти спасли бы ее, но ихъ нѣтъ; она налагаетъ на себя работу для бѣдныхъ, стараясь хоть этимъ убить въ себѣ грѣховныя мысли, но природная правдивость не позволяетъ ей обманывать себя и другихъ. Природа беретъ свое, потребность любви наталкиваетъ Катерину на грѣхъ съ единственнымъ, хоть сколько-нибудь желающимъ, если не любящимъ ее человѣкомъ.

Несмотря на то, что она сознаетъ свое право на счастье, на любовь, но неспособность лгать — „обманывать то я и не умѣю",—приноситъ ей только муки и тяжелую, внутреннюю борьбу. Много боли приноситъ ей мысль, что чувство ея—грѣхъ и она говоритъ Борису: „ты меня загубилъ, загубилъ, загу-

билъ". Терзанія этой нѣжной, не умѣющей лгать, души доходятъ до высшей точки, когда возвращается изъ поѣздки мужъ; она становится сама не своя, а на мужа не смѣетъ глазъ поднять. Гнетущій страхъ, навѣянный религіозными вѣрованіями, заставляетъ ее ожидать возмездія за грѣхи, подъ вліяніемъ безсмысленной болтовни сумасшедшей барыни во время грозы, она всенародно кается въ своемъ преступленіи передъ мужемъ.

Понятно, послѣ этого Катеринѣ невозможно было оставаться въ семьѣ мужа. Теща ее поѣдомъ бы съѣла. Какъ утопающій за соломенку, хватается она за послѣднюю возможность вырваться изъ окружающей ее среды. Духъ этой женщины не совсѣмъ изнемогъ: она хочетъ видѣть любимаго Бориса, она на него возлагаетъ нѣкоторыя надежды и проситъ его: „возьми меня съ собой отсюда". Но какъ прежде мужъ, такъ теперь Борисъ, тоже приниженный и безмолвный человѣкъ, отвѣчаетъ: „нельзя, Катя, не по своей волѣ я ѣду, дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы..." Послѣдняя капля переполнила чашу. Катерина лишилась послѣдней опоры—не нужно ей больше жить.

Въ своемъ кроткомъ сердцѣ Катерина не чувствуетъ злого чувства противъ человѣка, который разбилъ ея надежды: „Поѣзжай съ Богомъ; не тужи обо мнѣ". Съ этого момента всѣ ея мысли сосредоточиваются на смерти и могилѣ. „Куда теперь. Домой итти? Нѣтъ, мнѣ все равно. Да что домой, что въ могилу... въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо... солнышко ее грѣетъ, дождикъ ее мочитъ... весной на ней травка вырастаетъ, мягкая такая... Такъ тихо. Такъ хорошо. А объ жизни и думать не хочется. Опять жить. Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не хорошо. И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны. Не пойду туда. Нѣтъ, нѣтъ, не пойду. Все равно, что смерть придетъ, что сама..., а жить нельзя". Катерина бросается въ Волгу и въ смерти находитъ выходъ изъ своего положенія.

Въ трагическомъ концѣ жизни Катерины критикъ Добролюбовъ видѣлъ отрадное явленіе, такъ какъ „въ немъ данъ вызовъ самодурной силѣ, онъ говоритъ ей, что ужъ нельзя итти дальше, нельзя дальше жить, съ ея насильственными мер-

твящими началами". Но нужно помнить, что смерть правдивой и честной героини ни капли не всколыхнула „темнаго царства", а наоборотъ, съ точки зрѣнія кабановской морали только подтвердила, какъ опасно нарушать ея завѣты. Да кромѣ того, сама Катерина переполнена всевозможными вѣрованіями „темнаго царства", а слѣдовательно въ ней скорѣе нужно видѣть олицетвореніе бытовыхъ и религіозныхъ началъ „темнаго царства", а не протестъ противъ злыхъ сторонъ стараго міра.

Савелъ Прокофьевичъ Дикой — самодуръ чистѣйшей воды. Что взбредетъ въ его сумасбродную голову, то онъ и дѣлаетъ, и нраву его никто не смѣетъ препятствовать. Единственный законъ, единственная сила, передъ которой всѣ должны преклоняться—это его, ничѣмъ не сдерживаемый, произволъ. Онъ, по мѣткому замѣчанію калиновцевъ, „воинъ", „у него дома постоянно война идетъ".

Прогуливаясь въ праздничный день по бульвару, встрѣчается онъ со своимъ племянникомъ Борисомъ, который только тѣмъ и виноватъ, что попался дядюшкѣ на глаза. И вотъ, Дикой при публикѣ начинаетъ ломаться надъ нимъ и съ дикимъ бѣшенствомъ накидывается на него: „Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: не смѣй мнѣ на встрѣчу попадаться, тебя все неймется! Мало тебѣ мѣста-то? Куда не пойди, тугъ ты и есть! Тьфу, ты, проклятый!" Борисъ по опыту отлично знаетъ, что возражать—только масла въ огонь добавлять, а потому и молчитъ; но и это не нравится дядюшкѣ: „Что ты, какъ столбъ, стоишь-то? Тебѣ говорятъ, аль нѣтъ?" Борисъ почтительно говоритъ: „Я и слушаю, что жъ мнѣ дѣлать еще!" Но невозможно, чтобы этотъ необузданный человѣкъ былъ неправъ: „Провались ты! Я съ тобою и говорить-то не хочу, съ іезуитомъ. Вотъ навязался!", кричитъ онъ въ концѣ концовъ, плюетъ и въ досадѣ уходитъ.

Однако Дикой ругается не только со своими домашними, но готовъ обидѣть и всякаго посторонняго, разъ чувствуетъ его беззащитность. Однажды механикъ-самоучка Кулигинъ, человѣкъ, по умственному своему развитію стоящій выше средняго уровня калиновцевъ, предложилъ Дикому устроить на бульварѣ солнечные часы для общей пользы, которые и сто-

ить-то будутъ дешево „какихъ-нибудь рублей десять“. Но такое предложеніе выводитъ изъ себя самодура, онъ предполагаетъ, что Кулигинъ хочетъ украсть эти деньги и называетъ его разбойникомъ: „хочу такъ думать о тебѣ, и такъ думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все... Говорю, что ты разбойникъ и конецъ. Что-жъ ты судиться что ли со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Хочу — помилую, хочу — раздавлю“.

На ряду съ этимъ безсмысленнымъ самодурствомъ, которое всецѣло основано на сознаніи своего внѣшняго превосходства, эгоизмъ Дикого совершенно беззастѣнчивъ и наивенъ, а потому и проявляется вполнѣ откровенно. По безсмысленному завѣщанію бабки, Дикой долженъ отдать племяннику и племянницѣ хранящееся у него наслѣдство лишь подъ тѣмъ условіемъ, если они окажутся къ нему почтительны. Онъ пользуется подобнымъ обстоятельствомъ, заставляетъ Бориса себѣ служить даромъ, ломается надъ нимъ и простодушно проговаривается: „у меня свои дѣти, за что я чужимъ отдамъ. Черезъ это я своихъ обидѣть долженъ!“ Дикой жаденъ до денегъ и нѣтъ для него ничего хуже, какъ отдавать деньги; служащимъ своимъ поэтому онъ не назначаетъ жалованья, говоря: „Нешто ты мою душу можешь знать? А можетъ я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ“. Во всякомъ случаѣ, по словамъ Кудряша, онъ „во всю свою жизнь ни разу въ такое-то расположеніе не приходилъ“, напротивъ, онъ самъ признается, что одно только напоминаніе о деньгахъ его сердитъ: „Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать-отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутреннюю разжигать станетъ“. Кулигинъ разсказываетъ, какъ однажды мужики пошли на него жаловаться городничему, что онъ при расплатѣ обсчитываетъ. Городничій и сталъ ему говорить: „послушай, говоритъ, Савелъ Прокофьичъ, расчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ“. А Дикой потрепалъ городничаго по плечу и говоритъ: „стоитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами о такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ то народу перебываетъ. Вы то поймите: не доплачу я и имъ по какой-нибудь копѣйкѣ

на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо".

Впрочемъ Дикой является „воиномъ" и „ругателемъ" только по отношенію къ людямъ зависимымъ и безотвѣтнымъ; когда же самого его на перевозѣ обругалъ гусаръ, онъ не посмѣлъ ничего ему сказать; но только всѣ домашніе двѣ недѣли отъ него прятались. Точно также побаивается онъ и Кабанихи, которая умѣетъ его „разговорить". Подчасъ и на нее онъ пытается прикрикнуть, „ну, такъ что-жъ, что я воинъ! Ну, что-жъ изъ этого?" Но она умѣетъ его во время осадить. Такъ, когда онъ, по самодурному либерализму, обругалъ странницу Ѳеклушу, Кабаниха съ достоинствомъ и сурово говоритъ ему: „ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебѣ дорога!" И самодуръ сразу понижаетъ тонъ: „постой, кума, постой! не сердись!" какъ бы извиняется онъ. Такое отношеніе къ Кабанихѣ можно объяснить тѣмъ, что въ глубинѣ души Дикой сознаетъ необходимость подчинить свою волю высшему нравственному распорядку. Кабаниха же — представительница жизненныхъ принциповъ, крѣпка опорой на законъ, потому Дикой и смиряется передъ ней.

Характернымъ примѣромъ боязни Дикого нарушить установленныя нормы жизни можетъ служить его разсказъ, какъ, говѣя въ великомъ посту, изругалъ онъ мужика, который пришелъ за деньгами, „такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя", а потомъ прощенье просилъ: „Истинно тебѣ говорю, мужику въ ноги кланялся, при всѣхъ ему кланялся". Вполнѣ понятно, что уваженіе Дикого къ закону чисто внѣшнее. Сегодня онъ кланяется мужику въ ноги, а завтра, если представится случай, всѣ соки изъ него высосетъ.

Марья Игнатьевна Кабанова. Съ Кабановой мы знакомимся въ тотъ періодъ ея жизни, когда устои, поддерживающіе ея міросозерцаніе, начинаютъ трещать и пошатываться. Она понимаетъ это, но все же не перестаетъ по прежнему грызть своихъ домочадцевъ, даже, пожалуй, съ большимъ, чѣмъ раньше, ожесточеніемъ и постоянствомъ. Она—человѣкъ твердыхъ принциповъ, но принциповъ ужасныхъ, безпощадныхъ. „Ханжа, су-

дарь! — отзывается о ней Кулигинъ, — нищихъ одѣляетъ, а домашнихъ заѣла совсѣмъ".

Дѣйствительно, Кабаниха заѣла домашнихъ и довела ихъ до гибели потому, что какъ-то дико судитъ о повиновеніи дѣтей родителямъ и жены мужу. Единственное средство добиться такого повиновенія, по ея мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы внушить членамъ семьи страхъ, постоянно мучить ихъ упреками и обратно, не позволять имъ и шагу ступить по своей волѣ, слѣдить не только за ихъ дѣйствіями, но и за мыслями. Свои взгляды Кабаниха облекла въ грубую, суровую форму, но сама она наслѣдовала ихъ отъ старины. Она съ грустью думаетъ о новомъ времени, когда рушатся старинные порядки, и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что авось не доживетъ до подобнаго развращенія нравовъ. „Такъ-то старина и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять ужъ и не знаю. Ну, да ужъ и то хорошо, что не увижу ничего". И она твердо и настойчиво проводитъ свои взгляды на жизнь, ни передъ чѣмъ не останавливаясь — она безпощадна въ карѣ за нарушеніе закона. Какъ ржа желѣзо, гложетъ она своего сына Тихона и его жену Катерину. То вдругъ начинаетъ она упрекать сына, что онъ недостаточно почтителенъ къ ней и вездѣ разсказываетъ, что мать постоянно ворчитъ и надоѣдаетъ, хотя сама же признается, когда сынъ возражаетъ ей, что ничего подобнаго не слыхала, „тогда не такъ бы заговорила". То вдругъ матери покажется, что Тихонъ жену любитъ больше матери, несмотря на то, что „глазами не видитъ, сердце у нея вѣщунъ, она сердцемъ можетъ чувствовать". Особенно тяжело достается Катеринѣ, когда она пробуетъ заступиться за мужа: „Тихонъ тебя любитъ, матушка". Кабаниха набрасывается на нее: „Ты бы, кажется, могла и помолчать, когда тебя не спрашиваютъ. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Вѣдь онъ мнѣ тоже сынъ; ты этого не забывай!" Стоитъ Катеринѣ сказать, что она любитъ мужа — свекровь начнетъ въ этомъ сомнѣваться и прибавитъ, что слѣдуетъ, коли „въ законѣ жить", не любить, а бояться мужа. Тихонъ даже не можетъ попрощаться съ женою такъ, какъ подсказываетъ ему сердце. Какъ грозное оли-

цетвореніе „закона“ является Кабаниха между мужемъ и женою и приказываетъ сыну повторять за собою строгія наставленія женѣ, чтобы не грубила свекрови и почитала ее какъ родную мать, „чтобы не сидѣла сложа руки, въ окна глазъ не пялила“, чтобы на молодыхъ парней не заглядывалась. Когда Катерина въ порывѣ нѣжности передъ разлукою съ мужемъ бросается ему на шею, старуха грубо ее останавливаетъ: „Что на шеѣ виснешь, безстыдница! Онъ тебѣ мужъ-глава! Аль порядку не знаешь? Въ ноги кланяйся!“ Кабаниха далѣе упрекаетъ Катерину, что она во время проводовъ не выла на крыльцѣ по старинному обычаю. На ея слова: „не къ чему! да и не умѣю“, старуха говоритъ: „Хитрость то не великая. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣй, а то видно на словахъ-то только...“

Однако во всей своей силѣ безпощадная, постоянная суровость Кабанихи проявляется особенно ярко, когда во время грозы Катерина всенародно кается въ своемъ „грѣхѣ“. „Что, сынокъ! — говоритъ старуха съ злобнымъ торжествомъ. Куда воля-то ведетъ! Говорила я, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался“. Кабановскій деспотизмъ и самодурство гораздо страшнѣй того, который проявляетъ Большовъ, Гордѣй Торцовъ или Дикой, такъ какъ у послѣднихъ нѣтъ никакой опоры, кромѣ кулака, и потому ихъ все же можно, хотя-бы и рѣдко, играя на ихъ психологіи, заставить на время быть обыкновенными людьми. Совсѣмъ другое дѣло Кабанова; помимо своей деспотической натуры, она всегда найдетъ себѣ опору и поддержку въ тѣхъ устояхъ жизни, которыя она считаетъ святыней.

Послѣ признанія, Катерина страдаетъ душою и мужу ее жаль, а мать поучаетъ его, что жалѣть нечего, что „ее надо живую въ землю закопать, чтобъ она казнилась!“ Даже посторонній человѣкъ — Кулигинъ, совѣтуетъ Тихону простить жену и не помнить зла, даже на Бориса, такъ какъ „врагамъ-то прощать надо, сударь!“ Очевидно, въ своемъ усердіи къ собственнымъ законамъ, Кабаниха отмѣнила правила евангельской любви и милосердія.

Когда Катерина убѣжала изъ дому, и мужъ въ тоскѣ боится, какъ бы она не покончила съ собою, Кабаниха съ ироніей

говоритъ: „А ты ужъ испугался, расплакался! Есть о чемъ!“ Она не пускаетъ сына бѣжать на помощь бросившейся въ воду женѣ, а когда онъ рвется—грозитъ его проклять. „Полно! объ ней и плакать-то грѣхъ!“—грозно говоритъ она рыдающему надъ трупомъ Катерины Тихону.

Однако, справедливость требуетъ оговориться, что въ характерѣ старухи Кабановой замѣтна одна и свѣтлая черта — это любовь къ дочери Варварѣ, которую она иногда готова и побаловать. „Я со двора ухожу!“ говоритъ Варвара, „а мнѣ что,—ласково отвѣчаетъ Кабаниха—поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься!“ Видно и въ мрачномъ образѣ старухи еще тлѣетъ искра Божія.

Тихонъ Кабановъ — личность забитая и приниженная, но въ сущности онъ не дурной человѣкъ. Все его несчастье заключается въ томъ, что у него нѣтъ собственной воли и собственныхъ мыслей. „Да какъ же я могу, маменька, васъ ослушаться! Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужъ мнѣ своей волей жить!“ постоянно твердитъ онъ Кабанихѣ и, дѣйствительно, ни въ чемъ не можетъ ее ослушаться. Матери, понятно, нравится такая покорность сына, но она его не уважаетъ. Она ругаетъ его дуракомъ и смотритъ на него презрительно: „Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустилъ? Ну, какой ты мужъ? Посмотри ты на себя!“

А вѣдь отъ природы Тихонъ одаренъ хорошими началами: у него мягкое сердце, въ немъ не умерла совѣсть, онъ можетъ нѣжно полюбить человѣка и сочувствовать ему въ несчастіи. Онъ любитъ по прежнему Катерину и вполнѣ ей довѣряетъ. Онъ далекъ отъ мысли, чтобы жена его боялась. Однако онъ настолько забитъ и обезличенъ подъ гнетомъ матери, что не въ силахъ защитить несчастную женщину отъ оскорбленій, а, напротивъ, по приказанію матери самъ ее обижаетъ. Когда Катерина при свекрови начинаетъ каяться въ своемъ „грѣхѣ“— онъ старается ее остановить, чтобы скрыть дѣло отъ суровой матери. Позднѣе онъ страдаетъ мученіями жены, но все-таки поступаетъ такъ, какъ приказываетъ мать: онъ бьетъ Катерину по совѣту матери. Какъ человѣкъ забитый, Тихонъ старается всячески освободиться отъ окружающей его душной

атмосферы, чтобы погулять безъ присмотра на свободѣ. Онъ упрекаетъ жену за то, что изъ-за нея мать его все время пилитъ упреками и откровенно сознается, что радъ вырваться изъ дому, гдѣ его „заѣли“. Онъ самъ глупо и слѣпо губитъ жену и себя, и свое счастье. Катерина, понимая, что стоитъ надъ бездной, проситъ мужа взять ее съ собой, но онъ отказывается. „Да неужели же ты разлюбилъ меня?“—спрашиваетъ жена. „Да не разлюбилъ, возражаетъ онъ, а съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы-жены убѣжишь! Ты подумай-то, я все таки мужчина; всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?“ Жизнь дома его тяготитъ и, какъ слабый человѣкъ, онъ прибѣгаетъ къ испытанному средству—къ рюмочкѣ. Въ винномъ угарѣ онъ забываетъ униженія и оскорбленія, которыми полна его жизнь. Однако, и Тихона можна вывести изъ себя и тогда онъ способенъ на протестъ. Въ отвѣтъ на упреки матери, что въ немъ нѣтъ „своего ума“, Тихонъ даже грозится: „Я вотъ возьму, да послѣдній-то, какой есть, пропью: пусть маменька тогда со мной, какъ съ дуракомъ, и няньчится...“ Когда Катерина лишаетъ себя жизни, человѣкъ совѣсти и чувства побѣждаетъ въ немъ слѣпо покорнаго сына и онъ кричитъ матери: „Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы...“

Кудряшъ. Въ Тихонѣ мы видимъ примѣръ, до какого ничтожества можетъ дойти личность, изуродованная самодурствомъ. Натуры же болѣе смѣлыя, веселыя и жизнерадостныя не могутъ мириться со своимъ угнетеннымъ положеніемъ и при помощи лжи и хитрости подрываютъ власть своихъ самодуровъ, какъ дѣлаютъ это Кудряшъ и Варвара.

Кудряшъ — человѣкъ умный, ловкій и смѣлый. Онъ съ какой-то пренебрежительною удалью относится къ нѣжнымъ чувствамъ и, когда Варвара опаздываетъ на свиданіе, довольно грубо говоритъ ей: „Ты что-жъ такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю!“ Однако въ душѣ онъ скрываетъ сильное и нѣжное чувство; подозрѣвая Бориса въ ухаживаніи за Варварой, онъ говоритъ съ негодованіемъ: „Чужихъ не трогай!

У насъ такъ не водится, а то парни ноги переломаютъ. Я за свою... да я и не знаю, что сдѣлаю! Горло перерву!“ Въ то-же время въ душѣ Кудряша сильна и совѣсть: такъ, узнавъ, что Борисъ полюбилъ замужнюю, онъ говоритъ: „Эхъ... бросить надо-ть!... Вѣдь, это значитъ, вы ее совсѣмъ губить хотите, Борисъ Григорьевичъ... вѣдь здѣсь какой народъ, сами знаете. Съѣдятъ, въ гробъ вколотятъ“.

Варвара по своей натурѣ похожа на Кудряша: такая же веселая, бойкая и смѣлая. Душа у нея добрая, простая и проницательная. Она видитъ, какъ тяжело Катеринѣ въ ихъ семьѣ и жалѣетъ невѣстку, понимая, что та не можетъ любить Тихона. Она всегда готова заступиться за Катерину и старается выгородить ее изъ бѣды. Но, живая и смѣлая, она не можетъ подняться на ту нравственную высоту, на которой стоитъ Катерина. Устраивая для послѣдней свиданіе съ Борисомъ, она не предполагаетъ, какія муки готовитъ несчастной женщинѣ.

На жизнь Варвара смотритъ легко: „По моему, дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было“. Она глубоко убѣждена, что „безъ обмана нельзя“. „Ты вспомни,—поучаетъ она Катерину — гдѣ ты живешь! У насъ вѣдь весь домъ на томъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало“. Дѣйствительно, наружно она покорна Кабанихѣ, такъ какъ не смѣетъ ей противиться, но за то пользуется всякимъ случаемъ, чтобы погулять съ своимъ милымъ.

„Гроза“ — откуда это названіе.

Вполнѣ понятно, что всякая честная, хоть немного развитая душа задыхается въ той душной атмосферѣ, гдѣ царитъ самодурство. А такъ какъ такою душою обладаетъ Катерина, то положеніе ея очень тяжело: обладая чуткой душой, одаренная поэтическимъ чувствомъ, она не можетъ жить, какъ живутъ всѣ окружающіе: у нея нѣтъ никакой отрады, никакого удовольствія, ей не съ кѣмъ слова сказать: Тихонъ, хоть и добръ, но совершенно безволенъ, Варвара же много сдѣлать не можетъ.

Тяжелыя душевныя муки испытываетъ бѣдная женщина, когда мужъ, уѣзжая, не хочетъ ее взять съ собою. Дѣло въ томъ, что теплый лучъ солнышка заглянулъ и прорѣзалъ мракъ, который окружаетъ Катерину, и чувствуетъ она, что не въ силахъ будетъ противостоять этому свѣту. Въ домѣ Дикого поселился Борисъ, человѣкъ образованный, мягкій и деликатный. Его то и полюбила Катерина. Но идеальная честность, чувство долга сильно удерживали ее отъ нарушенія вѣрности мужу; въ его присутствіи находила она силу противиться влеченію. Но Тихонъ недальновиденъ, онъ не видитъ, что происходитъ въ душѣ жены и, несмотря на ея просьбы, уѣзжаетъ одинъ. Катерина, изнемогая въ душевной борьбѣ, боится отсутствія мужа. Но вотъ Тихонъ уѣхалъ, и Катерина, предоставленная самой себѣ, измѣняетъ ему. Но этотъ вымученный, случайный грѣхъ, вызванный тяжелыми условіями жизни, такъ какъ нѣжная ея душа искала любви, взаимности и не находила ея не только въ мужѣ, но и вообще въ его семьѣ, заставляетъ глубоко страдать Катерину. Ожидаемая гроза превратилась въ реальную муку: раскаяніе, необходимость скрывать свою измѣну, мучительное сознаніе лжи, отчаяніе при мысли о томъ, что ожидаетъ ее за гробомъ, отравляютъ и безъ того невеселую жизнь Катерины.

Для нея гроза заключается въ мученіяхъ ея чуткой совѣсти, и она, пораженная видѣнной во время грозы въ разрушенной часовнѣ картиной „гіенны огненной“, всенародно кается въ своей винѣ.

Окружающій міръ, конечно, не могъ оцѣнить ея благородной рѣшимости и сталъ мучить ее, какъ преступницу. Борисъ былъ отправленъ дядею въ Сибирь, а Катерина, измученная преслѣдованіями Кабанихи, бросается въ Волгу. Міръ самодурства, такимъ образомъ, получилъ удовлетвореніе — онъ уничтожилъ людей, которые посмѣли нарушить его завѣты. Но и Кабаниха и Дикой все-таки чѣмъ-то недовольны. Въ окружающей жизни они замѣчаютъ приближеніе какого-то новаго времени, новыхъ вліяній, они предугадываютъ приближеніе „грозы“ и тоскуютъ по старинѣ. „Что будетъ, когда старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять ужъ я и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего“,—говоритъ Ка-

баниха. Вмѣстѣ съ Ѳеклушей странницей признаетъ она, что „послѣднія времена“ приходятъ.

Дѣйствительно, времена мѣняются, гроза надходитъ; она заключается въ новыхъ вѣяніяхъ, въ духѣ свободы, въ просвѣщеніи, которое мало-по-малу проникаетъ во всѣ слои общества и измѣняетъ весь строй жизни. Самодуры смущены, недовольны и злобно вымещаютъ чувство страха передъ надвигающейся грозой на послѣднихъ, быть можетъ, жертвахъ — представителяхъ этой новой эпохи. Но если гроза, пронесшаяся надъ Катериной, сразивъ ее, явилась для нея въ тоже время искупающимъ средствомъ, то во всякомъ случаѣ гроза самодурства внушаетъ сторонникамъ темнаго царства страхъ, досаду и очень смутно въ душѣ шевелящееся сознаніе своей слабости передъ новыми вѣяніями.

Достоинство драмы „Гроза“.

По своимъ художественнымъ красотамъ, драма Островскаго „Гроза“ стоитъ на ряду съ лучшими классическими произведеніями русской литературы. Да оно и не удивительно, вся драма изобилуетъ одними достоинствами.

Прежде всего читателя (или зрителя) поражаетъ художественная обрисовка отдѣльныхъ лицъ, величественная въ своемъ невѣжествѣ картина „темнаго царства“, правдивость, полнота и законченность образовъ. Эта драма—сама жизнь! Но больше всего насъ поражаетъ типъ героини „Грозы“ — Катерины. „Увлеченіе страстной женщины, пишетъ объ ней И. А. Гончаровъ, и борьба съ долгомъ, паденіе, раскаяніе и тяжелое искупленіе вины — все это исполнено драматическаго интереса и ведено съ необычайнымъ искусствомъ и знаніемъ сердца“.

Національность содержанія въ драмѣ „Гроза“ составляетъ ея основную почву. На этой почвѣ стоитъ весь строй и смыслъ, вся сила и занимательность произведенія. Познакомившись ближе съ разбираемой драмой, мы убѣждаемся, что каждое лицо въ драмѣ является типичнымъ характеромъ, выхваченнымъ прямо изъ среды русской народной жизни. Всѣ лица, начиная съ Дикого, Кабанихи до странницы Ѳеклушки — вполнѣ націо-

нальны и, что всего замѣчательнѣе, здравствуютъ до настоящаго времени. Разсматривая портреты, выведенные Островскимъ въ „Грозѣ“, мы попадемъ какъ бы въ кругъ личностей, встрѣчающихся въ жизни на каждомъ шагу.

О внѣшней сторонѣ драмы не приходится много говорить—она безукоризненна: языкъ драмы художественно вѣрный, взятый изъ дѣйствительности. Читая „Грозу“, какъ-бы слышишь живую рѣчь, столь характерную въ мѣщанско-купеческой средѣ, которую прекрасно зналъ Островскій.

Драма „Гроза“ производитъ на читателя (или зрителя) сильное, но не безотрадное впечатлѣніе. Въ этой драмѣ чувствуется, что густой мракъ, которымъ окутано темное царство, уже заколыхался. Подуетъ свѣжій вѣтерокъ, туманъ разсѣется и благодатное солнышко согрѣетъ тѣ отдаленные уголки, куда „въ три года не доскачешь“. Просвѣщеніе, которое начинаетъ проникать въ далекіе Калиновы, несомнѣнно разрушитъ эти оплоты невѣжества.

„ВОСПИТАННИЦА“.

Въ комедіи „Воспитанница“ Островскій вводитъ читателя не въ кругъ купцовъ и мѣщанъ, какъ это мы наблюдали въ предшествующихъ произведеніяхъ, а раскрываетъ передъ нами картину изъ жизни благороднаго дворянства въ дореформенное время.

Оказывается, что и въ этомъ сословіи мало свѣтлаго, хорошаго. Да оно и понятно. Дѣло въ томъ, что причины, понижающія уровень нравственнаго и умственнаго развитія, были общія во всѣхъ общественныхъ слояхъ этого общества. Общій фонъ—невѣжество — всюду былъ одинаковъ. Недаромъ изображеніе этого мрачнаго періода у Островскаго, какого-бы сословія онъ ни касался, отличается такою жизненностью, яркостью и цѣльностью и, съ легкой руки Добролюбова, получило мѣткое и справедливое названіе „темнаго царства“. Самодуры всѣхъ видовъ и оттѣнковъ угнетаютъ, сокрушаютъ и уничтожаютъ

вокругъ себя все живое. Произволъ этихъ властелиновъ не разбираетъ ни пола, ни возраста—давитъ всѣхъ одинаково, но, разумѣется, отзывается чувствительнѣе на женщинахъ, какъ болѣе сабыхъ существахъ.

Положеніе женщины—трагическое; съ чисто внѣшней стороны ее давитъ всесокрушающая самодурная воля отца, мужа или брата, а между тѣмъ у нея негдѣ почерпнуть душевныхъ силъ, чтобы опереться на нихъ въ тяжкую минуту жизни. О развитіи и образованіи женщины никто не заботится, она лишена была живого нравственнаго развитія, вслѣдствіе чего мышленіе и духовный складъ ея извращались. А между тѣмъ мудрая народная пословица гласитъ: съ волками жить—по-волчьи выть", т. е. очень рѣдко кто можетъ сопротивляться вліянію окружающей среды. Часто мы видимъ, какъ сильныя натуры съ хорошими, чистыми задатками, теряютъ симпатичныя черты, развращаются и опускаются все ниже и ниже. Что же ожидать отъ натуръ слабыхъ и неразвитыхъ? Онѣ быстро пропитываются пороками той атмосфери, въ которой вращаются. Самый заразительный изъ этихъ пороковъ, безъ сомнѣнія, самодурство. Лишь только является возможность, забитыя личности всегда готовы занять освободившійся тронъ самодура. Даже замужнія женщины, гдѣ только могутъ, проявляютъ самодурство. Тѣ же изъ нихъ, которыя стали главами семействъ, не лучше мужчинъ-самодуровъ, а, пожалуй, еще хуже ихъ, вслѣдствіе мелочности. Своими постоянными придирками, дрязгами женщины-самодуры еще болѣе мучаютъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ мужчины.

Примѣромъ женщины-самодура можетъ служить помѣщица Уланбекова изъ комедіи „Воспитанница". Она обладаетъ огромнымъ состояніемъ (у нея 2,000 душъ крестьянъ) и постоянно живетъ въ своемъ родовомъ имѣніи, гдѣ во всей силѣ процвѣтаетъ крѣпостное право. Кругъ ея дѣятельности обширенъ, такъ какъ она помѣщица и притомъ помѣщица съ большими связами. Въ важныхъ случаяхъ Уланбекова обращается за помощью прямо къ губернатору, съ городничымъ же говоритъ, какъ съ подчиненнымъ, который обязанъ исполнять всѣ ея капризы. У помѣщицы домъ — полная чаша, много крѣпостныхъ приживалокъ и воспитанницъ. Всѣ должны

слушаться ея, а между тѣмъ произволъ ея не знаетъ границъ и подчасъ ломаетъ жизнь подвластныхъ ей людей. Эта самодуръ-женщина больна какой-то маніей пристраивать своихъ воспитанницъ, т. е. выдавать ихъ замужъ за мелкихъ чиновниковъ, купцовъ или мѣщанъ. Въ этомъ бы не было ничего дурного, если бы Уланбекова хоть сколько-нибудь считалась съ желаніемъ обѣихъ сторонъ, но все несчастье въ томъ, что это ее не интересуетъ. Вздумалось ей обвѣнчать молодыхъ людей и конецъ, все должно быть такъ, какъ ей хочется. „Я не люблю, когда разсуждаютъ. Я смолоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались". И никто не смѣетъ ей перечить.

„Пожелали онѣ — разсказываетъ дворецкій Потапычъ, — одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человѣкъ неполированный, вздумалъ было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится да я и жениться-то не хочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались и отпу-протопопу: ну, и уламали дурака". О любви же въ данныхъ бракахъ нечего и думать, такъ какъ чиновники, „всѣ льстятся на нашихъ воспитанницъ, потому что барыня сейчасъ свою протекцію оказываютъ". Послѣ же замужества воспитанницамъ часто солоно приходится.

Но самое ужасное въ помѣщицѣ то, что она увѣрена въ своей правотѣ, а окружающіе не смѣютъ ей противиться. Она барыня-дворянка, человѣкъ высшаго сословія, такъ развѣ смѣетъ кто-нибудь ослушаться ея приказанія? Хочешь, не хочешь, женись, выходи замужъ, а то плохо будетъ. При той же власти, которою была облечена Уланбекова, сватовство улаживалось очень быстро. „Скажетъ—повѣствуетъ дворецкій какъ пристраиваетъ помѣщица своихъ воспитанницъ замужъ—я тебѣ нашла жениха... тогда-то свадьба", ну и конецъ, разговаривать ни одна не смѣй. А бываетъ и такъ, что женихъ невѣстѣ не нравится, и невѣста жениху, такъ тутъ ужъ очень гнѣваются... такъ даже изъ себя выходятъ.

Въ разбираемой комедіи предъ нами яркій примѣръ такого сватовства. За одного изъ крестниковъ Уланбековой проситъ дядя, чтобы крестная его остепенила, женила на одной изъ своихъ воспитанницъ. Помѣщица не интересуется тѣмъ,

что Неглигентовъ пьяница; она забываетъ даже о своей привязанности къ Надѣ; ей взбрела въ голову мысль ихъ обвѣнчать и никакія возраженія не помогутъ. На замѣчаніе Нади: „Чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?“ Уланбекова съ удивленіемъ возражаетъ: „И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ“. Однако Неглигентовъ по настоянію дяди является поблагодарить Уланбекову за „благодѣяніе“ въ нетрезвомъ видѣ. Это возмущаетъ помѣщицу, какъ неуваженіе къ ея особѣ: „Ужъ если онъ подверженъ этой слабости, такъ, по крайней мѣрѣ, старался бы скрыть ее отъ меня. Пей онъ тамъ, гдѣ хочетъ, да чтобъ я-то не видѣла! Я бы тогда знала, по крайней мѣрѣ, что онъ меня уважаетъ. Какое невѣжество! Какая дерзость! Кого онъ побоится, если не боится меня?“ Какъ, чтобы какой нибудь приказный смѣлъ являться въ нетрезвомъ видѣ предъ ея барскія очи! Нѣтъ, это возмутительно и Уланбекова отдаетъ приказаніе горничной: „Лиза! поди скажи Надеждѣ, чтобъ не плакала, что я прогнала ея жениха“. Когда же приживалка Василиса Пелегриновна разсказываетъ Уланбековой, что видѣла, какъ Надя съ горничною, вопреки ея барскаго приказа, гуляетъ по ночамъ въ саду, помѣщица снова измѣняетъ свое рѣшеніе: „Надежда! Василиса Пелегриновна говоритъ, что видѣла тебя съ бариномъ нынче ночью въ саду. Правда ли? Ты молчишь, значитъ правда. Ну, ужъ теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпѣть въ своемъ домѣ не хочу. Прогнать мнѣ тебя, чтобы ты шлялась вездѣ, я не могу: это на моей совѣсти останется. Я должна тебя отдать замужъ. (*Потапычу*). Послать въ городъ и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорѣе, какъ можно“. Надя бросается на колѣни и проситъ не ломать ея жизни, но Уланбекова непреклонна: „Это вздоръ! Что я сказала, то свято! Да и что за сцены такія? Ты развѣ не видишь, что я нездорова. Еще разстраивать меня! Потапычъ! У нея отца нѣтъ, ты ей будь вмѣсто отца, внуши ей по-отечески, какъ гнусно ея поведеніе, и что она должна исполнять мои приказанія“. А между тѣмъ развѣ виновата Надя въ своемъ поступкѣ? На одну минуту она забыла приказъ барыни, послушалась голоса своего чувства и за это должна жестоко поплатиться, такъ

какъ заступиться за нее некому. Виновникъ ночной прогулки, сынъ помѣщицы—Леонидъ, слишкомъ молодъ и слабъ характеромъ, чтобы помочь Надѣ. Когда разыгрывается исторія, онъ предпочитаетъ улетучиться изъ дому: „А, въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю“.

Будущій властелинъ 2,000 живыхъ рабовъ еще не смѣетъ настоять на своемъ желаніи, такъ какъ еще не настало его время... пока владычествуетъ мать. Другія же окружающія Уланбекову лица, въ родѣ приживалки Василисы Пелегриновны съ „подлымъ языкомъ“, чувствуя, что любимица барини начинаетъ терять почву подъ ногами, постараются еще ухудшить ея положеніе, но не помочь. Уланбекова можетъ быть увѣрена, что ея желаніе будетъ исполнено и Неглигентовъ обвѣнчается съ Надей!...

„Доходное мѣсто“.

Общія замѣчанія.

Отецъ Островскаго былъ однимъ изъ тѣхъ стряпчихъ, которые вели дѣла замоскворѣцкаго купечества. Самъ драматургъ, оставивъ университетъ, двадцатилѣтнимъ юношей поступилъ на службу мелкимъ канцелярскимъ чиновникомъ въ московскій Совѣстный Судъ. Черезъ два года мы находимъ его на службѣ въ „словесномъ столѣ“ московскаго коммерческаго суда, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе дѣлъ о торговой несостоятельности. Такимъ образомъ, впечатлѣнія дѣтства, а затѣмъ служба въ дореформенныхъ судебныхъ учрежденіяхъ послужили прекрасной подготовительной школой для ознакомленія драматурга съ жизнью не только купечества, но и чиновниковъ.

Уже въ первыхъ быговыхъ комедіяхъ Островскій неоднократно выводилъ представителей стараго чиновничества, какъ напримѣръ Сысой Псоича Рисположенскаго („Свои люди—сочтемся“), Добротворскаго и Беневоленскаго (Бѣдная невѣста”).

Но всего полнѣе и ярче типы дореформенной бюрократіи обрисованы въ комедіи „Доходное мѣсто“.

Комедія эта была написана въ 1856 году, когда послѣ Севастопольской кампаніи, русское общество начинало пробуждаться отъ своего тяжкаго и долгаго сна, когда въ русскомъ обществѣ стало распространяться живое сознаніе крупныхъ недостатковъ въ различныхъ областяхъ государственной жизни и чувствовалась необходимость коренныхъ реформъ. Старый чиновническій міръ былъ одною изъ тѣхъ язвъ, которыми такъ мучилась дореформенная Россія. Вскрыть эту рану пытались многіе писатели, какъ напримѣръ Щедринъ, гр. Соллогубъ, Некрасовъ и др.

Въ своей пьесѣ „Доходное мѣсто“ Островскій выводитъ типы стараго, дореформеннаго чиновничества, какъ высшихъ, такъ и низшихъ ступеней бюрократической лѣстницы. Всѣ эти герои вполнѣ живыя, яркія фигуры. Въ ихъ изображеніи сказалось замѣчательное умѣнье Островскаго показать зрителямъ выведенныя имъ лица съ человѣческой, а не съ юридической стороны, какъ это указалъ Добролюбовъ. Островскій умѣлъ „заглянуть въ самую душу своихъ героевъ, передать ихъ логику, ихъ взглядъ на вещи, ввести читателя и зрителя въ ихъ домашній бытъ“.

Содержаніе комедіи „Доходное мѣсто“.

Дѣйствіе первое происходитъ въ богато меблированной комнатѣ важнаго чиновника Вышневскаго.

Аристархъ Владимировичъ Вышневскій, одряхлѣвшій лысый старикъ, уже пять лѣтъ женатъ на молодой и красивой женщинѣ, Аннѣ Павловнѣ, но никакъ не можетъ добиться расположенія своей супруги. Въ матеріальномъ отношеніи Вышневскій обставилъ супругу очень хорошо: у нея масса бриллiантовъ, одѣвается она въ шелкъ, бархатъ и соболя; наконецъ, мужъ подарилъ ей „подмосковную“ деревню. Но видно, не все можно купить за деньги: Анна Павловна по прежнему относится равнодушно къ мужу и это его мучаетъ; холодность жены сводитъ съ ума Вышневскаго, а вѣдь ради пріобрѣтенія денегъ, онъ „рискнулъ болѣе, нежели позволяло благоразуміе“. Когда

на послѣднее обстоятельство намекаетъ Вышневскій, супруга умоляетъ его не дѣлать ее участницей поступковъ, „если они не совсѣмъ честны“. „Я уже передъ своею совѣстью не хочу отвѣчать за ваше поведеніе“. Однако мужъ настойчивъ: „чтобы только купить вашу любовь, я готовъ заплатить безчестіемъ”— говоритъ онъ и опускается на колѣни передъ женою. Но все напрасно — жена „не умѣетъ притворяться и расположенія къ нему не питаетъ“.

Вышневскій готовится къ пріему своихъ подчиненныхъ. Между тѣмъ Аннѣ Павловнѣ подаютъ письмо. Послѣднее оказывается любовнымъ посланіемъ отъ какого-то неизвѣстнаго человѣка. „Пошлости“ и „глупыя нѣжности” возмущаютъ Вышневскую, и сначала она намѣрена отослать его обратно, а затѣмъ рѣшаетъ показать его кое-кому изъ знакомыхъ, да посмѣяться вмѣстѣ, „все таки развлеченіе...“

По уходѣ ея является съ докладомъ Юсовъ, помощникъ Вышневскаго, а затѣмъ Бѣлогубовъ, молодой чиновникъ, подчиненный Юсова. Выходя изъ кабинета начальника, Юсовъ приказываетъ Бѣлогубову переписать какую-то важную бумагу почище да пограмотнѣй. Лучше всего, совѣтуетъ Юсовъ, „напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужъ съ этого и пиши“. Бѣлогубовъ охотно готовъ слѣдовать совѣту Юсова, такъ какъ его безграмотность служитъ постоянно объектомъ насмѣшекъ Жадова. Послѣдній хотя еще молодой чиновникъ, но какъ племянникъ Вышневскаго, считаетъ себя выше окружающей чиновничьей среды и можетъ сдѣлать карьеру. Держитъ себя онъ въ высшей степени независимо, вслѣдствіе чего сослуживцы относятся къ нему враждебно. Между тѣмъ Бѣлогубовъ, желая получить освободившуюся должность столоначальника, проситъ Юсова замолвить за него слово. Мѣсто ему это необходимо, такъ какъ онъ думаетъ жениться и у него есть на примѣтѣ невѣста, по его словамъ, „отлично образованная-съ“. Въ это время входитъ Жадовъ, которому очень нужно повидаться съ дядей Вышневскимъ, но Юсовъ его предупреждаетъ, „что его превосходительство занятъ болѣе важными дѣлами“. Жадовъ считаетъ себя обиженнымъ. Когда-же слуга приглашаетъ Юсова въ кабинетъ начальника, то Жадовъ велитъ слугѣ доложить, что и ему хотѣлось-бы повидаться по-

скорѣе съ дядей. Жадовъ отлично понимаетъ отношеніе сослуживцевъ, особенно Юсова, къ себѣ, но думаетъ: „что же онъ мнѣ сдѣлаетъ, коли я буду себя вести хорошо? А вотъ какъ вакансія откроется, такъ, пожалуй, мѣстомъ и обойдутъ. Отъ нихъ станется“.

Входитъ Вышневская и ласково привѣтствуетъ Жадова, который, очевидно, относится къ ней въ высшей степени довѣрчиво. Онъ сейчасъ-же начинаетъ съ ней дѣлиться „новостью” — т. е. открываетъ, что хочетъ жениться на дѣвушкѣ, которую горячо любитъ. Правда, невѣста также бѣдна, какъ и Жадовъ, но молодой человѣкъ полонъ увѣренности въ свои силы: „а голова-то, а руки-то на что?“ Далѣе онъ припоминаетъ теткѣ слѣдующее. „Помните нашъ разговоръ съ дядей? Что ни скажешь, бывало, противъ взятокъ или вообще всякой неправды, у него одинъ отвѣтъ: „поди-ка, поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще не одинъ, а съ молодой женой...“ А если и случится даже нѣкоторое время перенести нужду, продолжаетъ Жадовъ, такъ, вѣроятно, Полинька изъ любви ко мнѣ не покажетъ и вида неудовольствія“. Съ дядей же онъ хочетъ увидѣться, чтобы попросить увеличенія оклада...

Кстати выходитъ Вышневскій въ сопровожденіи Юсова и, видя племянника, сейчасъ же ему замѣчаетъ, что онъ лѣнится, на службу рѣдко ходитъ. Жадовъ же возражаетъ, что ему не даютъ дѣла, а переписывать бумаги онъ не станетъ: „нѣтъ ужъ, я слуга покорный!“ Изъ дальнѣйшаго разговора оказывается, что Вышневскій и Жадовъ держатся совершенно противоположныхъ взглядовъ на бракъ и на жизнь. Вышневскій, обращаясь къ благоразумію Жадова говоритъ: „Вотъ, что я тебѣ совѣтую въ послѣдній разъ: укроти немного свой характеръ, брось завиральныя идеи, глупо, право; служи, какъ служатъ всѣ порядочные люди, то есть, гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебѣ помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей. Ты ужъ не маленькій—жениться собираешься“. Когда же Жадовъ проситъ назначенія на открывшуюся вакансію, Вышневскій отказываетъ, приводя различныя причины, а затѣмъ откровенно заявляетъ: „всѣ отношенія къ тебѣ, кромѣ начальническихъ, ты можешь считать совершенно

конченными“ и уходитъ. Юсовъ же, со своей стороны, совѣ туетъ Жадову лучше слушаться дяди. „Этого человѣка вамъ слушать надобно было, разиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите!“ Но Жадовъ увѣренъ въ своей правотѣ: „Да, разговаривайте. Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ... Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистой совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни на какія деньги”.

По его уходѣ, появляется Вышневскій и узнаетъ отъ Юсова, что племянникъ думаетъ жениться на дочери вдовы Кукушкиной, а Бѣлогубовъ — на младшей сестрѣ. „Ну, Бѣлогубовъ, говоритъ Вышневскій — другое дѣло. Во всякомъ случаѣ ты къ ней съѣзди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака“.

Дѣйствіе второе происходитъ въ домѣ Кукушкиной. Горничная Стеша любуется барышнями Полиной и Юленькой, которыя, въ ожиданіи прихода жениховъ, такъ нарядно одѣлись, что „генералу какому не стыдно показать!“

Молодымъ дѣвушкамъ, видно, тяжело приходится въ домѣ матери: „муштруетъ, муштруетъ, какъ солдатъ на ученьи“ и они бы рады были поскорѣе выйти замужъ. Полинька любитъ своего жениха—Жадова. Юлинька же о Бѣлогубовѣ отзывается, какъ о „дряни ужасной“, но рада хоть за него выйти только бы изъ дому-то вырваться. Полинька разсказываетъ, что Жадовъ старается ей разъяснить, „какое назначеніе женщины въ обществѣ? Про какія-то гражданскія добродѣтели говоритъ“. Юлинька-же говоритъ о Бѣлогубовѣ, что онъ „надежды подаетъ большія: „Я, говоритъ, хоть и необразованный человѣкъ, да у меня много дѣлъ съ купцами-съ: такъ я вамъ буду изъ города шелковыя и разныя матеріи возить и насчетъ провіанту все будетъ-съ“. Юлинька находитъ, что это очень подходящая партія: „Тутъ и думать нечего, за такого человѣка надо идти“.

Между тѣмъ входитъ довольная Кукушкина: „у меня чистота, у меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! и вступаетъ съ

дочерьми въ серьезный разговоръ: „Доходовъ у меня нѣтъ ниоткуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти... Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлки, а для себя перекрашиваю, да перекраиваю изъ стараго... Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть“. Далѣе маменька поучаетъ своихъ дочекъ, какъ въ будущемъ онѣ должны вести себя по отношенію къ своимъ мужьямъ.

Вскорѣ появляются Юсовъ и Бѣлогубовъ. Кукушкина весьма радушно встрѣчаетъ гостей. Когда Юлинька съ Бѣлогубовымъ уходятъ въ сосѣднюю комнату, Кукушкина жалуется Юсову, что „одного не достаетъ молодому человѣку — мѣста, говоритъ, нѣтъ хорошаго. А вѣдь жаль, Акимъ Акимычъ! Такой прекрасный молодой человѣкъ, такъ влюбленъ“. „Я уже объ немъ докладывалъ нашему генералу, успокаиваетъ Юсовъ. А генералъ весь въ моихъ рукахъ: что я скажу, то и будетъ. Мы его сдѣлаемъ столоначальникомъ“. О Жадовѣ же онъ отзывается, какъ о человѣкѣ не благонадежномъ, такъ такъ онъ грубъ съ начальствомъ, „высокомѣріе сверхъ границъ... и даже такія мысли... развращаютъ юношество...“

Является и опоздавшій Жадовъ и молодые люди дѣлятся на пары. Этимъ довольна Какушкина и указываетъ Юсову: „Посмотрите, точно голуби воркуютъ. Не мѣшайте имъ. Трогательно видѣть!“

Наконецъ Жадовъ проситъ у Кукушкиной отдать ему Полиньку. „Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело съ ней разстаться, отвѣчаетъ нѣжная мамаша. Это любимая моя дочь... она была бы мнѣ утѣшеніемъ на старости... Но Богъ съ ней, возьмите ее... ея счастье для меня дороже“.

Дѣйствіе третье происходитъ въ трактирѣ. За чаемъ сидитъ Жадомъ съ Мыкинымъ.

Обоимъ пріятелямъ тяжело живется. Мыкинъ зарабатываетъ уроками рублей двѣсти и, какъ холостой, сводитъ концы съ концами. Жадовъ женатъ, работаетъ съ утра до ночи и жить бы можно, но жена все-таки „дуется немного, а иногда

плачетъ". А вѣдь когда-то онъ мечталъ воспитать жену въ „нашихъ убѣжденіяхъ", но воспитывать некогда и приняться за дѣло трудно.

Въ это время въ трактиръ вламывается компанія чиновниковъ: Досужевъ, Юсовъ, Бѣлогубовъ и еще два чиновника. Бѣлогубовъ угощаетъ гостей, приглашаетъ и Жадова присоединиться къ ихъ компаніи, но послѣдній рѣшительно отказывается отъ этой чести, ссылаясь на то, что не пьетъ. Во время попойки Бѣлогубовъ разсказываетъ, какую сумму онъ „зацѣпилъ" и съ благоговѣніемъ благодаритъ Юсова, которому онъ много обязанъ за науку ловко брать взятки. Бѣлогубовъ приказываетъ подать шампанское, наливая рюмку обращается къ Жадову: „Братецъ, вы на меня напрасно претензію имѣете. Бросимьте, братецъ, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значитъ-съ. Будемъ жить по родственному". На замѣчаніе же Жадова, что сойтись имъ нельзя, вслѣдствіе разницъ взглядовъ, Бѣлогубовъ возражаетъ: „Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь въ счастьи, а вы въ бѣдномъ положеніи. Что же, я не горжусь. Вѣдь это какъ кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть вамъ деньги нужны, не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженіе не сочту. Что за счеты между родными!" Отъ денегъ Жадовъ съ гордостью отказывается и компанія вскорѣ расходится. Остаются Досужевъ съ Жадовымъ и понемногу вступаютъ въ разговоръ. „Во-первыхъ, повѣствуетъ Досужевъ — я веселый человѣкъ, а, во-вторыхъ,—замѣчательный юристъ. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу—душа не переноситъ, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ купцамъ слезныя прошенія писать". „Много надо силы душевной—продолжаетъ онъ—чтобы съ нихъ взятокъ не брать. Надъ честнымъ же чиновникомъ они сами же смѣяться будутъ; унижать готовы—это имъ не съ руки". „Все это ново для меня—невольно вырывается у Жадова,—что я отъ васъ слышу. Мнѣ тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало! Зачѣмъ же насъ учили!" Между тѣмъ Досужевъ прощается и совѣтуетъ Жадову: „Можетъ быть, съ моей легкой руки, выпьешь, такъ вина не пей, а пей водку. Вино намъ не по кар-

ману, а водка братъ, лучше всего: и горе забудешь и дешево! Adieu!“

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Жадовыхъ.

Полинькѣ скучно, она не знаетъ чѣмъ заполнить время. Входитъ шикарно одѣтая Юлинька. Она счастлива, живетъ весело, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ и заявляетъ сестрѣ, что деньги и хорошая жизнь вполнѣ облагораживаютъ человѣка: хозяйствомъ она не занимается, а все время возится съ туалетами. Полинѣ же она совѣтуетъ попробовать ссориться съ мужемъ и попугать его отъѣздомъ къ маменькѣ, если ихъ матеріальное положеніе не улучшится, а пока она принесла ей новую шляпу и немного денегъ. „У насъ теперь есть средства, такъ что мы рѣшились другимъ благодѣтельствовать“.

По уходѣ Юлиньки появляется Какушкина, которая сразу заявляетъ: „Мерзко мнѣ, сударыня, мерзко бывать у васъ. Да такъ ужъ мимо шла, такъ зашла къ тебѣ. Нищенство, бѣдность... фу... я этого видѣть не могу!“ Во всемъ она винитъ Полину, которая не умѣетъ хорошенько взяться за мужа, — мужьямъ нельзя ни въ чемъ уступать и затѣмъ она рисуетъ передъ Полиной богатую и сытую жизнь Юлиньки.

Является усталый Жадовъ; ему непріятно, что жена сидитъ. За нее вступается маменька, говоря, что Полинька вовсе не для работы воспитана и постепенно начинаетъ нападать на зятя, требуя отъ него отчета, за что страдаетъ ея дочь. Сначала Жадовъ сдержанъ, но слова тещи его все болѣе раздражаютъ и, въ концѣ концовъ, онъ прогоняетъ Кукушкину, такъ какъ ея слова Полиньку „вовсе съ толку сбиваютъ“. Жадовъ проситъ жену не ходить болѣе ни къ матери, ни къ Бѣлогубовымъ. „У нихъ у всѣхъ такія понятія“. Полинька же отказывается „родню бросить“, вѣдь человѣкъ созданъ для общества и она желаетъ жить, какъ люди живутъ, какъ Юлинька, а не какъ нищіе. „На какія же средства намъ такъ жить?“— спрашиваетъ Жадовъ. „А мнѣ что за дѣло! Кто любитъ, тотъ найдетъ средства!“ Вотъ сестра, разсказываетъ она, сжалилась надъ нею и принесла ей новую шляпу. Видя, что жена не намѣрена его послушаться, Жадовъ объявляетъ ей, что самъ вы-

броситъ шляпу за окно и запрещаетъ принимать отъ сестры какіе бы то ни было подарки. Полина возражаетъ, что она уйдетъ совсѣмъ, такъ какъ жить въ бѣдности больше не желаетъ. Когда она уходитъ, Жадовъ посылаетъ за ней прислугу и Полина возвращается. Миръ возстановляется подъ условіемъ, что Жадовъ помирится съ дядей, попроситъ у него „доходное мѣсто“ и денегъ. „Вѣдь я тебя люблю—говоритъ Жадовъ — я для тебя готовъ на все на свѣтѣ... Но что ты мнѣ предлагаешь!... Ужасно!... Нѣтъ, надо подумать“. Онъ долго не можетъ рѣшиться на подлость, но любовь беретъ верхъ: „Пойдемъ къ дядюшкѣ просить доходнаго мѣста!“—съ горечью восклицаетъ онъ, надѣваетъ небрежно шляпу и отправляется вмѣстѣ съ женой.

Дѣйствіе пятое—въ квартирѣ Вышневскихъ. Вышневская читаетъ письмо отъ одного лица, которое любило ее, но подвергалось насмѣшкѣ, благодаря ей. Пишущее лицо напоминаетъ Вышневской, что онъ между бумагами Любимова нашелъ ея нѣсколько писемъ, которыя онъ согласился бы отдать ей, если бы она рѣшилась одолѣть свою гордость, но теперь онъ пересылаетъ эти письма ея мужу. „По крайней мѣрѣ — рѣшаетъ Вышневская — я объяснюсь съ мужемъ. Мнѣ даже хочется этого объясненія. Онъ увидитъ, что если я виновата передъ нимъ, то онъ еще болѣе виноватъ передо мной. Онъ убилъ всю мою жизнь“.

Въ это время входитъ Юсовъ и въ ужасѣ говоритъ, что ихъ всѣхъ отдаютъ подъ судъ, такъ какъ „открылись... упущенія, недочеты суммъ и разныя злоупотребленія“.

Входитъ Вышневскій, который сильно измѣнился на лицѣ. Жена посылаетъ за докторомъ. „Съ нимъ давеча въ присутствіи дурно сдѣлалось“,—добавляетъ Юсовъ. Вышневская хотѣла бы успокоить мужа, но онъ ея слова считаетъ лицемѣріемъ, ложью, подлостью! Свое несчастіе по службѣ Вышневскій всецѣло приписываетъ зависти враговъ, жену же обзываетъ „развратною женщиной“, бросаетъ ей конвертъ съ письмами и говоритъ, что такую женщину слѣдовало-бы выгнать съ позоромъ. Жена во всемъ винитъ мужа, мужъ не понимаетъ жены. Какъ разъ входятъ Жадовы. Жадовъ извиняется передъ дядей, проситъ про-

текціи, мѣста, „гдѣ бы я... могъ (тихо) пріобрѣсть что-нибудь“. „Подоходнѣе“—добавляетъ Полина. Вышневскій съ злорадствомъ вспоминаетъ его прежнія гордыя рѣчи и добавляетъ: „Насъ отдаютъ подъ судъ...“ Эти слова какъ бы просвѣтляютъ Жадова: „Но довольно одного урока, хоть такого, какъ теперь... Я не знаю, куда дѣться отъ стыда... Да, мнѣ стыдно, стыдно, что я у васъ. Пойду,—продолжаетъ онъ — Полина, теперь ты можешь итти къ маменькѣ; я тебя держать не стану. Ужъ теперь я не измѣню себѣ“. „Ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу тебя оставить?—спрашиваетъ Полина. Это я нарочно. Меня научили“. Вышневская уговариваетъ ихъ помириться и супруги мирятся. Между тѣмъ съ Вышневскимъ дѣлается ударъ.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Аристархъ Владимировичъ Вышневскій.

Дореформенное чиновничество имѣетъ въ комедіи трехъ представителей, которые стоятъ на различныхъ ступеняхъ служебной карьеры. Аристархъ Владимировичъ Вышневскій уже занимаетъ высокій постъ; его правая рука, Юсовъ, стоитъ нѣсколько ниже, а начинающій карьеру незначительный департаментскій чиновникъ Бѣлогубовъ едва взобрался на первыя ступени. Они различны и по возрасту, и по своему служебному положенію, но у нихъ есть одна общая черта: на службу они смотрятъ „съ практической точки зрѣнія“. Къ взяточничеству и казнокрадству они такъ привыкли, такъ съ нимъ сроднились, что даже не стѣсняются говорить о „доходныхъ мѣстахъ“, т. е. о такихъ, гдѣ всего легче прибѣгать къ взяткамъ или пользоваться хищеніемъ казенныхъ денегъ.

Вышневскій, напримѣръ, не стыдится разсуждать на эту тему со своимъ племянникомъ Жадовымъ, а между тѣмъ онъ лично знаетъ, что тотъ не раздѣляетъ его мнѣнія. Онъ совѣтуетъ ему „бросить завиральныя идеи“, а служить, какъ „служатъ всѣ порядочные люди“, т. е. „смотрѣть на жизнь и на службу практически“ и обѣщаетъ въ такомъ случаѣ „помочь

и совѣтомъ, и деньгами и протекціей". Какъ человѣкъ образованный, онъ отлично сознаетъ противозаконность и безнравственность своего образа дѣйствій, но ни мало не смущается этимъ. Онъ не боится общественнаго мнѣнія, такъ какъ отлично знаетъ, что оно будетъ на его сторонѣ. Когда же Жадовъ отказывается отъ протекціи дяди, думая найти протекцію въ общественномъ мнѣніи, тотъ съ ироніей говоритъ: „Да, дожидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ — не воръ. Какое дѣло обществу, на какія доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку... Я служилъ въ губернскихъ городахъ; тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ, знаютъ, что каждый имѣетъ, чѣмъ живетъ, слѣдовательно, легче можетъ составиться общественное мнѣніе. Нѣтъ, люди—вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большой семьей, и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки, и тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника за то, что онъ жилъ открыто и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера".

Но чтобы ловко обдѣлывать свои „дѣла", Вышневскій, понятно, долженъ хорошо знать всю формальную сторону службы. Юсовъ, напримѣръ, отзывается, что онъ „геній, Наполеонъ, ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ" и только высказываетъ сожалѣніе, что онъ „въ законахъ не совсѣмъ твердъ; изъ другого вѣдомства".

Вышневскій не совѣтуетъ Жадову жениться на бѣдной дѣвушкѣ. „Ты обязанъ, говоритъ онъ, прилично содержать жену, платить ей за любовь подарками, довольствомъ, роскошью". На любовь и семью, на взаимныя отношенія мужа и жены Вышневскій смотритъ цинично-грубо и даже злобно. Ему вовсе не приходитъ въ голову спросить себя, правъ ли онъ передъ ней. „Не для васъ ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ?—говоритъ онъ,—не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, что ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ?" А между тѣмъ, женясь, онъ зналъ, что жена его не

любитъ. Да впрочемъ, онъ и не искалъ любви въ возвышенномъ смыслѣ этого слова; онъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, какъ волокита и сатиръ, онъ видѣлъ ея отвращеніе къ себѣ, но купилъ ее за деньги у родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ и покупку свою прикрылъ бракомъ — „иначе нельзя было: родные не согласились бы". Видя же ея холодность послѣ замужества, онъ проситъ ее хоть притвориться любящей: поддѣлка или правда, для него разница не очень велика.

Спокойная жизнь Вышневскаго нарушается подчасъ непріятными встрѣчами, въ родѣ встрѣчи съ Любимовымъ, молодымъ человѣкомъ, который открыто и честно говорилъ въ обществѣ противъ неправды, обличая зло въ глаза, и котораго, за его умъ и чистоту полюбила Вышневская. Но при подобныхъ столкновеніяхъ Аристархъ Владимировичъ раздѣлывается смѣло и безпощадно, не стѣсняясь совѣстью, и тому подобными „предразсудками". Клеветой, обвиненіями въ вольнодумствѣ и доносами онъ погубилъ Любимова. Покончивъ такъ безцеремонно со своими противниками, Вышневскій долженъ былъ-бы быть спокоенъ, но все его горе въ томъ, что въ глубинѣ души его грызетъ червь сомнѣнія и страха. Въ концѣ комедіи онъ, въ порывѣ отчаянія и самодовольной злобы, внезапно объ этомъ проговаривается Жадову, когда тотъ пришелъ просить „доходнаго мѣста". Онъ смѣется надъ племянникомъ, который малодушно отрекается отъ завиральныхъ идей, и при этомъ признается ему, что прежде вѣрилъ правдѣ его обличеній и предсказаній: „Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавидѣлъ, я васъ боялся. Да, не шутя. И что жа оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нечего сказать!... Нѣтъ, вы не стоите ненависти — я васъ презираю!"

Выраженіе „я васъ презираю!" доказываетъ, что Вышневскій нѣсколько успокоился, но успокоеніе не надежно... Когда Жадовъ очнулся отъ минутнаго помраченія ума и совѣсти и снова вернулся къ прежнему идеалу добра и правды,—и къ Вышневскому вернулись его страхъ и сомнѣнія. Онъ прогоняетъ Жадова, кричитъ ему: „я задушу тебя своими руками" и падаетъ безъ чувствъ. Пораженный нравственно, онъ пора-

женъ и физически. Самолюбіе заставляетъ Вышневскаго до конца не выдавать себя: отданный подъ судъ, онъ не хочетъ сознаться, что пострадалъ за взятки, а все сваливаетъ на интриги, зависть враговъ. Но здѣсь онъ просто лицемѣритъ изъ самолюбія и упрямства. Человѣкъ умный и сознательный, онъ, конечно, отлично понимаетъ, что въ жизни могутъ восторжествовать и свѣтлыя начала.

Акимъ Акимовичъ Юсовъ.

Достойный помощникъ своего начальника Вышневскаго, онъ прошелъ длинный и тяжелый путь прежней чиновничьей службы и всецѣло проникнутъ традиціями стараго чиновничества. Съ раннихъ лѣтъ запрягся онъ въ чиновничье ярмо и понемногу пробирается все выше, совершенствуясь въ искусствѣ прятать въ воду концы своихъ беззаконныхъ поступковъ. „Меня,—говоритъ онъ о своемъ прошломъ — давно ужъ это было, привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатишкѣ, только что грамотѣ зналъ—читать да писать... Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя комиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья, и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумаги, и писалъ то и не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ въ люди... Да-съ, имѣю три домика, хоть далеко, да это мнѣ не мѣшаетъ; лошадокъ держу четверо. Оно подальше-то лучше, и земли побольше и не такъ шумно, да и разговору меньше, пересуду“.

Но не легко досталось ему положеніе. Пришлось низко гнуть спину, чтобы пріобрѣсти благосклонность начальства, которымъ, главнымъ, образомъ, и обусловливается карьера чиновника. „Обратили—говоритъ онъ Бѣлогубову—на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили — что ты?“ Начальство для Юсова безусловный авторитетъ, а мелкій чиновникъ ничтожество. Поэтому онъ ужасно возмущается Жадовымъ, который осмѣливается спорить съ Вышневскимъ и держать себя съ достоинствомъ. Независимость Жадова онъ понимаетъ какъ „гордость, внушенную сознаніемъ своего умствен-

наго превосходства". „Особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то—говоритъ онъ.—Возмечтали очень. Предразсудкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзды хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше насъ грѣшныхъ, да и къ службѣ не такъ внимательны. У меня правило—всячески ихъ тѣснить для добра службы... потому что отъ нихъ вредъ". Къ простымъ-же людямъ у него „больше сердца лежитъ". „При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастье, выгонятъ изъ уѣзднаго училища, за неуспѣхи или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишенъ, всѣмъ обиженъ. Да и поди-то выходятъ... понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытая".

Ему нравятся чиновники, которые чувствуютъ „трепетъ" предъ начальствомъ и онъ съ сокрушеніемъ замѣчаетъ, что времена въ этомъ отношеніи перемѣнились значительно къ худшему, что ужъ теперь „нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, упадаетъ чиновничество—духу того нѣтъ". Ему дорога своеобразная чиновничья честность. Въ хабарахъ, взяткахъ онъ не видитъ ничего предосудительнаго, напротивъ, нѣчто естественное и даже законное. Поэтому онъ вполнѣ искренно возмущается какимъ-то мелкимъ писцомъ, который, взявъ съ просителя деньги, надулъ его, показавъ подложную бумагу. По его мнѣнію, такого чиновника надо выгнать изъ службы. „Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Бери по закону, живи такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Что за большимъ гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ".

Юсовъ представляетъ собою яркій типъ „добродушнаго взяточника". Такимъ-же обходительнымъ, добродушнымъ онъ является вообще. Со смиреннымъ самодовольствомъ Юсовъ любитъ пофилософствовать, что наживаться на службѣ считаетъ своимъ правомъ и потому совершенно спокоенъ душевно и смотритъ на самого себя, какъ на человѣка вполнѣ порядочнаго и достойнаго уваженія. Подкутивъ въ компаніи молодыхъ чиновниковъ, онъ пляшетъ подъ звуки трактирнаго органа на мотивъ „По улицѣ мостовой", а потомъ пускается на такія

идиллическія сентиментальныя разглагольствованія: „Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ—мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь; цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь; премудрость вижу во всемъ. Помню свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ ученыхъ. Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что еще сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а завтра самъ, можетъ быть, будешь воромъ. Почему мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся (показывая глазами на Жадова), что я плясалъ, а завтра, можетъ быть, хуже меня запляшешь. Можетъ быть (кивая головой на Жадова) и за подаяніемъ пойдешь и руку протянешь. Вотъ гордость до чего доводитъ. Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ спокойно! Я ничего не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: „сей человѣкъ пляшетъ — должно быть, душу имѣетъ чисту! и пойдетъ всякій по своему дѣлу“. Онъ своею прямою обязанностью считаетъ обезпечить семью и не брезгаетъ никакими крохами. „А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ. Молъ хоть мужикъ... я съ нимъ, какъ со своимъ братомъ... все равно ближній.

Онисимъ Панфилычъ Бѣлогубовъ.

Онисимъ Панфилычъ Бѣлогубовъ, которому покровительствуетъ Юсовъ, напоминаетъ всѣмъ складомъ своей души Молчалина („Горе отъ ума“). Подобно послѣднему, онъ всю свою карьеру основываетъ на угожденіи начальству. Въ этомъ онъ видитъ единственное средство выдвинуться изъ ряда прочихъ чиновниковъ. Онъ не имѣетъ никакого образованія, „грамоты не знаетъ“, по словамъ Юсова, писать правильно не можетъ. Бѣлогубовъ отлично понимаетъ свое ничтожество, и по-

тому мечтаетъ не о чинахъ и орденахъ, а о „доходномъ мѣстѣ“, гдѣ можно было бы хорошо поживиться. Упрашивая Юсова предоставить ему должность столоначальника, онъ между прочимъ говоритъ: „Мнѣ ужъ это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ“. Вслѣдствіе своей услужливости и почтительности ему удается двигаться довольно быстро по службѣ, благодаря покровительству своего начальника, который видитъ въ немъ человѣка своего лагеря и всячески его протежируетъ.

Какъ и Молчалинъ, Бѣлогубовъ „не смѣетъ свое сужденіе имѣть“. „О чемъ мы можемъ разсуждать? — спрашиваетъ онъ Юсова. Я, Акимъ Акимовичъ, никогда, никогда-съ... потому, это ни къ чему не ведетъ хорошему, окромя непріятности“. Также, какъ и Юсовъ онъ удивляется поведенію Жадова, осмѣливающагося спорить со своимъ дядей — сановникомъ и держащагося по отношенію къ нему съ достоинствомъ и независимостью. „Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимовичъ, что другой человѣкъ, съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владимировичу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка“. Въ независимости молодого человѣка онъ видитъ гордость и самомнѣніе, и съ наивнымъ изумленіемъ спрашиваетъ: „Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакого трепету передъ начальствомъ?“

Занимая еще незамѣтное мѣсто писца, онъ ухитряется получать отъ публики взятки, хотя бы въ видѣ матеріи на жилетъ, а когда при содѣйствіи Юсова, достигаетъ столоначальника, то беретъ уже не стѣсняясь. Онъ, подобно другимъ чиновникамъ, смотритъ на взятки, какъ на что-то вполнѣ нормальное, чуть-ли не законное. Онъ, не стѣсняясь, въ присутствіи сослуживцевъ и своего начальника Юсова, разсказываетъ о томъ, что ему удалось „зацѣпить“. Когда Бѣлогубову удается занять мѣсто столоначальника, онъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ. Онъ женится на пустой и легкомысленной дѣвушкѣ, насквозь пропитанной мѣщанскими вкусами, думающей исключительно о выѣздахъ и нарядахъ, становится счастливымъ мужемъ и заботливымъ хозяиномъ, покойно и прочно устраивающимъ свою жизнь. Бѣлогубовъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови стараго, дореформеннаго чиновничьяго міра.

Онъ самъ это сознаетъ и потому-то съ такою нѣжностью, почтительностью и любовью относится къ Юсову, „который вывелъ его въ люди“. „Кому-же я обязанъ?“—спрашиваетъ онъ на пирушкѣ послѣ того, какъ за одно дѣло удалось „ловко хватить“. „Развѣ я бы понималъ что, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой-бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ“.

Изображая Бѣлогубова со стороны отношенія его къ службѣ, Островскій рисуетъ душу этого представителя мелкаго чиновничества и внѣ его офиціальнаго положенія. Онъ очень удачно подмѣтилъ, что на ряду съ нечестнымъ отношеніемъ къ службѣ въ немъ не умерли чисто человѣческія черты, вслѣдствіе чего его образъ, подобно образу Юсова, вышелъ вполнѣ реаленъ и жизненъ. Они сами по себѣ не такіе уже скверные люди, какими они являются въ качествѣ общественныхъ дѣятелей. Бѣлогубовъ всячески старается обезпечить матеріально свою семью. Правда, все его благополучіе основано на взяткахъ, но Бѣлогубовъ даже не задается мыслью, хорошо-ли онъ поступаетъ. Онъ горячо любитъ свою пустенькую жену и заботится о ней, о ея прихотяхъ, онъ сердечно „по родственному” относится къ Жадову, любезно приглашаетъ его въ свою компанію, предлагаетъ ему занять денегъ и очень огорченъ и удивленъ, когда тотъ все это отвергаетъ.

Какъ Бѣлогубовъ такъ и Юсовъ не могутъ нести тяжелую отвѣтственность за свои поступки, такъ какъ „не вѣдаютъ, что творятъ“. Съ точки зрѣнія общественной этики, они безусловно глубоко отрицательное явленіе, но что еще хуже и печальнѣе это то, что они въ своемъ невѣжествѣ не понимаютъ всей преступности своего отношенія къ службѣ.

Василій Никопаевичъ Жадовъ.

Новое теченіе въ русскомъ чиновничествѣ, котораго такъ пугались старые „крючкотворы“ и взяточники, изображено Островскимъ въ лицѣ Жадова. Но драматургъ, на протяженіи всей

комедіи съ глубокой симпатіей относящійся къ своему герою, не ставитъ, однако, его на пьедесталъ и, выставляя его симпатичныя стороны, не скрываетъ и недостатковъ. Передъ нами то, что называется, рядовой, средній человѣкъ; просвѣщенный, проникнутый возвышенными, благородными стремленіями, въ столкновеніи съ суровой дѣйствительностью онъ оказывается далеко не всегда на надлежащемъ нравственномъ уровнѣ и едва не терпитъ полнаго пораженія.

Изъ разбираемой комедіи прежде всего видно, что Жадовъ, въ противоположность Юсову и Бѣлогубову, человѣкъ образованный. Онъ окончилъ университетъ и не только умомъ воспринялъ холодную научную мудрость, но и проникся глубоко возвышенными идеалами общественнаго служенія. Поступивъ на службу подъ начальство дяди и видя вокругъ себя неправду и несправедливость, онъ со всѣмъ пыломъ молодости начинаетъ обличать порокъ.

„Представьте себѣ—подсмѣивается надъ Жадовымъ Вышневскій, обращаясь къ женѣ — читаетъ въ канцеляріи писцамъ мораль, а тѣ, натурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, разиня ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный“. „Какъ я буду молчать, когда на каждомъ шагу вижу мерзости? Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка; я думаю, что мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе“. На упрекъ же тетушки въ излишней нетерпимости, Жадовъ отвѣчаетъ: „Да, мнѣ всѣ говорятъ, что я нетерпимъ, что отъ этого я много теряю. Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и на всѣ мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушья не далеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется“. Мы видимъ, что онъ смѣло и открыто хочетъ проводитъ въ жизнь тѣ взгляды, къ которымъ пришелъ, благодаря серьезному образованію своему.

Жадовъ полюбилъ молодую дѣвушку Полину, любимъ ею и, вѣря въ людей, вѣря въ жизнь и въ свои благородные принципы, смѣло готовъ соединить свою судьбу съ судьбой бѣдной дѣвушки. „А голова-то, а руки-то на что? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ?... А кто-же будетъ работать-то? Зачѣмъ-же насъ учили-то? Дядя совѣтуетъ нажить прежде де-

негъ какимъ-бы то ни было образомъ, купить домъ, завести лошадей, а потомъ уже завести и жену. Могу-ли я согласиться съ нимъ? Я полюбилъ дѣвушку, какъ любятъ только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастья оттого только, что она не имѣетъ состоянія?" Какой-то отвагой, молодой, благородной удалью вѣетъ отъ мыслей и рѣчей Жадова, когда онъ проситъ у дяди повышенія по службѣ, чтобы имѣть возможность жениться. Несмотря на отказъ, онъ не падаетъ духомъ и такъ-же бодро, какъ и раньше, смотритъ на жизнь: „Да, разговаривайте — говоритъ онъ, оставшись одинъ послѣ спора съ Вышневскимъ и Юсовымъ. Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такою надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денегъ, вамъ некому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистой совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги. Разсказывайте, что хотите, а я, все-таки, женюсь и буду жить счастливо". Невольно приходится любоваться этой смѣлой готовностью ринуться въ жизненную борьбу, но въ то же время нельзя не замѣтить какой-то наивности и непослѣдовательности въ рѣчахъ Жадова. Начать съ того, что едва-ли есть какой-нибудь смыслъ „читать мораль" писцамъ въ родѣ Бѣлогубова. Затѣмъ уже совсѣмъ непослѣдовательно для Жадова служить подъ начальствомъ дяди — взяточника, да еще просить у него повышенія. Вѣдь онъ самъ же говоритъ о томъ, что образованный человѣкъ можетъ честнымъ трудомъ прожить съ семействомъ, а онъ пока одинокъ — что же удерживаетъ его въ обществѣ Юсовыхъ и Бѣлогубовыхъ. Все это доказываетъ его неподготовленность къ практической жизни и недостаточную послѣдовательность его убѣжденій.

Еще болѣе проглядываетъ его непониманіе жизни и людей въ его отношеніяхъ къ невѣстѣ, вообще во всей любви его къ

Полинѣ. Здѣсь съ Жадовымъ происходитъ то, что испоконъ вѣковъ переживаетъ человѣчество въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которые плохо анализируютъ. Подъ вліяніемъ сильнаго чувства онъ очень идеализируетъ Полину, представляетъ ее себѣ именно такою, какою желалъ бы видѣть любимую дѣвушку, принимаетъ мечты за дѣйствительность. Онъ не догадывается, что Полина, будучи очень недалека, не понимаетъ его. „Ну ужъ, Юленька, — говоритъ она сама сестрѣ — вотъ хоть сейчасъ голову на отсѣченіе, ничего не понимаю, что онъ говоритъ и начинаетъ... чему-то меня учить хочетъ“.—„Чему-же?“—„Ужъ право, Юленька, не знаю. Что-то очень мудреное. Погоди, можетъ быть вспомню, только какъ бы не засмѣяться, слова такія смѣшныя! Постой, постой, вспомнила! Какое назначеніе женщины въ обществѣ? Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говоритъ. Я уже и не знаю, что говоритъ...“ Оказывается, всѣ пламенныя рѣчи Жадова о назначеніи женщины въ обществѣ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о наслажденіи трудомъ проходятъ мимо Полиньки, нисколько не задѣвая ни ея ума, ни сердца; но молодой человѣкъ, ослѣпленный любовью и собственными мечтами, не видитъ, что его невѣста болѣе тяготитъ къ бѣлогубовскимъ взглядамъ на жизнь. Подъ вліяніемъ сильнаго чувства онъ, не замѣчая, какое нравственное ничтожество представляетъ собою Полина, женится на ней. И только проживъ съ женою цѣлый годъ, Жадовъ, наконецъ, понялъ, что Полина не такъ непосредственна, чиста и нетронута, какъ онъ воображалъ. И горько стало у него на душѣ. „Исторія моя коротка, разсказываетъ онъ старому товарищу Мыкину. Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ уже годъ женатъ... — И что же? Разумѣется ничего. Воспитывать мнѣ ее некогда, да я и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ“.

Островскій раскрываетъ предъ читателемъ душу и взгляды Полины. Видно, что если она не усвоила въ совершенствѣ мѣщанскіе идеалы жизни своей семьи, какъ Юлинька, то все же окружающая среда наложила очень замѣтные слѣды на ея душу. Отсутствіе способности серьезно относиться къ жизни, недостатокъ воли и полное равнодушіе къ нравственнымъ идеаламъ жизни способствуютъ полному подчиненію Полины авторитету матери и сестры, которыя постоянно настраиваютъ ее противъ мужа. Начинается семейный адъ для Жадова. „Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ — поучаетъ расходившаяся Кукушкина Полину — Ты-то что-жъ молчишь, сударыня? Не я ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день и ночь: давай денегъ да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Мнѣ, молъ, на то денегъ нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради да подай. Зачѣмъ бралъ? Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра до ночи долбила бы ему въ голову-то, такъ авось бы въ чувство пришелъ. У меня бы на твоемъ мѣстѣ другого и разговору не было". Далѣе Кукушкина стыдитъ свою дочку за то, что та любитъ мужа: „У тебя только все нѣжности на умѣ, все бы вѣшалась къ нему на шею... А нѣтъ, чтобы о жизни подумать. И въ кого ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ, больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться приличнѣе, блеснуть передъ другими". Поддаваясь наставленіямъ матери и сестры, Полина, хотя и любитъ по своему мужа, но тяготясь бѣдностью, завидуя сестрѣ, вышедшей за Бѣлогубова и щеголяющей въ роскошныхъ нарядахъ, начинаетъ мучить Жадова, упрекая его въ бѣдности. А онъ, между тѣмъ, и такъ изнемогаетъ отъ непосильной для него борьбы съ жизнью, къ которой онъ такъ мало подготовленъ. „Какой я человѣкъ!—говоритъ онъ съ сердечной болью своему новому пріятелю Досужеву: я объ жизни не имѣю никакого понятія... Кругомъ развратъ, силъ мало". Прежней свѣтлой вѣры въ свои силы, жизнь и людей — какъ не бывало. Пониманіе собственной слабости укрѣпляется въ душѣ. „Не знаю, вунесу ли я?"—вырывается у него вопль въ минуту горь-

каго раздумья о своемъ, кажущемся ему, безвыходномъ положеніи. Передъ его взоромъ все яснѣе и яснѣе выступаетъ задача, которую необходимо рѣшить: или отступить отъ убѣжденій, или лишиться любви жены.

Авторъ подробно останавливается на изображеніи коллизіи семейныхъ отношеній и общественныхъ обязанностей въ душѣ Жадова; почти весь четвертый актъ комедіи посвященъ этому. Вполнѣ понятно, почему Островскій удѣляетъ такъ много мѣста именно этой сторонѣ душевной драмы своего героя: она является очень характерной для русской жизни не только той поры, которая нашла себѣ отраженіе въ „Доходномъ мѣстѣ", но и болѣе позднѣйшаго времени. Здѣсь Островскій является прекраснымъ бытописателемъ, особенно въ обрысовкѣ образа вдовы Кукушкиной. Вмѣстѣ со своею дочерью, которую она умѣла надлежащимъ образомъ настроить противъ мужа, дѣлаетъ она рѣшительное нападеніе на Жадова: „Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдаетъ?... Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитывать дочерей, чтобы отдать ихъ въ пансіонъ... для того, чтобы онѣ имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности... Средства мои самыя ничтожныя, а все таки онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню — не знали; не знали изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ о чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ... Порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть прислуга, а жена... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять всѣ наслажденія". „Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь: въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ. Видала я примѣры-то—говоритъ она, низко и безсовѣстно развращая Полину — какъ женщины гибнутъ отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и собьется съ пути. Даже и винить нельзя". Выведенный изъ себя этими возмутительными словами, Жадовъ выгоняетъ тещу вонъ и запрещаетъ женѣ имѣть какія бы то ни было сношенія съ сестрой и матерью. Но Полина, съ своей стороны, оказываетъ сильное противо-

дѣйствіе мужу, говоря, что она желаетъ жить, „какъ люди живутъ, а не какъ нищіе“, что ей нѣтъ дѣла до средствъ,—„кто любитъ, тотъ найдетъ средства“ и заканчиваетъ требованіемъ, чтобы онъ шелъ къ дядѣ просить доходное мѣсто—въ противномъ случаѣ она его оставитъ и уйдетъ жить къ матери. Жадовъ сначала какъ будто твердо противостоитъ нападеніямъ. Но когда Полина уходитъ, и ему кажется, что она дѣйствительно исполнитъ свою угрозу — покинетъ его, онъ изнемогаетъ и падаетъ духомъ. „Что же мнѣ теперь дѣлать? Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ не-зачѣмъ на свѣтѣ жить... Опять сирота! Чего-жъ лучше! Поутру пойду въ присутствіе; послѣ присутствія домой не-зачѣмъ ходить — посижу въ трактирѣ до вечера, а вечеромъ домой, одинъ на холодную постель... зальюсь слезама. И такъ каждый день! Очень хорошо! (Плачетъ). Ну, что-жъ! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Нѣтъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или... жить... жить... какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать (Задумывается). Разстаться? Да въ силахъ ли я съ ней разстаться? Ахъ, какія муки! Нѣтъ, ужъ лучше... что съ мельницами сражаться! Что я говорю! Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову!” Въ эту минуту возвращается Полина, за которой онъ послалъ служанку, и самъ-не-свой отъ радости, Жадовъ впопыхахъ, въ тревогѣ, торопясь и волнуясь, пытается еще разъ объяснить женѣ свои возвышенныя идеи и стремленія, правила долга и чести. Онъ проповѣдуетъ что жизнь не стоитъ на мѣстѣ, что всегда были, есть и будутъ люди, которые вступаютъ въ борьбу съ установившимися привычками и правилами жизни во имя лучшаго, свѣтлаго будущаго, что они не могутъ поступать иначе, что „борьба трудна и часто погубна, но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный”. И вотъ здѣсь обнаруживается во всей силѣ одна изъ слабыхъ чертъ нравственнаго образа Жадова — его оторванность отъ дѣйствительности, незнаніе жизни. Такъ отвлеченна, даже болѣе—разсудочна и холодна его проповѣдь Полинѣ, что она могла, конечно подѣйствовать на недалекую женщину. „Ты сусумасшедшій, право, сумасшедшій!—искренно воскликнула По-

лина. И ты хочешь, чтобъ, я тебя слушала: у меня и такъ ума-то не много, и послѣднiй съ тобой потеряешь... Нѣтъ, ужъ лучше буду слушать умныхъ людей". Неуспѣхъ попытки пробудить умъ и совѣсть жены сразилъ Жадова; а ея отвѣтъ на вопросъ: кто же эти умные люди?--„Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ". Этотъ отвѣтъ окончательно его сразилъ. „И ты сравняла меня съ Бѣлогубовымъ, сокрушенно говоритъ онъ, и затѣмъ, когда Полина выразила намѣренiе вторично уйти изъ дому, онъ окончательно падаетъ духомъ — и уступаетъ ея безнравственнымъ требованiямъ: „Вѣдь молодую, хорошенькую жену надо любить (говоритъ онъ), надо ее лелѣять... да, да, да! надо ее наряжать! Ну, что-жъ, ничего... Это легко сдѣлать! (Съ отчаянiемъ). Прощайте, юношескiя мечты мои! Прощайте, великiе уроки! Прощай, моя честная будущность!"

Слабый, безхарактерный человѣкъ не выдержалъ, поддался. Слабость воли есть самая печальная, и въ тоже время одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ образа жизни Жадова. И этой чертой онъ противоположенъ Грибоѣдовскому Чацкому, съ которымъ у него такъ много общаго и въ благородствѣ убѣжденiй, и въ смѣлости, съ которою ихъ высказываетъ и въ такъ называемой „нетерпимости". Однако слѣдуетъ отмѣтить, что Жадовъ уступаетъ злу съ душевной тоской, съ отчаянiемъ въ сердцѣ: „Буду сторониться, прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей... (говоритъ онъ женѣ) не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга... буду цѣлую недѣлю работать, а съ пятницы на субботу собирать разныхъ Бѣлогубовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги, какъ разбойники... да, да... А тамъ и привыкнемъ". И, заглушая внутреннiя муки, онъ поетъ стихи изъ комедiи конца XVIII вѣка „Ябеда" Капниста:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки,
Бери, что можно только взять!
На что-жъ привѣшены намъ руки
Какъ не на то, что-бъ брать, брать, брать...

Такъ палъ нравственно этотъ безвольный представитель новыхъ вѣянiй въ русской чиновничьей средѣ. И Вышневскiй справедливо иронизируетъ надъ нимъ, когда онъ проситъ мѣ-

ста, гдѣ бы могъ пріобрѣсти что-нибудь: „Не ты ли говорилъ, что растетъ какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличатъ насъ, закидаютъ насъ грязью? И что же оказывается? Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой“. Въ одномъ только отношеніи ошибается Вышневскій, отождествляя Жадова со всѣмъ новымъ поколѣніемъ, такъ самоотверженно вступившимъ въ борьбу со старой жизнью. Жадовъ самъ въ концѣ комедіи выясняетъ разницу между собой и лучшими представителями этого поколѣнія: „всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники, всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство — я самъ... Я не герой, я обыкновенный, слабый человѣкъ; у меня мало воли... Нужда, обстоятельства, необразованность родныхъ могутъ загнать меня, какъ загоняютъ почтовую лошадь“. „Но, прибавляетъ онъ, моей слабости вамъ нечего радоваться, потому что она не свидѣтельствуетъ о нравственномъ паденіи жизни, потому что, несмотря на нее, въ наше время... общество мало-по-малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергичные возгласы противъ общественнаго зла... Я говорилъ, что начинаетъ создаваться общественное мнѣніе... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растетъ, растетъ и принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога“.

Но авторъ не допустилъ до окончательной гибели своего героя. Радужныя надежды, которыми полны были лучшіе люди наканунѣ „эпохи великихъ реформъ“, отразились и на благополучномъ для Жадова окончаніи комедіи. Когда онъ, сгорая отъ стыда, проситъ у дяди доходнаго мѣста, то узнаетъ, что тотъ отданъ подъ судъ, что значитъ, начинается новая эра въ чиновничьемъ мірѣ,—и онъ быстро воспрянулъ духомъ. Ярко заблестѣла въ его сознаніи заря лучшаго общественнаго будущаго, и онъ вновь чувствуетъ въ себѣ силы для борьбы. Сознаніе того, что его „правда торжествуетъ“, что не съ вѣтряными мельницами ведетъ онъ борьбу, чувство солидарности съ начинающимъ вступать въ свои права новымъ теченіемъ русской жизни укрѣпляютъ его, даютъ бодрость и энер-

гію, онъ отказывается отъ Полины, чтобы итти навстрѣчу передовымъ вѣстникамъ начинающагося возрожденія. „Ужъ теперь я не измѣню себѣ (говоритъ онъ). Если судьба приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ—буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызеній, читать и смотрѣть сатиры на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать.. Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать, чего, думаете вы?... — Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго“. Эти энергичныя слова сдѣлали два дѣла: смутили и поразили наглую самоувѣренность Вышневскаго, и пробудили чувство и совѣсть въ Полинѣ. Вернувшись къ своимъ честнымъ идеаламъ, Жадовъ не удерживаетъ болѣе жену: „Полина, теперь ты можешь итти къ маменькѣ, я тебя держать не стану“, но Полина сама остается—для нея настала возможность возрожденія.

Изобразивъ Жадова человѣкомъ безхарактернымъ, Островскій высказалъ этимъ свое скептическое отношеніе къ образованному обществу, призналъ его нравственно колеблющимся и шаткимъ. Но это совсѣмъ не то, однако, что мы видѣли въ „Бѣдной невѣстѣ“, гдѣ представителями образованнаго міра явились люди вполнѣ несостоятельные. Жадовъ лишенъ энергіи и слабъ, но онъ не только хорошій человѣкъ, а еще человѣкъ, способный дѣлать дѣло и нравственно подняться и подняться высоко, когда встрѣтитъ поддержку въ обществѣ; а такую поддержку онъ, дѣйствительно, находитъ. Кромѣ того въ „Доходномъ мѣстѣ“ проходитъ передъ нами, по выраженію Григорьева, тѣнь Чацкаго (критикъ разумѣетъ Любимова). Все это указываетъ намъ, что отношенія поэта къ образованному обществу теперь не отрицательныя, что онъ видитъ возможность торжества правды въ этомъ обществѣ.

КОМЕДІИ:

„Праздничный сонъ — до обѣда“, „Свои собаки грызутся — чужая не приставай“ и „Зачѣмъ пойдешь — то и найдешь“.

(Трипогія о Бальзаминовѣ).

Параллельно съ типомъ Жадова, Островскій создалъ одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ русской литературы — Бальзаминова, который является героемъ трехъ пьесъ: „Праздничный сонъ—до обѣда“, „Свои собаки грызутся—чужая не приставай“ и „Зачѣмъ пойдешь—то и найдешь“.

Молодой чиновникъ, существо глупое и добродушное, Бальзаминовъ, поставилъ цѣлью своей жизни — жениться на богатой особѣ и жить въ праздности и роскоши. Никакихъ нравственныхъ принциповъ у него нѣтъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что имѣетъ право на богатство, во-первыхъ, потому, что онъ желаетъ быть богатымъ, во-вторыхъ, потому, что у него „много вкусу“. „Деньги всякому пріятно имѣть-съ (заявляетъ онъ Науѣденову). Особенно если человѣкъ со вкусомъ-съ, почему долженъ страдать. Хочется жить прилично, а способовъ никакихъ нѣтъ-съ. Вотъ хоть бы я... А въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится; притомъ же вкусу много“. Въ другой пьесѣ Бальзаминовъ говоритъ купчихамъ Антрыгиной и Піоновой слѣдующее: „Я человѣкъ съ большимъ вкусомъ-съ, у меня вкусу-то гораздо больше, чѣмъ у Устрашимова, а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдовательно, я долженъ ихъ искать. Кабы мнѣ теперь средства-съ“. „Да и совсѣмъ не отъ зависти я хочу жениться на богатой — споритъ Бальзаминовъ со свахой Красавиной—а оттого, что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себѣ денегъ, значитъ я долженъ жениться на богатой. „Ахъ, маменька, (обращается онъ къ матери) какая это обида;

что на свѣтѣ такъ нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Если-бъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобы богатый женился на бѣдной, а бѣдный на богатой; а кто не послушается—тому смертная казнь". Матеріальная, денежная нажива, притомъ безъ труда—вотъ безсознательный принципъ жизни Бальзаминова. И та „пучина" невѣжества и грубости — по выраженію Досужева—среди которой Бальзаминовъ ищетъ богатой дуры, даетъ ему основаніе и полное право надѣяться на такую наживу.

Молоденькая дѣвушка Капочка, дочь слабовольной, лѣнивой и глупой купчихи Ничкиной, страстно желаетъ выйти замужъ за Бальзаминова, потому что, какъ она говоритъ, „для ея чувствъ нѣтъ границъ и „женщины рождены со слабостями"; купцовъ же она не любитъ, такъ какъ они носятъ бороды; Бальзаминовъ же плѣнилъ ее въ одну минуту, при первой встрѣчѣ, потому что былъ „въ голубомъ галстукѣ" и посмотрѣлъ на нее (какъ она думаетъ) „съ такой душой въ глазахъ, даже уму непостижимо! а потомъ взялъ опустилъ глаза довольно гордо". Вдову же Антрыгину Бальзаминовъ побѣдилъ тѣмъ, что написалъ ей „амурное письмо". — „Другой вѣдь пишетъ—повѣствуетъ про этотъ случай сваха Красавина—просто страмъ; а это хоть барышнѣ дай, такъ ничего. Отъ этого письма она и приди въ чувство; ужъ оченно ей понравилось, что учтиво пишетъ-то, что охальства-то никакого нѣтъ. А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибавилъ: „Взвѣйся, вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ въ объятія тому, кто милъ сердцу моему". А на пакетѣ-то написалъ: „лети туда, гдѣ примутъ безъ труда". Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ. Убѣждаетъ онъ также, или пытается плѣнять — завитыми кудрями, да умными и похожими на французскія словами; этому послѣднему учитъ его мать:

— Умныхъ ты словъ не знаешь, печалится она о его простотѣ.

— Это, маменька, нужды нѣтъ. Въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья; тутъ умомъ ничего не возьмешь. Другой и съ умомъ да

лѣтъ пять даромъ проходитъ; а я вотъ и не уменъ, да женюсь на богатой.

— Вотъ что, Миша, есть такія французскія слова, очень похожія на русскія; я ихъ много знаю, ты бы хоть ихъ заучилъ когда, на досугѣ. Послушаешь иногда на именинахъ или гдѣ на свадьбѣ, какъ молодые кавалеры съ барышнями разговариваютъ — просто прелесть слушать.

— Какія же это слова, маменька? Вѣдь, какъ знать, можетъ быть, они мнѣ и на пользу пойдутъ.

— Разумѣется, на пользу. Вотъ слушай! Ты все говоришь; „Я гулять пойду!“ Это, Миша, не хорошо. Лучше сказать: „Я хочу проминажъ сдѣлать“.

— Да-съ, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминажъ лучше.

— Про кого дурно говорятъ — это мораль.

— Это я знаю-съ.

— А вотъ если кто заважничаетъ, очень возмечтаетъ о себѣ, и вдругъ ему форсъ-то собьютъ — это „асаже“ называется.

— Я этого, маменька, не зналъ, а это слово хорошее. „Асаже, асаже“...

Дѣло Бальзаминова, т. е. хожденіе по улицамъ мимо оконъ богатыхъ невѣстъ, не трудно, заманчиво, но, все-таки, и не безъ непріятностей: то, какъ предупреждаетъ его мать, предстоитъ опасность, что „ревнивый мужъ или отецъ вышлетъ дворника съ метлой“, то начнутъ дразнить сидѣльцы у лавокъ, то кучера примутся травить собаками. Самъ Бальзаминовъ говоритъ слѣдующее: „Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей странѣ, страсть! Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройду по рынкѣ мимо лавокъ лишній разъ — сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ, кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясняки какіе! только и дѣло, что собакъ гладятъ, да играютъ съ ними; а собаки то, маменька, какъ львы. Вѣдь по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ? Сейчасъ засвищутъ, да и давай собаками травить... Развѣ они знаютъ учтивость“.

Подчасъ бываютъ непріятности и посерьезнѣе. Напримѣръ, въ комедіи „Свои собаки грызутся — чужая не приставай“ чиновникъ Устрашимовъ обѣщаетъ поколотить Бальзаминова за соперничество. Въ пьесѣ „Зачѣмъ пойдешь — то и найдешь“, отставной офицеръ Чебаковъ эксплоатируетъ его, принуждая одѣваться башмачникомъ и передавать письма, рискуя поплатиться боками. Но самый неожиданный и непріятный для Бальзаминова случай — это изгнаніе изъ дома Ничкиныхъ. Въ самый день знакомства, когда должна, очевидно, благополучно рѣшиться судьба Бальзаминова, къ Ничкиной пріѣзжаетъ ея братъ Неуѣденовъ, простой и даже грубоватый, но дѣльный купецъ и умный отъ природы человѣкъ. Онъ съ перваго взгляда вѣрно разгадываетъ что за женихъ у племянницы, и сразу выпроваживаетъ его изъ дому. Онъ, сначала обиняками, называетъ намѣреніе Бальзаминова жениться — ловкой и нечестной спекуляціей, а его самого—аферистомъ, даетъ понять, что ему „вся цѣна-то двѣ копѣйки ассигнаціями“. Когда же разсерженная Капочка ему говоритъ: „вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, что вы совсѣмъ не образованы,“— говоритъ: „Именно, мой другъ, необразованный! Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы обуваемъ, да на безплатную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать“. Эти слова задѣваютъ за живое старуху Бальзаминову, которая встаетъ и говоритъ: „Послѣ такихъ словъ, намъ съ табой, Миша, кажется, здѣсь нечего дѣлать“.

— Да похоже на то—откровенно говоритъ Неуѣденовъ.— На ворѣ-то, видно, шапка горитъ.

Но самъ женихъ точно не понимаетъ того, въ какое незавидное положеніе онъ попалъ.

— Я этихъ словъ, на свой счетъ не принимаю—невозмутимо заявляетъ онъ.

— Нѣтъ, я на вашъ счетъ—говоритъ Неуѣденовъ —Вотъ маменька-то ваша поумнѣе—сейчасъ поняла.

— Я за большимъ, пожалуй, не гонюсь: мнѣ хоть-бы что-нибудь дали — пробуетъ въ простотѣ душевной торговаться Балзаминовъ, но тогда Неуѣденовъ рѣшительно и откровенно

заявляетъ: „Вѣдь у тебя ни гроша нѣтъ, такъ тебѣ все барышъ, что ни дай“.

Только послѣ этого молодой человѣкъ понялъ, что его дѣло провалилось и ему остается только убраться по добру поздорову. „Въ такомъ случаѣ, прощайте-съ. Я не ожидалъ“— заканчиваетъ изгоняемый женихъ.

Въ этой послѣдней сценѣ замѣчательно вѣрно вырисовывается передъ нами характеръ Бальзаминова. Здѣсъ мы сразу замѣчаемъ и его ненасытную и настойчивую погоню за деньгами, глупость, необидчивость, которая происходитъ, во-первыхъ, вслѣдствіе отсутствія чувства человѣческаго достоинства, а, во вторыхъ, вслѣдствіе несомнѣнной его кротости и добродушія. Бальзаминовъ добръ, незлобивъ, но непроходимо глупъ. И глупость его ни для кого не секретъ, о ней знаетъ и сокрушается мать; видитъ его глупость и кухарка Матрена и сваха Красавина.

— Эхъ, молодо зелено!—говоритъ мать Бальзаминова. Все счастье себѣ хочетъ составить, прельстить кого-нибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то, онъ у меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то неказистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужъ и жаль его... На мои-то глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто-жъ этому виноватъ... Глупенькій ты мой!

Удивительно художественъ споръ Бальзаминова со свахой Красавиной и Матреной объ умѣ.

— Ты самъ разсуди. Какую тебѣ невѣсту нужно? — говоритъ Красавина.

— Извѣстно какую, обыкновенную.

— Нѣтъ, не обыкновенную. Ты человѣкъ глупый, значитъ...

— Какъ же глупый! Ишь ты, дурака нашли!

— А что, уменъ? — вступаетъ въ споръ Матрена.

— Ты молчи, не твое дѣло! — обращается Бальзаминовъ къ кухаркѣ.

— Ты послушай! продолжаетъ сваха. — Ты человѣкъ глупый, значитъ тебѣ...

— Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя, я можетъ быть, глупъ, а для другихъ совсѣмъ нѣтъ. Давай спросимъ у кого нибудь.

— Давай, спросимъ! Да нечего и спрашивать. Ты повѣрь мнѣ: я человѣкъ старый, обманывать тебя не стану.

— Какой ты, Михайло Митричъ — снова вмѣшивается въ разговоръ Матрена — какъ погляжу я на тебя, спорить здоровый! Гдѣ-жъ тебѣ съ ней спорить!

— Какъ же не спорить когда она меня дуракомъ называетъ?

— Она лучше тебя знаетъ. Коли называетъ, значитъ правда.

Молодой человѣкъ сердится на обижающихъ его Красавину и Матрену. Но, собственно говоря, настоящей злости и гнѣва въ сердцѣ у него нѣтъ. Добродушный и безхитростный, но не гордый, онъ вскорѣ самъ сознается, что въ спорѣ съ ними былъ неправъ.

Очутившись въ саду Пѣженовыхъ въ образѣ башмачника, онъ приходитъ къ заключенію, что теперь необходимо объясниться въ любви, и сокрушается, что „ничего не придумалъ, никакихъ словъ не прибралъ“. „Экая голова! Что ты будешь дѣлать. Будь тутъ столбъ или дерево покрѣпче, такъ бы взялъ да и разбилъ ее въ дребезги. Сваха-то давича правду говорила, что я дуракъ“.

Слѣдуетъ еще отмѣтить одну характерную черту Бальзаминова: онъ мечтатель, любитель мечтаній. Мечты его чрезвычайно разнообразны и подчасъ смѣшны. То онъ, въ сумеркахъ, начинаетъ представлять себя генераломъ, или человѣкомъ высокаго роста и брюнетомъ необыкновенной красоты; то съ восторгомъ раздумываетъ о томъ, какъ бы хорошо было сшить себѣ „голубой плащъ на черной, бархатной подкладкѣ“; то вообразитъ себя владѣльцемъ дома, хозяиномъ, сидящимъ „поутру за чашкой кофе въ бархатномъ халатѣ“. „Вы не знаете, маменька, какое это удовольствіе—мечтать. Иногда такъ занесешься, даже вскрикнешь: Эй, „четверню закладывать въ карету“. Но самая замѣчательная сцена мечтаній Бальзаминова, это въ послѣдней пьесѣ трилогіи. Помечтавъ о томъ, какъ было бы хорошо жениться и на Пѣженовой и на Бѣлотѣловой вмѣ-

стѣ и соединить ихъ сады, Михаилъ Дмитричъ говоритъ: „Нѣтъ, маменька, самъ чувствую, что начинаетъ все путаться въ головѣ, такъ даже страшно дѣлается. Плановъ-то много, а обдумать не могу. Сейчасъ я думалъ о домѣ, ну и представился мнѣ въ умѣ домъ, большой, каменный, и львы на воротахъ; только левъ, будто, и разѣваетъ ротъ, каменный-то, да и залаялъ, а я объ этомъ и думать не хотѣлъ, обо львѣ-то. Хочу его изъ головы-то выкинуть, никакъ найдетъ". Здѣсь Островскій показываетъ намъ, какъ человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ, постоянно предаваясь фантазіи, попадаетъ на самую границу роковой черты, которая отдѣляетъ умственно здороваго человѣка отъ сумасшедшаго. Бѣдный Бальзаминовъ попадаетъ въ заколдованный кругъ и почти разсудокъ теряетъ.

Бросая общій взглядъ на трилогію о Бальзаминовѣ, мы видимъ, что представителемъ чиновничьяго міра въ ней является человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ и съ нагло-наивной жаждой поживиться на чужой счетъ, разбогатѣть какимъ бы то ни было путемъ. Бальзаминовъ добродушенъ, злобѣ нѣтъ мѣста въ его душѣ; онъ не эгоистъ; но ему совершенно неизвѣстны какія бы то ни было нравственные устои; онъ наивенъ, простодушенъ и не думаетъ, не подозрѣваетъ даже о существованіи законовъ добра и чести, принциповъ нравственности. У него есть вкусъ, желаніе жить въ богатствѣ, въ роскоши, красиво одѣваться—и онъ считаетъ себя въ правѣ искать, ожидать и даже требовать себѣ у судьбы богатства.

Характеристика литературной дѣятельности Островскаго и значеніе его творчества.

Среди писателей сороковыхъ годовъ одно изъ самыхъ солидныхъ мѣстъ принадлежитъ Александру Николаевичу Островскому. Онъ, какъ извѣстно, является однимъ изъ главныхъ основателей въ русской литературѣ и на сценѣ самобытной національной реально-художественной драмы. Правда, еще Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Гоголь создали реальную комедію и тра-

гедію: „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“ и „Борисъ Годуновъ“, навсегда останутся лучшими образчиками поэтическаго творчества въ нашей драматической литературѣ. Но эти произведенія не оказали вскорѣ послѣ своего появленія никакого вліянія на драматическихъ писателей и театральный репертуаръ.

До начала пятидесятыхъ годовъ въ области русскаго театра и драматической литературы они были своего рода оазисами въ пустынѣ и не вызывали къ себѣ почти никакого интереса со стороны публики и актеровъ. Хотя русская поэзія еще съ тридцатыхъ годовъ девятнадцатого вѣка въ лицѣ Пушкина, Гоголя и Лермонтова пошла быстрыми шагами по пути національно-реалистическаго творчества, нашъ театръ по прежнему, какъ въ началѣ столѣтія, пробавлялся ложно-классическимъ репертуаромъ или же переводами и передѣлками иностранныхъ, преимущественно французскихъ романтическихъ мелодрамъ, въ подражаніе которымъ писались пьесы историческаго и патріотическаго содержанія и русскими писателями, какъ, напримѣръ, знаменитыми въ свое время Кукольникомъ и Полевымъ. Искусственность построенія дѣйствія, ходульность героевъ, различнаго рода дешевые эффекты, напыщенный языкъ — все это ставило тогдашній репертуаръ театровъ далеко отъ реально-художественнаго творчества, которое появилось со времени Пушкина и Гоголя въ русской литературѣ. Островскій, написавшій болѣе пятидесяти пьесъ, не только очень обогатилъ нашъ театръ прекрасными произведеніями, которыя, благодаря ему, заняли преобладающее мѣсто на русской сценѣ, но и внесъ богатѣйшій вкладъ въ русскую литературу, захвативъ въ своемъ творчествѣ громадный кругъ явленій и типовъ современной и прошлой жизни, какой мы можемъ найти развѣ у такихъ титановъ поэзіи какъ Пушкинъ и Левъ Толстой; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлалъ большой шагъ въ смыслѣ техники драмы.

Сюжеты для своихъ произведеній Островскій бралъ по большей части изъ жизни людей средняго класса, купечества, мѣщанства и мелкаго чиновничества, но съ особенной, свойственной ему, точки зрѣнія изображалъ жизнь и своеобразно относился къ воспроизводимымъ имъ хатактерамъ и явленіямъ. Въ цѣломъ рядѣ пьесъ рисуетъ намъ Островскій недоступный

до того времени литературному наблюденію русскій купеческій бытъ, это „темное царство“, съ его тяжелымъ семейнымъ деспотизмомъ, необузданнымъ самодурствомъ, подавляющимъ малѣйшіе проблески человѣческой личности, съ его грубостью, невѣжествомъ, склонностью къ мошенничеству въ торговыхъ дѣлахъ. Но, какъ истинный художникъ, вѣрный жизненной правдѣ, онъ не забываетъ и положительныхъ сторонъ и типовъ этого быта, такъ что передъ глазами читателя встаетъ полная картина вѣками сложившейся жизни этого сословія со всѣми его отрицательными и положительными чертами и своеобразными типами. Своими пьесами изъ купеческой жизни Островскій произвелъ такое сильное впечатлѣніе на читателя и критику, открывъ совершенно неизвѣстный дотолѣ литературѣ міръ, что этимъ заслонилъ въ глазахъ нѣкоторыхъ другія стороны своей дѣятельности и потому въ представленіи многихъ онъ является только какъ бытописатель русскаго купечества. Въ пьесахъ, гдѣ авторъ изображаетъ „темное царство“, мы повсюду видимъ плутовство и обманъ. Разумѣется, что ничего добраго, честнаго, благороднаго и святого не можетъ быть въ такомъ кружкѣ людей, гдѣ человѣческое достоинство задавлено, свобода личности не существуетъ, любовь и честь — одни пустыя слова, а о честномъ трудѣ никто и не думаетъ. Самое страшное въ „темномъ царствѣ“ это то, что всѣ самодуры точно сговорившись, воюютъ противъ всякаго честнаго и нравственнаго человѣка, въ которомъ видятъ какъ бы укоръ себѣ. Въ общемъ, комедіи съ сюжетами изъ „темнаго царства“ производятъ тяжелое впечатлѣніе. Мало приходится смѣяться читателю (или зрителю) этихъ комедій, но зато много невеселыхъ, серьезныхъ думъ рождаютъ эти столь мастерски и правдиво нарисованныя сцены.

Рисуя такіе глубокіе умственные и нравственные недостатки, которые распространяются на значительные слои общества, комедія естественно изобличаетъ отрицательныя стороны общественной жизни и, слѣдовательно, вовсе не веселитъ зрителя, и выставляетъ передъ его взоромъ такіе недостатки, которые, можетъ быть, онъ сознаетъ и въ себѣ. Но отрицательное въ поэзіи точно также служитъ высокому идеальному началу, какъ и положительное. Другими словами: изображеніе

всевозможныхъ видовъ невѣжества, нарушеніе правды, чести, долга, справедливости, изобличеніе черствости, безсердечія и невоспитанности естественно возбуждаютъ въ душѣ человѣка чистѣйшіе идеалы людей просвѣщенныхъ, справедливыхъ, добрыхъ, любящихъ, дѣятельныхъ и нравственныхъ. Въ этомъ и заключается заслуга серьезной комедіи, наравнѣ съ прочими видами поэзіи. Особенно еще комедіи и драмы Островскаго цѣнны потому, что мы не видимъ нигдѣ тенденціозной критики автора по отношенію къ изображаемымъ типамъ. Критика его вездѣ безусловно объективна. Драматургъ выводитъ на сцену разныхъ героевъ и героинь со свойственными имъ интересами и стремленіями, причемъ всѣ эти типы дѣйствуютъ и говорятъ именно такъ, какъ это бываетъ въ самой жизни. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что сюжеты пьесъ Островскаго отличаются замѣчательной простотой. Во всѣхъ его комедіяхъ замѣчается естественный ходъ развитія дѣйствія. Взаимныя отношенія дѣйствующихъ лицъ вполнѣ свободно вытекаютъ изъ самой жизни, которая обрисована писателемъ безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякаго ложнаго вымысла. Художественное чутье дало возможность Островскому подмѣтить мельчайшія проявленія жизни, которыя онъ воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ.

Очень характернымъ является то обстоятельство, что Островскій никогда не прибѣгаетъ къ эффектамъ, къ чему были склонны даже знаменитѣйшіе драматическіе писатели. Особенно замѣчается отсутствіе эффектовъ въ послѣднихъ сценахъ его пьесъ, гдѣ подчасъ и можно было бы ожидать какихъ-либо эффектовъ. Нельзя сказать, чтобы Островскій заканчивалъ свои произведенія какимъ-нибудь сильнымъ моментомъ, напротивъ, по большей части драматическое произведеніе оканчивается монологомъ или обыкновеннымъ разговоромъ. Вспомнимъ хотя бы заключительную сцену четвертаго дѣйствія комедіи „Бѣдная невѣста“, которая полна потрясающаго элемента. Въ послѣднемъ актѣ въ драму не вводится ничего новаго, такъ какъ тутъ изображается картина сговора, и комедія оканчивается бесѣдою двухъ глазѣющихъ на свадьбу бабъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что Островскій не искалъ эффектовъ при изображеніи реальной жизни, не прибѣгалъ къ нимъ. Отличительная черта драматическихъ произведеній Островска-

го—правда жизни и вѣрность дѣствительности. Въ этомъ отношеніи Островскому пришлось выслушать много упрековъ со стороны критиковъ, которые иногда указывали на случайность развязокъ въ его пьесахъ. Да и на самомъ дѣлѣ, случайныя развязки встрѣчаются довольно часто въ произведеніяхъ Островскаго. Такъ, въ знаменитой комедіи „Бѣдность—не порокъ“ — судьба героини, Любови Гордѣевны Торцовой, рѣшается въ благопріятномъ для нея смыслѣ, благодаря случайному вмѣшательству ея дяди Любима Торцова; не будь этого, дѣло бы приняло другой оборотъ, и Любовь Гордѣевна должна была бы выйти замужъ за ненавистнаго ей старика Коршунова и разстаться навсегда съ любимымъ человѣкомъ — Митей. Однако въ этой случайной развязкѣ надо видѣть желаніе писателя сохранить правду жизни, наглядно доказывая всѣмъ, что случайное, повидимому, маловажное обстоятельство иногда имѣетъ рѣшающее значеніе въ нашей жизни. Дѣйствительно, если бы въ драматическомъ произведеніи каждый фактъ былъ строго взвѣшенъ и обдуманъ, и всѣ незначительныя явленія развивались съ логической необходимостью изъ одной опредѣленной точки, то естественность, безъ сомнѣнія, нарушилась бы. Островскій отлично это понялъ, а такъ какъ онъ желаетъ воспроизвести только жизненную правду, то въ данномъ случаѣ онъ остается вѣренъ своему принципу. Каждый долженъ согласиться, что случайная развязка вполнѣ естественна въ обществѣ такихъ лицъ, которымъ не знакома опредѣленная логика, и всѣ поступки которыхъ являются слѣдствіемъ ихъ каприза. Такими безспорно, были самодуры-купцы „темнаго царства“, обрисованные Островскимъ.

Читая произведенія Островскаго, прямо поражаешься необъятной широтой захвата русской жизни, обиліемъ и разнообразіемъ типовъ, характеровъ и положеній. Какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ передъ нашими глазами всевозможнаго душевнаго склада и помѣщицы и помѣщики отъ широкихъ русскихъ натуръ, прожигающихъ жизнь, до хищныхъ скопидомовъ; отъ благодушныхъ, чистыхъ сердцемъ, до черствыхъ, не знающихъ ни какого нравственнаго удержу; ихъ смѣняетъ чиновничій міръ со всѣми разнообразными представителями его, начиная отъ высшихъ ступеней бюрократической лѣстницы и кончая потерявшими образъ и подобіе Божіе мелкими пропойцами-сутягами, порож-

деніемъ дореформенныхъ судовъ; далѣе идутъ просто безпочвенные люди, честнымъ и безчестнымъ путемъ перебивающіеся изо дня въ день, всякаго рода дѣльцы, учителя, приживальщицы, провинціальные актеры и актристы со всѣмъ окружающимъ ихъ міромъ и т. п. А на ряду съ этимъ проходитъ далекое историческое и легендарное прошлое Россіи въ видѣ художественныхъ картинъ жизни старинныхъ волжскихъ удальцовъ семнадцатаго вѣка, грознаго царя Ивана Васильевича, смутнаго времени съ легкомысленнымъ Дмитріемъ, хитрымъ Шуйскимъ, великимъ нижегородцемъ Мининымъ, боярами, ратными людьми и народной той эпохой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой длинной галлереѣ типовъ, созданныхъ нашимъ великимъ драматургомъ, мы встрѣчаемся съ личностями и явленіями самой разнообразной нравственной цѣнности. Тутъ передъ нами, говоря своеобразнымъ языкомъ одного изъ дѣйствуюшихъ лицъ его комедіи и „мерзавцы всей жизни“ всѣхъ пошибовъ и направленій и „патріоты своего отечества“. Сердце содрогается при воспоминаніи о всей той грязи, пошлости, лжи, униженіи человѣческаго достоинства, полномъ нравственномъ паденіи, какія сплошь и рядомъ приходится наблюдать въ пьесахъ Островскаго. Но параллельно съ этими мрачными сторонами жизни поэтъ выставляетъ цѣлый рядъ трогательныхъ по своей нравственной чистотѣ образовъ, плѣняющихъ своею кротостью и внутреннимъ величіемъ, свидѣтельствующихъ о глубокой вѣрѣ его въ человѣка и духовныя силы русскаго народа.

Далѣе, не лишнимъ будетъ отмѣтить высокое безпристрастіе драматурга въ изображеніи явленій человѣческой жизни и въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Выставляя на видъ всевозможные пороки и недостатки разныхъ классовъ русскаго общества, Островскій никого не караетъ и никого не милуетъ. Изображая, напримѣръ, въ смѣшномъ видѣ глуповатаго Мишу Бальзаминова, ищущаго богатой невѣсты изъ купечества, Островскій рисуетъ своего героя съ такимъ добродушнымъ юморомъ, что читатель не съ презрѣніемъ относится къ этому своеобразному мечтателю, но, напротивъ питаетъ къ нему извѣстную симпатію и вполнѣ доволенъ, видя, что Бальзаминову въ концѣ концовъ удается достигнуть намѣченной цѣли—выгодно жениться. Даже самые ярые самодуры, какъ Ди-

кой, Торцовъ, Кабаниха и др., нисколько не озлобляютъ читателя, который считаетъ самодуровъ продуктомъ извѣстной среды, неправильнаго воспитанія, а также результатомъ непроглядной тьмы, которая установилась вслѣдствіе господствовавшихъ въ средѣ самодуровъ домостроевскихъ обычаевъ и традицій. Безпристрастіе Островскаго доходитъ до крайности: драматургъ одинаково объективно относится какъ къ традиціямъ древнерусскаго быта, такъ и къ людамъ, которые уже успѣли испытать вліяніе западно-европейскихъ вѣяній. Изображая людей стараго закала, которые живутъ по дѣдовскимъ завѣтамъ, Островскій безпристрасно указываетъ на ихъ положительные и отрицательные стороны. Такъ въ лицѣ Бородкина, одного изъ своихъ героевъ, Островскій нарисовалъ честную й глубокую натуру, которая можетъ проявиться въ различныхъ слояхъ общества, независимо отъ образованія. Точно также въ комедіи „Доходное мѣсто", Жадовъ является типомъ образованныхъ людей, людей духа, полныхъ возвышенныхъ стремленій, но человѣкомъ слабохарактернымъ, наивнымъ, не знающимъ жизни. Все это доказываетъ, насколько Островскій старался рисовать только одну голую правду, безъ прикрасъ и эффектныхъ вымысловъ.

Самая постройка драматическихъ произведеній Островскаго носитъ на себѣ печать оригинальности и самобытности. Пьесы свои драматургъ называетъ драмами или комедіями, но по вѣрному замѣчанію критика Скабичевскаго, названія эти нисколько не соотвѣтствуютъ характеру произведеній Островскаго. Добролюбовъ-же весьма мѣтко назвалъ комедіи и драмы Островскаго „пьесами жизни", гдѣ возвышенное и великое нерѣдко идутъ параллельно съ низкимъ, а смѣшное и великое перемѣшиваются, составляя пестрый хаосъ. Скабичевскій такъ говоритъ о пьесахъ Островскаго: „Цѣль истинно реальной сцены заключается не въ томъ, чтобы непроходимою стѣной отдѣлять различные контрасты жизни, какъ это дѣлала старинная сцена, а чтобы показывать намъ радужную игру жизни во всѣхъ прихотливыхъ комбинаціяхъ ея безконечно сложныхъ элементовъ. Это именно мы и видимъ въ пьесахъ Островскаго".

Къ достоинствамъ Островскаго слѣдуетъ отнести не только умѣніе поэта рисовать богатыя картины русской жизни, но и способность разгадывать натуру человѣка. Такъ, онъ умѣлъ вѣрно схватывать черты развитія всевозможныхъ чувствъ и под-

мѣчать душевную борьбу тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ ничего не видѣлъ. У Островскаго попадаются и такія пьесы, которыя отличаются рѣдкимъ анализомъ чисто психологической задачи. Напримѣръ, въ пьесѣ „Не было гроша, да вдругъ алтынъ", выведенъ скупецъ съ его мрачной маніей и отталкивающимъ эгоизмомъ; Кисельниковъ (изъ комедіи „Пучина") служитъ яркимъ примѣромъ нравственнаго паденія добродушнаго, но слабаго и безхарактернаго человѣка. Въ общемъ же можно сказать, что Островскій не выводитъ сильныхъ, страстныхъ натуръ, но всѣ онѣ правдивы, жизненны. Герои и героини его пьесъ не заключаютъ въ себѣ ничего карикатурнаго и надѣлены такими качествами, которыя встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу.

Особенность драматическихъ произведеній Островскаго, наконецъ, заключается въ ихъ народности въ обширномъ значеніи этого понятія. Драматургъ создалъ истинные народные русскіе типы, въ которыхъ отражается взглядъ на жизнь свойственный всему русскому народу. Въ выведенныхъ типахъ Островскій мѣтко и тонко подмѣтилъ коренныя основы русскаго быта, черты его особеннаго пониманія правды жизни, а также уклоненія отъ нихъ. Въ проступкѣ, напримѣръ, Бородкина Островскій мѣтко изобразилъ одно изъ существеннѣйшихъ свойствъ русскаго народа. Русскій человѣкъ, къ какому бы сословію онъ не принадлежалъ, всегда готовъ простить. Душа русскаго человѣка склонна проявлять чувство великодушія къ любому врагу или противнику, при чемъ безразлично, вытерпѣлъ ли послѣдній какое-либо наказаніе, или нѣтъ. Эту-то основную черту драматургъ воплотилъ въ Бородкинѣ, который охотно помогаетъ обманутой дѣвушкѣ. Но самую главную черту народности Островскій изобразилъ въ гуманномъ и благородномъ отношеніи къ различнымъ явленіямъ жизни. Изображая въ своихъ пьесахъ всевозможные пороки и слабости, рисуя людей, поступающихъ вопреки законамъ нравственности, Островскій не впадаетъ въ мрачный тонъ и, чтобы сгладить нѣсколько тяжелое настроеніе, находитъ полное утѣшеніе въ красотѣ и гармоніи Божьяго міра. Такъ въ комедіи „Грѣхъ да бѣда на кого не живутъ", слѣпой Архипъ, возражая Аѳонѣ на его слова, что все ему надоѣло, говоритъ: „Оттого тебѣ не мило, что ты сердцемъ не спокоенъ. А ты гляди чаще, да больше на Бо-

жій міръ, а на людей-то меньше смотри, вотъ тебѣ на сердцѣ и легче будетъ. И ночи будешь спать, сны тебѣ хорошіе будутъ сниться.., Красенъ, Аѳоня, красенъ Божій міръ! Вотъ теперь роса будетъ падать, отъ всякаго цвѣта духъ пойдетъ; а тамъ звѣздочки зажгутся, а надъ звѣздочками, Аѳоня, нашъ Творецъ милосердный. Кабы мы лучше помнили, что Онъ милосердъ, сами были бы милосерднѣе". Подобною жизнерадостностью проникнуты всѣ произведенія Островскаго, несмотря на то, что онъ постоянно изображаетъ различные ужасы и подлости человѣческой жизни. Замѣчательно то, что подобные взгляды высказываютъ у Островскаго такія лица, которымъ жизнь не дала ничего отраднаго и свѣтлаго. Напримѣръ, несчастный учитель Корниловъ („Трудовыя деньги") лишается единственной радости въ лицѣ своей племянницы Наташи, когда она выходитъ замужъ. И все-таки этотъ человѣкъ мирится съ невзгодами, нуждой и одиночествомъ и славитъ жизнь: „Да развѣ жизнь то мила только деньгами, развѣ только и радости, что въ деньгахъ? А птичка-то поетъ, чему она рада, деньгамъ что-ли? Нѣтъ, тому рада, что на свѣтѣ живетъ. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь, и бѣдная и горькая — все радость. Озябъ, да согрѣлся, вотъ и радость! Голоденъ, да покормили — вотъ и радость! Вотъ я теперь бѣдную племянницу замужъ отдаю, на богатой свадьбѣ пировать буду, развѣ это не радость! Потомъ пойду по бѣлому свѣту бродить, отъ города до города, по курнымъ избамъ ночевать".

Островскій смотритъ на жизнь совершенно спокойно, нисколько не увлекаясь бурными страстями, никого не идеализируя, но во всѣхъ его пьесахъ ярко отражается чисто русскій юморъ и здравый смыслъ. Если онъ смѣется надъ самодурствомъ, то этимъ производитъ только судъ поэтической правды. Однако, въ то же время Островскій рисуетъ намъ поэзію русскаго быта, его обычаи, нравы, вѣрованія... Кромѣ того, что Островскій въ своихъ произведеніяхъ ярко освѣтилъ нравственную сторону русскаго общества, онъ открылъ передъ нами неисчерпаемыя сокровища мѣткой, образной, красивой народной рѣчи. Однимъ словомъ, Островскій больше, чѣмъ какой-либо другой изъ писателей сороковыхъ годовъ, даетъ намъ яркое представленіе о русской народной жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страница.

Біографическій очеркъ 3
Опредѣленіе „темнаго царства“ 19
„Семейная картина“ 24
„Свои люди—сочтемся“. Общія замѣчанія 28
Содержаніе романа 29
Характеристика дѣйствующихъ лицъ:
Большовъ 35
Подхалюзинъ 42
Липочка 45
Рисположенскій 46
Тишка 48
Аграфена Кондратьевна 49
Устинья Наумовна 51
„Свои люди — сочтемся“, какъ комедія гоголевскаго типа . 53
Достоинство комедіи „Свои люди — сочтемся“. Ея общественное значеніе 59
Разборъ комедіи „Въ чужомъ пиру похмѣлье“. 61
„Бѣдность—не порокъ“. Общія замѣчанія 65
Содержаніе комедіи 65
Характеристика дѣйствующихъ лицъ:
Гордѣй Карпычъ Торцовъ 70
Любимъ Торцовъ 75
Пелагея Егоровна Торцова 78
Любовь Гордѣевна и Митя 80
Національныя черты въ пьесѣ Островскаго „Бѣдность—не порокъ“. 81
„Гроза“ Общія замѣчанія 83
Содержаніе драмы 84
Картина нравовъ города Калинова 89

Страница.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ:
Катерина 92
Савелъ Прокофьичъ Дикой 96
Марья Игнатьевна Кабанова 98
Тихонъ Кабановъ 101
Кудряшъ 102
Варвара 103
„Гроза“ — откуда это названіе 103
Достоинство драмы „Гроза“ 105
„Воспитанница“ 106
„Доходное мѣсто“. Общія замѣчанія 110
Содержаніе комедіи 111
Характеристика дѣйствующихъ лицъ: . . . . . .
Аристархъ Владимировичъ Вышневскій 119
Акимъ Акимовичъ Юсовъ 122
Онисимъ Панфилычъ Бѣлогубовъ 124
Василій Николаевичъ Жадовъ 126
Комедіи: „Праздничный сонъ — до обѣда“, „Свои собаки грызутся — чужая не приставай“ и „Зачѣмъ пойдешь то и найдешь“ (Трилогія о Бальзаминовѣ) 136
Характеристика литературной дѣятельности Островскаго и значеніе его творчества 142

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ ПОСОБІЙ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ:

		Цѣна Р. К.
Майковъ, Б. А.	Разборъ главн. произв. Тургенева, ч. I и II	1 —
„ „ „	Гоголя	1 —
„ „ „	Пушкина	1 —
„ „ „	Лермонтова	— 80
„ „ „	Гончарова	— 80
„ „ „	Островскаго	— 75
„ „ „	Л. Н. Толстого	1 25
Полевой, Д.	Руков. съ сост. сочин. по нов. литер. съ планами по курсу средн. уч. завед. и для конк. исп. Вышли 3 ч. Ц. кажд.	1 25
Мрочекъ, А.	Франц. хрестоматія „Livre de Lecture“ III изд. Одобрено Уч. Ком. М. Нар. Пр. въ качествѣ пособія для сред. учебн. завед. Цѣна въ перепл.	— 80
„	Краткій повт. курсъ франц. языка	— 30
Бобровъ, С.	Сборн. разраб. темъ съ планами литер., истор. и отвлеч. содерж., прим. къ курсу ср. уч. завед. Ч. I и II по	1 30
Рошалъ	Сборн. разраб. темъ, ч. I.	1 25

„Корифеи русскаго слова“:

Ломоносовъ.	Жизнь и творчество	— 40
Державинъ.	„ „	— 50
Карамзинъ.	„ „	— 35
Жуковскій.	„ „	— 90
Грибоѣдовъ.	„ „	— 70
Пушкинъ.	„ „	— 95
Гоголь.	„ „	— 80
А. Толстой.	„ „	— 45
Л. Толстой.	„ „	1 10
Лермонтовъ.	„ „	1 20
Тургеневъ.	„ „	— 80
Крыловъ.	„ „	— 35
Гончаровъ.	„ „	1 —
Достоевскій.	„ „	— 90
Островскій.	„ „	— 80

„Школьная библіотека“:

Разборъ „Горя отъ ума“	— 40
„ „Мертвыхъ душъ“	— 50
„ „Ревизора“	— 25
„ „Евгенія Онѣгина“	— 35
„ „Слова о полку Игоревѣ“	— 30
„ „Записокъ охотника“	— 35
„ „Рудина“	— 35
Кольцовъ. Жизнь и творчество	— 40

Книгоиздательское Т-во „ОРОСЪ“
ВАРШАВА, НОВЫЙ—СВѢТЪ № 70.

ТИП. Л. БИЛИНСКАГО и В. МАСЛЯНКЕВИЧА.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Aleksandr Nikolaevich Ostrovski
891.72 O85ZM
D90352959%